
❖

Михаил ЛЕРМОНТОВ

❖

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Классика мировой литературы

МОЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

Михаил Лермонтов

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) — русский поэт, прозаик, драматург, художник. Потомок выходца из Шотландии Георга Лермонта, взятого в плен при осаде крепости Белой в начале XVII в.

Жизнь его была короткой, но яркий талант развился на удивление рано: сохранились стихи и даже поэмы, написанные Лермонтовым ещё в 14-летнем возрасте. Он был одарён удивительной музыкальностью — играл на скрипке, на фортепьяно, пел, сочинял музыку на собственные стихи.

Творческое наследие Лермонтова включает в себя поэзию, прозу, драматургию: произведения реалистические, романтические и даже — сатирические.

Всё, что создано поэтом за короткую жизнь, — это подвиг во имя свободы и Родины. И заключается он не только в прославлении бородинской победы («Бородино», 1837), в строках «Люблю отчизну я...» («Родина», 1841), но и в тех сочинениях, где говорится о судьбе поколения, о назначении поэта, об одиноком узнике, об

изгнании, о пустоте жизни.

В данное издание вошли стихотворения, поэмы, сказка и роман «Герой нашего времени» — одна из вершин русской прозы первой половины XIX в. Воспринятый современниками М. Ю. Лермонтова как «странный», роман побуждает всё новые и новые поколения читателей искать решения его загадкам.

Содержание

#1	0007
СТИХОТВОРЕНИЯ	0011
#1	0011
СТИХОТВОРЕНИЯ 1828 года	0011
Примечания к стихотворениям 1828 года	0015
СТИХОТВОРЕНИЯ 1829 года	0017
Примечания к стихотворениям 1829 года	0069
СТИХОТВОРЕНИЯ 1830 года	0094
Примечания к стихотворениям 1830 года	0181
СТИХОТВОРЕНИЯ 1830–1831 годов	0224
Примечания к стихотворениям 1830–1831 годов	0280
СТИХОТВОРЕНИЯ 1831 года	0300
Примечания к стихотворениям 1831 года	0380
СТИХОТВОРЕНИЯ 1832 года	0427
Примечания к стихотворениям 1832 года	0482
СТИХОТВОРЕНИЯ 1833 года	0510
Примечания к стихотворениям 1833 года	0511
СТИХОТВОРЕНИЯ 1833–1834 годов	0512
Примечания к стихотворениям 1833–1834 годов	0514
СТИХОТВОРЕНИЯ 1836 года	0515
Примечания к стихотворениям 1836 года	0520
СТИХОТВОРЕНИЯ 1837 года	0523
Примечания к стихотворениям 1837 года	0543

СТИХОТВОРЕНИЯ 1838 года	0564
Примечания к стихотворениям 1838 года .	0577
СТИХОТВОРЕНИЯ 1839 года	0588
Примечания к стихотворениям 1839 года .	0605
СТИХОТВОРЕНИЯ 1840 года	0613
Примечания к стихотворениям 1840 года .	0654
СТИХОТВОРЕНИЯ 1841 года	0675
Примечания к стихотворениям 1841 года .	0711
СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ	0739
Примечания к стихотворениям разных лет	0759
ПОЭМЫ	0772
#1	0772
Кавказский пленник	0772
Корсар	0797
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	0814
Мцыри	0841
Демон (Восточная повесть)	0870
АШИК-КЕРИБ (Турецкая сказка)	0916
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (Роман)	0931
#1	0931
Часть I	0934
Часть II (Окончание журнала Печорина) .	1044

Михаил ЛЕРМОНТОВ
Избранные произведения
в одном томе

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве. Сын помещика, капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой. Рано потерял

мать. Его бабушка по материнской линии Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, вынудила Юрия Петровича предоставить воспитание внука ей. Детство Лермонтова прошло в ее имении Тарханы Пензенской губернии.

Первоначально получал образование дома у иностранных учителей. С 1828 г. учился в Благородном пансионе при Московском университете. Затем в Московском университете на нравственно-политическом отделении, но курса не окончил. В 1832 г. переехал в Петербург, намереваясь продолжить обучение в Петербургском университете, но зачислен не был. В том же году поступил в школу гвардейских юнкеров и прапорщиков, где учился вместе с Николаем Соломоновичем Мартыновым, будущим своим убийцей. В 1834 г. Лермонтов был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

Литературную деятельность начал в 1829 г., хотя первое его произведение, поэма «Хаджи Абрек», было напечатано лишь в 1835 г. Существует предание, что рукопись была отправлена в редакцию без ведома авто-

ра. Лермонтов автор около 400 стихотворений, около 30 поэм, в том числе «Демон», «Мцыри», автор драмы «Маскарад», прозаических произведений «Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская» и др.

Стихотворение «На смерть поэта», созданное после трагической гибели А. С. Пушкина, вызвало неудовольствие властей, и Лермонтов был выслан прапорщиком в действовавший на Кавказе Нижегородский драгунский полк. В 1838 г. вновь возвратился в Петербург.

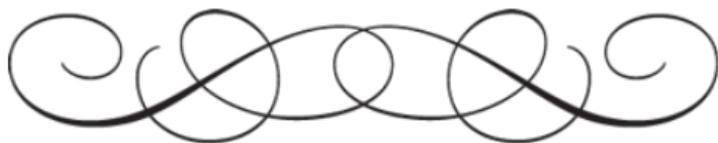
Михаил Юрьевич женат не был, но всю жизнь был увлечен Варварой Александровной Лопухиной, в замужестве Бахметевой. Она являлась адресатом любовной лирики поэта.

На одном из балов в 1840 г. поэт поссорился с сыном французского посланника де Барантом, в результате чего произошла дуэль, окончившаяся бескровно. Но Лермонтов был вновь выслан в Тенгинский пехотный полк на Кавказ. В Пятигорске он встретил своего однокашника по школе прапорщиков Мартынова. Из-за пустой ссоры у них состоялась дуэль, на которой Лермонтов был убит. В 1842 г.

прах поэта был перенесен в его имение Тарханы Пензенской губернии.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828 года

Осень

*Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит.*

Заблуждение Купидона

*Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,*

Напрягши грозный лук и за обиду
мстя,
Не смея к женищинам, к нам
ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей,
стремит.
Ваш подлый род один! — безум-
ный говорит.

*

С тех пор-то женищина любви не
знает!..
И точно как рабов считает нас
она...
Так в наказаниях всегда почти бы-
вает:
Которые смирней, на тех падет
вина!..

Цевница

На склоне гор, близ вод, прохо-
жий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные
мечты
Сидят задумавшись? Над ними
свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз

и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных
весной.
Там некогда, кругом черемухи
млечной
Струя свой аромат, шумя, с при-
брежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и
игривый.
Там некогда моя последняя лю-
бовь
Питала сердце мне и волновала
кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поут-
ру, туманы
От солнечных лучей редуют средь
поляны.
Исчезло всё теперь; но ты оста-
лось мне,
Утеха страждущих, спасенье в
тишине,
О милое, души святое воспомина-
нье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней,
когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может
грозный рок,

*Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчи-
вой цевницей!*

Поэт

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.*

*Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.*

Примечания к стихотворениям 1828 года

Осень

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Заблуждение Купидона

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Цевница

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3. № 16, стлб. 487).

В автографе позже приписана рукой Лер-

монтова дата в скобках: «1828».

Поэт

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 28 (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г.), л. 2; предшествовавший ему автограф второй половины стихотворения (от слов «таков поэт») имеется в ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, кн. 2, стр. 294–295).

Датируется 1828 годом по нахождению в письме к М. А. Шан-Гирей.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1829 года

К П.....ну

*Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостойн бедный свет пре-
зренья,
Хоть наша жизнь минута снови-
денья,
Хоть наша смерть струны по-
рванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе
станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас
страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пу-
ти!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу
бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе просто-*

народной;
Но тот, на ком лежит уныния
печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут усладить
Ни дружба, ни любовь, ни песни
боевые!..

К Д....ву

Я пробежал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..

Посвящение. N. N

Вот, друг, плоды моей небрежной
музы!
Оттенок чувств тебе несу я в
дар.

Хоть ты презрел священной
дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул
жар...
Я знаю всё: ты ветрен, без рассу-
ден,
И ложный друг уж в сеть тебя за-
влек;
Но вспоминай, что путь ко сча-
стью труден
От той страны, где царствует
порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозре-
нья,
Словам моим поверить не хо-
тел...
Но час придет, своим печальным
взором
Ты всё прочтешь в немой душе
моей;
Тогда: — беги, не трать пустых
речей, —
Ты осужден последним пригово-
ром!..

Пир

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снесь, кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

Веселый час

**(Стихи в оригинале найдены во
Франции на стенах одной
государственной темницы)**

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так смотрите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне

Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <i>старинный;
И музыкой ослиной
Скрипит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги —
Она — давай бог ноги!..

*Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.*

*•
•
Тогда я припеваю*

*•
•
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»*

К друзьям

*Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.*

** Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.*

*

Но нередко средь веселья

*Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.*

Эпиграмма

*Дурак и старая кокетка — всё
равно:
Румяны, горсть белил — всё зна-
ние его!..*

Мадригал

*«Душа телесна!» ты всех уверя-
ешь смело;
Я соглашусь, любовью дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное как душа!..*

Романс

*Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел, изгнанник самовольный,
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?»*

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

«Нет! и под миртом изумруд-
ным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

*

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

Портреты

1

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,

И на челе оставил рок
Средь юных дней печать стра-
стей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Льют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще сучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса

*Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.*

3

*Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..*

4

*Всё в мире суета, он мнит, или
отрава,
Возвышенной души предмет
стремленья — слава.*

5

*Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.*

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К гению

Когда во тьме ночей мой не смы-
каясь взор
Без цели бродит вокруг, прошедших
дней укор
Когда зовет меня, невольно, к
вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь
мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится
в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!..
Люблю!
Твержу, забывшись им. Но полный
весь тоскою
Неверной девы лик мелькает пре-
до мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий
миг исчез,

Как гаснет блеск звезды падачей
среди небес!
Но я тебя молю, мой неизменный
Гений:
Дай раз еще любить! дай жаром
вдохновений
Согреться миг один, последний, и
тогда
Пускай остынет пыл сердечный
навсегда.
Но прежде там, где вы, души мо-
ей царицы,
Промчится звук моей задумчивой
целницы!
Молю тебя, молю, хранитель
мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой
золотой
Повесь и начерти: здесь жили
вдохновенья!
Певец знавал любви живые упое-
нья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!

·
·

Но ты забыла, друг! когда порой
ночной
Мы на балконе там сидели. Как
немой,
Смотрел я на тебя с обычной пе-
чалью.
Не помнишь ты тот миг, как я,
под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою
склонял —
И был ответом вздох, твою я ру-
ку жал —
И был ответом взгляд и страст-
ный и стыдливый!
И месяц был один свидетель мол-
чаливый
Последних и невинных радостей
моих!..
Их пламень на груди моей давно
затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел
разлуки,
Как я почти забыл и радости и
муки,
Желаешь ты опять привлечь ме-
ня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь
судьбе!

Кляни мой взор, кляни моих вос-
торгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою укра-
сит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неиз-
меримых стран,
Где стелется эфир, как вечный
океан,
И совесть чистая с беспечностью
драгою,
Хранители души, останьтесь ввек
со мною!
И будет мне луны любезен том-
ный свет,
Как смутный памятник прошед-
ших, милых лет!..

Покаяние

Дева

— Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

— Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаяньи
Излиешь свои страданья:

Грех простит великий бог!..

Дева

*— Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасеньи слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молился:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти возжеленью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость*

Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страданьи,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаяньи:
Не простит великий бог!..

Письмо

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо
мною,
И много в грудь теснилось — и
ты
Напрасно чашу мне несла здоро-
вья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,

Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно же-
ланье:
Приди ко мне, приди в последний
раз,
Чтоб усладить предсмертное
страданье,
Чтоб потушить огонь сомкну-
тых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую ру-
ку...
Далеко ты! не слышишь голос
мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих пе-
чальных
Откроется... прочтешь его... то-
гда
Быть может я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный наве-
гда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг
от друга,
Мой дух всегда готов к тебе ле-
тать

Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лоб-
зать...

Настанет ночь; приедешь из со-
бранья

И к ложу тайному приедешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар ды-
ханья

Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ла-
ниты,

К груди молодой прильнет без-
вестный дух,

И над головой мелькнет призрак
забытый,

И звук влетит в твой удивленный
слух.

Узнай в тот миг, что это я, из
гроба

На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный
удел!..

Когда ж в санях, в блистатель-
ном катаньи,

Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом стра-
даньи

Стоит гусар безмолвен, мрачен,
тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце заки-
пит,
И ты вздохнешь, гусара взор за-
тмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного метал-
ла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш наве-
ла!..
Ах! много, много я сказать же-
лаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти под-
ступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами сла-
вы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен
был!..

Война

*Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!*

Русская мелодия

1

*В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им назва-
нья;
Вдруг зимних бурь раздался гроз-
ный вой, —
И рушилось неверное созданье!..*

2

*Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,*

И бескорыстный и свободный!..

3

*Он громкий звук внезапно разда-
ет,
В честь девы милой сердцу и пре-
красной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но
напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..*

Песня

*Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод*

Водворились!

К *** (Не привлекай меня красой!..)

*Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..*

Романс

*Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей
прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с ка-
кой-то простотою:
Я был счастлив!..*

*Кто, слишком рано насладив-
шись,
Живет, в душе негодование скрыв,*

Тот может, друг, еще сказать,
забывшись:
Я был счастлив!..

Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосер-
дечно:
Я был счастлив!

Три ведьмы
(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

*Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!*

Первая

*И вот где он: там пир горой,
Толпа увеселений:
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрой умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!*

Вторая и третья

*Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..*

Первая

*Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду,
Свободною минутой:*

Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!
..»
И забелели волны.

К Нине
(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье

Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

К N. N

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор пой-
мешь;
Но он тебе как меч, как яд опасен;
Захочешь ты проступку вновь по-
мочь;
Нет, поздно, друг, твой будет
труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит
прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во
сне;
Никто со мной делить не будет
скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несча-
стье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе

*ты,
И не пробудится в душе моей уча-
стье!..*

Эпиграммы

1

*Есть люди странные, которые с
друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести — а
там
Забут и подарен слугам!..*

2

*Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.*

3

Поэтом (хоть и это бремя)...

*Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не
суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно
и то же время,
Признаться, — очень мудрено!*

4

Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над ду-
раком
И спорить с женщиной, — всё то
же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге просле-
зился,
Когда тот кончил жизнь; поныне
он грустит;
(Но не о том, что жизни друг ли-
шился)
Пять раз забыл он взять билеты
за визит!..

К Грузинову

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..

*Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женичины — итак,
Кто ж видел женицин благодар-
ных?..*

Наполеон

*Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно по-
ложен,
В сырой земле и в яме неглубокой*

*—
Там спит герой, друзья! — Напо-
леон!..*

*Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн при-
брежных стон!..*

*Но вот полночь свинцовый свой
покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребри-
ла.*

*Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуж-
дать,*

Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук
мечей

Гремел, носился глас его священ-
ный?

Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул воен-
ный;

А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его
хранить!

«Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражал-
ся?

И скипетром стальным короны
разбивал?

Зачем шутил граждан спокойных
кровью,

Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

«Ему, погибельно войною принуж-

денный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин
дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стена-
ми...
Бежал!.. и скрыл за дальними мо-
рями
Следы печальные твоих высоких
дум.

•

«Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир ве-
сенний,
Безвестный гость, дубравный со-
ловей,
Порою издает томительные зву-
ки,
В них слышны: слава прежних
дней,
И голос нег, и голос муки!..

«Когда уже едва свет дневный от-

ражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталую стопою
Идет рыбак берегов на тихий
склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый
истлевает,
Не перестав простую песню
петь...»

•

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи за-
бежала...
Умолк певец. Струится в жилах
хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему
предстала.
«Умолкни, о певец! — спеши отсю-
да прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно
ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья,
ни рока!
Пускай историю страстей

И дел моих хранят далекие потомки:

Я презрю песнопенья громки; —
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

Пан
(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой
гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную
сень
Или под ветвями пустынная рябины,
Смотреть на синие, туманные
равнины.
Тогда приходит Пан с толпою
пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате
лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уедине-
нье
Является, ведя святое вдохнове-
нье:
Главу рогатую ласкает легкий
хмель,
В одной руке его стакан, в другой
свирель!

Он учит петь меня; и я в тиши
дубравы
Играю и пою, не зная жажды сла-
вы.

Жалобы турка **(Письмо. К другу, иностранцу)**

Ты знал ли дикий край, под зной-
ными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цве-
тут?
Где хитрость и беспечность злобе
дань несут?
Где сердце жителей волнуемо
страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как ка-
мень?
Но мощь их давится безвремен-
ной тоской,
И рано гаснет в них добра спокой-
ный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает
для людей,
Там за утехами несется укориз-
на,
Там стонет человек от рабства
и цепей!..

Друг! этот край... моя отчизна!
*

*Р. С. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы челове-
ки!..*

К N. N

*Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..*
*

*Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!*
*

*Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,*

Чтоб мое покоить мщенье!..

Черкешенка

*Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!*

*Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних
скал...*

*Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.*

Ответ

*Кто муки знал когда-нибудь,
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,*

Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лес-
ной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

Два сокола

Степь синяя расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
— Ах! я свет возненавидел
И безжалостных людей.
«Что ж ты видел там худого?»
— Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых

Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрас-
ной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;

Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл, между ресниц, порой,
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! —
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон

Собрание зол его стихия.

Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетев-
ших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

Жена Севера

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.

*И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..*

К другу

*Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пусто-
го сна.
Не буду я счастливым близ пре-
красной;
Но ты меня не спрашивай напрас-
но:
Ты, друг, узнать не должен, кто
она.
Навек мы с ней разлучены судь-
бою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.*

Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож крова-
вый!
Стремится медленно толпа лю-
дей,
До гроба самого от самой колы-
бели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой це-
ли.
И я к высокому, в порыве дум жи-
вых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и за-
бвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмирив мое воображе-
нье,
Мной игры младости любимы
быть могли,

Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе
моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью
своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от
страданий,
От преждевременных страстей!..

Забывши волнения жизни мятежной...

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой призрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

К *** (Глядися чаще в зеркала...)

*Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..*

В день рождения N. N

*Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...*

К * (Мы снова встретились с тобой...)**

*Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.*

*Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..*

Монолог

*Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не мо-
жем?
Мы, дети севера, как здешние рас-
тенья,
Цветем недолго, быстро увяда-
ем...
Как солнце зимнее на сером небо-
склоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так
недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоску-
ет...
Не зная ни любви, ни дружбы
сладкой,
Средь бурь пустых томится
юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,*

*И нам горька остылой жизни ча-
ша;
И уж ничто души не веселит.*

**Встреча
(Из Шиллера)**

1

*Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг как бы летучие перуны
Мои персты ударились о струны.*

2

*Что я почувствовал в сей миг чу-
десный,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвест-
ный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало
тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.*

Баллада

*Над морем красавица-дева сидит;
И к другу ласкаясь, так говорит:*

*«Достань ожерелье, спустися на
дно;
Сегодня в пучину упало оно!*

*Ты этим докажешь свою мне лю-
бовь!»*

Вскипела лихая у юноши кровь,

*И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается
вдруг.*

*Из бездны перловые брызги ле-
тят,*

*И волны теснятся, и мчатся на-
зад,*

*И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.*

*О счастье! он жив, он скалу ухва-
тил,*

*В руке ожерелье, но мрачен как
был.*

Он верить боится усталым но-
гам,
И влажные кудри бегут по пле-
чам...

«Скажи, не люблю иль люблю я
тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не
щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор
устремил
На то, что дороже он жизни лю-
бил.

Ответ был: «О милый, о юноша
мой!
Достань, если любишь, коралл до-
рогой».

С душой безнадежной молодой уда-
лец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл
иль конец.

*Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,*

*И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.*

**Перчатка
(Из Шиллера)**

*Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.*

*Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обзрев,
Ложится лев.*

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четюю.

И к рыцарю вдруг своему обра-
тясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытатъ я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый
час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бе-
жит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он
глядит
И смелой рукой подымает.
*

И зрители в робком вокруг ожи-
данье,
Трепеща, на юношу смотрят
вмолчанье.
Но вот он перчатку приносит на-
зад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надоб-
номне!»
И гордую тотчас покинул.

Дитя в люльке
(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке про-
сторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен пока-

жется мир.

К * (Делись со мною тем, что знаешь...)
(Из Шиллера)**

*Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чорт душа твоя!..*

Молитва

*Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могиль-
ный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.*

*Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.*

Примечания к стихотворениям 1829 года

К П.....ну

Печатается по автографу — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 7 об. — 8). Копия с него — ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6–6 об.

В 1847 году не было допущено цензурой к напечатанию в «Отеч. записках». Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Васильевичу Петерсону (род. в 1813

году).

К Д....ву (Я пробежал страны России...)

Печатается по автографу — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8–8 об.). Копия с него — ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 6 об.—7. Описки в стихах 8 (нет слова «покой!») и 12 («И больше им не поверяюсь») исправлены по копии.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Адресовано товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Дмитриевичу Дурнову (род. в 1813 году), и является подражанием посвящению к поэме Рылеева «Войнаровский», обращенному к А. А. Бестужеву.

Посвящение. N. N.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 22–23).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При случае ссоры с Сабуровым».

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Михаилу Ивановичу Сабурову (род. в 1813 году).

Два последних стиха — перефразировка двух стихов из стихотворения Пушкина «Коварность».

Пир

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)».

Стих второй («Под сень черемух и акаций») — цитата из «Евгения Онегина», гл. VI, строфа VII.

О М. И. Сабурове см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.», стр. 385.

Веселый час

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 4–5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 24–25).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К друзьям

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5.

Имеется также автограф — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 7–7 об.). Копия с последнего автографа — ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 25–26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Эпиграмма (Дурак и старая кокетка — всё равно...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Мадригал

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Романс (Коварной жизнью недовольный...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 5 об.—6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 28).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Написано, вероятно, на отъезд в Италию С. П. Шевырева в феврале 1829 года. В

1827–1829 годах Шевырев как сотрудник «Моск. вестника» постоянно подвергался нападениям Ф. Булгарина. Лермонтов мог узнать об отъезде Шевырева от сотрудника «Моск. вестника» С. Е. Раича.

Портреты

Печатаются по автографу — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 9—10 об.). Автограф первого портрета — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 6–6 об., заглавие — «Портрет». Этот автограф представляет позднейшую, но незавершенную редакцию. Копии с тетради Солоницкого — ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 7 об. — 8 об.

Во втором стихе четвертого стихотворения в автографе описка: «Возвышенной душой предмет стремленья — слава».

Впервые опубликованы: первое — в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15), остальные — в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 5–6).

Все шесть стихотворений датируются 1829 годом, так как находятся в тетрадях со стихотворениями этого года.

В автографе ИРЛИ — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Во втором «портрете», возможно, изображен И. Р. Грузинов (см. примечание к стиховорению «К Грузинову», стр. 391). Кого изображают остальные «портреты» — не ясно.

К Гению

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 6 об. — 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю». Второй любовью Лермонтова была двоюродная сестра его матери, Анна Григорьевна Столыпина (1815—1892), впоследствии — жена генерала А. И. Философова (о первой

детской любви Лермонтова см. примечание к стихотворению «Кавказ»). Ефремовская деревня — вероятно, Кропотовка, в Ефремовском уезде Тульской губернии, принадлежавшая отцу поэта, Ю. П. Лермонтову.

Покаяние

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 7 об. — 8 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 32–33).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Письмо

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 8 об. — 9 об.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 290–291).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор».

Война

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 35–36).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В пансионе».

Является откликом на события русско-турецкой войны 1828–1829 годов.

Русская мелодия

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10–10 об. Копия (без разночтений) — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая (зачеркнутая) приписка Лермонтова в скобках: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и по-

следний».

Раич Семен Егорович (1792–1855) — поэт и переводчик, издатель журнала «Галатей», учитель Лермонтова по Университетскому пансиону и организатор пансионского Общества любителей отечественной словесности, деятельным членом которого был Лермонтов (см. автобиографию Раича, «Русск. библиофил», 1913, кн. 8, стр. 32–33).

О Дурнове — см. примечание к стихотворению «К Д....ву».

Песня (Светлый призрак дней минувших...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 37).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К..... (Не привлекай меня красой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках»

(1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18–19).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)». Под инициалами А. С. подразумевается Анна Григорьевна Столыпина (см. примечание к стихотворению «К Гению»).

Романс (Невинный нежною душою...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11–11 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 38).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках: «Дурнову». Ср. стихотворения «К Д...ву» и «Русская мелодия», стр. 14 и 34.

Три ведьмы

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 11 об—12.

Впервые опубликовано по этому автографу

в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 325–326). См. «Библиогр. записки», 1861, № 18, стлб. 563. Некоторые разночтения этой публикации и автографа объясняются редакторской правкой Н. В. Гербеля.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод отрывка из шиллеровской переделки «Макбета» Шекспира (4 явление I акта, с опущением трех первых и трех последних реплик).

К Нине

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 12 об.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 316–317).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме», 1796).

К Н. Н. (Ты не хотел! но скоро волю рока...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 12–13), с искажением стихов 5–8.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем не веселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им».

О Сабурове — см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.».

Эпиграммы

Печатаются по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13–13 об. Другой автограф последней эпиграммы с разночтениями — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 10 об.); копия последней эпиграммы с автографа ЛБ — ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 8 об.

Впервые опубликованы: 1 и 6 — в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 6 и 13), 2 и 4 — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 39), 3 — в «Русск. старине» (1872, № 2, стр. 291), 5 — в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируются 1829 годом по нахождению в тетради II.

По предположению В. В. Каллаша (Соч. под ред. Каллаша, т. 1, 1914, стр. 268), третья эпиграмма относится к поэту и журналисту Петру Ивановичу Шаликову (1768–1852), четвертая — к писателю Николаю Филипповичу Павлову (см. примечание к стихотворению «Г<-ну> Павлову»).

Эпиграммы 1, 2 и 5 текстуально близки к «Мыслям, выпискам и замечаниям» из альманаха «Цефей» на 1829 год, вероятно, принадлежащим Лермонтову (см. настоящее издание, т. 6). В этом альманахе принимали участие воспитанники Университетского благородного пансиона («Лит. наследство», т. 45–46, М., 1948, стр. 223–254).

Аминт — пастух в пасторали Тассо «Aminta».

К Грузинову

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 14. Имеется другой автограф — ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8 об.). Копия с автографа ЛБ — ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 7.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинов Иосиф Романович (1812–1858) — бездарный поэт, пансионский товарищ Лермонтова.

Наполеон (Где бьет волна о брег высокой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 14–15 об.

Небольшие отрывки стихотворения были опубликованы в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152); полностью — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 362–364).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Данное стихотворение — первое из стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону.

Пан

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стлб. 488).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В Средниково».

Средниково — подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой — Дмитрия Алексеевича Столыпина, друга декабриста Пестеля. Д. А. Столыпин скоропостижно умер (3 января 1826 г.) в самом начале судебного следствия над декабристами. В его семье Лермонтов проводил лето 1829, 1830 и 1831 годов.

Жалобы турка

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 16.

Впервые опубликовано, без заглавия и с пропуском заключительных четырех стихов, Н. В. Гербелем в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера, Берлин, 1862, стр. 6), полностью — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 41).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Выражая в стихотворении резкий протест против самодержавно-крепостнических порядков в России, Лермонтов маскирует свои революционные настроения заглавием «Жалобы турка».

К N. N. *** (Не играй моей тоской...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 16–16 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Черкешенка

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 2 (тетрадь II), лл. 16 об. — 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42–43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Ответ

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Два сокола

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 17–17 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 20–21).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинская песня

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 18–18 об.

Впервые опубликовано: начало стихотворения (стихи 1—13) — в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21); окончание (стихи 13—32) — в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера, Берлин, 1862, стр. 128—129); полностью — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 44—45).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе».

Мой демон

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21).

Датируется по нахождению в тетради II.

Написано одновременно с началом работы над поэмой «Демон» и является как бы первым ее наброском. Возникло под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (1823), напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году под

заглавием «Мой демон». В 1831 году Лермонтов переработал свое стихотворение, сохранив, однако, его начальные стихи.

В 20-х и 30-х годах демоническая тема неоднократно разрабатывалась в русской поэзии.

Жена Севера

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19. Там же — копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 46).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К другу (Взлелеянный на лоне вдохновения...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19 об. Там же — копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 10 об. — 11.

Впервые опубликовано: окончание (стихи 17–24) — в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 26), полностью — в «Русск. мысли» (1881,

№ 12, стр. 13–14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Первоначальное (зачеркнутое) заглавие — «Эпилог (к Д...ву)», т. е. к Дурнову (о Дурнове — см. примечание к стихотворению «К Д...ву»).

Элегия (О! Если б дни мои текли...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Забывши волнения жизни мятежной...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Это набросок, являющийся началом стихотворения и зачеркнутый Лермонтовым.

К *** (Глядися чаще в зеркала...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 20).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В день рождения N. N.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

К *** (Мы снова встретились с тобой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 21).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Монолог

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 5.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 28).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В этом стихотворении, являющемся как бы первым наброском «Думы» (1838), Лермонтов ставит один из центральных вопросов своего творчества — протест против бездействия людей своего поколения в обстановке реакции после разгрома восстания декабристов.

Встреча

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 5 об.—6.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321–322).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Вольный перевод двух начальных строф стихотворения Шиллера «Die Begegnung» (1797).

Баллада (Над морем красавица-дева сидит...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 6–7.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 327–328).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Сюжет заимствован из стихотворения Шиллера «Der Taucher» («Водолаз», 1797).

Перчатка

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 7 об. — 8 об. Там же — копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 1–2.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 319–321).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Перевод (неполный, с пропуском 11 стихов оригинала, между стихами 30 и 31 перевода)

баллады Шиллера «Der Handschuh» (1797).

Дитя в люльке

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К * (Делись со мною тем, что знаешь...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 322).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*», из цикла «Votivlafeln» — «Вотивные таблицы» («Teile mit mir, was du weisst», 1796).

Молитва (Не обвиняй меня, всесильный...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 28–29).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1830 года

Кавказ

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от
вас,
Чтоб вечно их помнить, там на-
до быть раз.
Как сладкую песню отчизны мо-
ей,
Люблю я Кавказ.*

*В младенческих летах я мать по-
терял.
Но мнилось, что в розовый вечера
час
Та степь повторяла мне памят-
ный глас.
За это люблю я вершины тех*

скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия
гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую
по вас.
Там видел я пару божественных
глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот
взор:
Люблю я Кавказ!..

К *** (Не говори: одним высоким...)

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь, с чувством я глубо-
ким,
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,

*В изгнаныи дальнем он погас —
И что ж? — Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..*

Опасение

*Страшишь любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встрево-
жит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.*

*Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...*

*И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,*

*Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...*

*Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клонить-*

ся,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Стансы

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозой
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моле-
нья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н. Ф. И....вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливицы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстя-
ми;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослеплен-
ный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,

*К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.*

*Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.*

Ты помнишь ли, как мы с тобою...

*Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались поздною порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.*

*Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...*

Весна

*Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.*

Ночь. I

*Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б
яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное простран-
ство)*

Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целья природы,
Боролись — и ни один из них
Не мог назваться побежденным.
Страх
Припомнить жизни гнусные дея-
нья,
Иль о добре свершенном возгор-
диться,
Мешал мне мыслить; и летел, ле-
тел я
Далеко без желания и цели —
И встретился мне светозарный
ангел;
И так, сверкнувши взором, мне
сказал:
«Сын праха — ты грешил — и на-
казанье
Должно тебя постигнуть как
других;
Спустишь на землю — где твой
труп
Зарыт; ступай и там живи, и
жди,

Пока придет спаситель — и мо-
лись...

Молись — страдай... и выстрадай
прощенье...»

И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий
миг

Лишь заглушенная боязнью, с но-
вой силой,

Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно
прежде,

Я чувствовал один холодный тре-
пет

Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел — воспоми-
нанье

В меня впилося когтями, — я
вздохнул,

Так глубоко, как только может
мертвый —

И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит нако-
нец

Свое ничтожество, и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он —
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп — и там
остался я;
Здесь кость была уже видна —
здесь мясо
Кусками синее висело — жилы
там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин
глаз,
То вновь скрывался в безобразный
череп.
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки —
И я помочь ему желал — но

тщетно —

Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножа-
лись;

Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ниче-
го...

Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бранные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал зем-
ных

Блаженств, чтоб хоть одну — од-
ну минуту

Почувствовать в них теплоту. —
Напрасно,

Они остались хладны — хлад-
ны — как презренье!..

Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех
людей, —

И мне блеснула мысль: — (творе-
нье ада)

Что если время совершит свой
круг

И погрузится в вечность невоз-

вратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
— И я хотел изречь хулы на небо
—
Хотел сказать:...
Но голос замер мой — и я
проснулся.

Разлука

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей,
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.

*Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране,
Не принесло тебе страданье
При сожаленьи обо мне...*

Ночь. II

*Погаснул день! — и тьма ночная
своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и
мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась на-
ша;
На ней, спокойствием объятой
тихим,
Уснуло всё — и я один лишь не
спал.
Один я не спал... страшным полу-
светом,
Меж радостью и горестью среди-
ной,
Мое теснилось сердце — и желал
я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..*

*Вот с запада Скелет неизмери-
мый*

*По мрачным водам начал подни-
маться*

И звезды заслонил собою...

*И целые миры пред ним уничто-
жались,*

*И всё трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними остава-
лось!*

*И вот приблизился к земному ша-
ру*

*Гигант всесильный — всё на ней
уснуло,*

*Ничто встревожиться не мысли-
ло — единый,*

*Единый смертный видел, что не
дай бог*

Созданию живому видеть...

*И вот он поднял костяные руки
—*

*И в каждой он держал по челове-
ку,*

*Дрожащему — и мне они знакомы
были —*

*И кинул взор на них я — и запла-
кал!..*

И странный голос вдруг раздался:

«Малодушный!

*Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал — я здесь: я
смерть!..*

Мое владычество безбрежно!..

*Вот двое. — Ты их знаешь — ты
любил их...*

*Один из них погибнет. — Позво-
ляю*

*Определить неизбежимый жре-
бий...*

*И ты умрешь, и в вечности погиб-
нешь —*

*И их нигде, нигде вторично не уви-
дишь —*

*Знай, как исчезнет время, так и
люди,*

*Его рожденье — только бог лишь
вечен...*

— Решишь, несчастный!..»

Тут невольный трепет

*По мне мгновенно начал разли-
ваться,*

*И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из
груди;*

И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба!
оба!..

Я верю: нет свиданья — нет раз-
луки!..

Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание. —

Ах! — и меня возьми, земного чер-
вя —

И землю раздробь, гнездо развра-
та,

Безумства и печали!..

Всё, всё берет она у нас обманом

И не дарит нам ничего — кроме
рожденья!..

Проклятье этому подарку!..

Мы без него тебя бы не знавали,

Поэтому и тщетной, бедной жиз-
ни,

Где нет надежд — и всюду опасе-
нья. —

Да гибнут же друзья мои, да гиб-
нут!..

— Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные

Моих друзей сдавили — их не ста-

ло —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго,
долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась
молиться!..

В старинны годы жили-были...

*В старинны годы жили-были
Два рыцаря друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить
И крест священный знаменами
Своими осенить...*

Had we never loved so kindly[1]

*Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.*

**Незабудка
(Сказка)**

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Беседа мирная текла.

«Друг: не клянися мне напрасно,
Сказала дева: верю я,
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. — Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,

Но нет: звездика не нужна;
Подальше, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок ...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищен-
ный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не забудь меня!»
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.

Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
И цветом неба он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...
Вот повести конец моей;
Судите: былъ иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

Совет

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,

Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

Одиночество

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы: —
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят будто сны;
И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлит над
землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,

Чем о рождении моем...

В альбом

1

*Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных
лет
От жизни краткой, но мятеж-
ной
Какой-нибудь остался след.*

2

*Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник моги-
лы!..*

Гроза

Ревет гроза, дымятся тучи

Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей
Толпяся волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой
вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется

—
И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизньию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главою;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

Гроза шумит в морях с конца в конец...

Гроза шумит в морях с конца в
конец,
Корабль летит по воле бурных

вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен

Не ведают, ни кто, ни что здесь
он!..

Конечно, он жила между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моления, скрип сна-
стей
Не трогают молчания его.

Звезда

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя все-
гда;
Твой слабый луч, сражаясь с тем-
нотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но как к тебе к нему еще лечу;
И хоть нельзя, — смотреть его

хочу...

Еврейская мелодия

*Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит.*

*Но поймать ты не льстись и ловить не берись
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж — и заблещет она.*

*Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.*

Вечер после дождя

*Гляжу в окно: уж гаснет небо-склон,
Прощальный луч на вышине ко-*

лонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых
очах;

И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных
трав...

Один меж них заметил я цве-
ток,
Как будто перл, покинувший во-
сток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных
очей,
Но помнит всё о красоте своей.

Наполеон (Дума)

В неверный час меж днем и тем-
нотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн
и дел,

Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей об-
раз там,

На берегу, склонивши взор к вол-
нам,

Стоит вблизи нагбенного кре-
ста?

Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышен-
ным челом

И две руки, сложенные крестом.

*

Пред ним лепечут волны и бегут
И вновь приходят и о скалы бьют;

Как легкие ветрилы, облака

Над морем носятся издалека.

И вот глядит неведомая тень

На тот восток, где новый брез-
жит день;

Там Франция — там край ее род-
ной

И славы след, быть может скры-
тый мглой;

Там, средь войны, ее неслися дни...

О! для чего так кончились они!..

*

Прости, о слава! обманувший
друг.

Опасный ты, но чудный, мощный
звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в
морях,
Где сгнил его и червем съеден
прах,
Где он страдал, покинут от дру-
зей,
Презрев судьбу с гордыней преж-
них дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав кре-
стом.

*

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящийся слабый
ум,
Хоть чужд страстей, всё полон
прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце про-
никал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой
он,
Сопутницею жизни, осенен.

Но — посмотри — уж день блеснул в струях...

Призрака нет, всё пусто на скалах.

*

Нередко внемлет житель сих берегов

Чудесные рассказы рыбаков.

Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,

Мгновенный луч нередко озарял
Печальную тень, стоящую меж скал.

Один пловец, как не был страх велик —

Мог различить недвижный смуглый лик,

Под шляпою, с нахмуренным челом,

И две руки, сложенные крестом.

Эпитафия Наполеона

Да, тень твою никто не порицает,

Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;

Кто знал тебя возвесть, лишь

*тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.*

К глупой красавице

*Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...*

*Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.*

Очи. N. N

*Нет смерти здесь; и сердце вто-
рит нет;
Для смерти слишком весел этот
свет.
И не твоим глазам творец судил*

*Гореть, играть для тленья и мо-
гил...*

*Хоть всё возьмет могильная дос-
ка,*

Их пожалеет смерти злой рука;

*Их луч с небес, и, как в родных кра-
ях,*

Они блеснут звездами в небесах!

Кавказу

Кавказ! далекая страна!

Жилище вольности простой!

И ты несчастьями полна

И окровавлена войной!..

Ужель пещеры и скалы

Под дикой пеленою мглы

Услышат также крик страстей,

Звон славы, злата и цепей?..

Нет! прошлых лет не ожидай,

Черкес, в отечество свое:

Свободе прежде милый край

Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе

Светает — вьется дикой пеленой

*Вокруг лесистых гор туман ноч-
ной;*

Еще у ног Кавказа тишина;

Молчит табун, река журчит одна.

Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись
меж туч,

И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и
там:

Так девушки купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют
взор:

Но как бежать, коль близок милый
вор!..

Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу...

Прости, мой друг!.. как призрак я
лечу

В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред
тобой.

Ты можешь жить, не слыша го-
лос мой:

Из всех блаженств, отнятых у
меня,

Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью за-
жгло.

Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный
взгляд
Ничем, ничем не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет
труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне при-
дет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст меч-
та
Как дым слетит, завянет красо-
та,
Забьется сердце медленней, сви-
нец
Тоски на нем — и что всему ко-
нец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе
сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем
оставлен ты!»

Челнок

Воет ветер и свистит пред недалё-
ной грозой;

По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем вол-
ной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспо-
койным челом
И что-то у ног их под белым хол-
стом.

*

И вихорь сильнее по волнам про-
бежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно ле-
жал
И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения
дым,
Как тучи на небе иль волны под
ним.

*

В чалме он богатой, с обритой
главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровя-
ной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутни-
ков ждет,

Хотя его прежде она уведет.

*

*Так с смертью вечно: чем ближе
она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны,
как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого
дня,
Давно не дышала бы грудь у ме-
ня!..*

Отрывок

*На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?*

*

*Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но ведено ему судьбой,*

Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

*

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

*

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

*

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный
цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать
лет.

*

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный
плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

*

Ужель единый гроб для всех

Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может,
смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

*

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторо-
нам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

*

Не будут проклипать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. — Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь

*Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..*

*

*К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. — А мы
Увидим этот рай земли
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целью одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.*

Оставленная пúстынь предо мной...

1

*Оставленная пúстынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший мол-
чит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мир-
ный час!
Зеленый мох, растущий над ок-
ном,
Заржавленные ставни — и кругом*

Высокая полынъ, — всё, всё без
слов

Нам говорит о таинствах гробов

Таков старик, под грузом тяжких
лет

Еще хранящий жизни первый
цвет;

Хотя он свеж, на нем печать мо-
гил

Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет
слов,

Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет

Сия священная обитель

Оставит только мрачный след.

И любопытный посетитель

В развалинах людей искать

Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы

*Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.*

*И там (как знать) найдет про-
шлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.*

*Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгни-
ли
Сердца, которые любили!..*

К * (Простите мне, что я решился к
вам...)**

*«Простите мне, что я решился к
вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. — Но что ж? всё пу-*

сто там.

Всё прах, что некогда она манила
К себе. — Вокруг меня толпа род-
ных,

Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ни-
чтожный:

Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока
возможно —

Сей труд души моей любимый
труд!

Прими письмо мое. — Твой взор
увидит,

Что я не мог стеснить души сво-
ей

К молчанью — так ужасна
власть страстей!

Тебя письмо страдальца не оби-
дит...

Я в жизни — много — много испы-
тал,

Ошибся в дружбе — о! храни моих
мучений

Слова — прости — и больше нет

волнений,
Прости, мой друг» — и подписал:
«Евгений».

Ночь. III

Темно. Всё спит. Лишь только
жук ночной
Жужжа в долине пролетит по-
рой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь да-
лек.
Высоких лип стал пасмурней на-
вес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так
она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у
окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к
луне;
Он полон всем, чем только яд
страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви

Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж он? кто ж он, сей нарушитель сна?

Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать

В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

Farewell[2] **(Из Байрона)**

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать.
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,
—

Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
—

Лишь чувствую — прости! — прости!

Элегия

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной
мгле.

Я здесь, стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питаю.

Один; покинув свет и чуждый для
людей

И никому тоски поверить не же-
лая.

Вблизи меня палатки рыбаков;
Меж них блестит огонь госте-
приимный;

Семья беспечная сидит вокруг
огонька;

И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!

Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой сто-
лицы,

Веселий пагубных невозвратимый
рой.

*И что ж? — слеза бежит с ресни-
цы,
И сожаление мою тревожит
грудь,
Года погибшие являются всечас-
но;
И этот взор, задумчивый и ясный*

---

*Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу
напрасно!..
О если б я в сем месте был рож-
ден,
Где не живет среди людей ковар-
ность:
Как много бы я был судьбою одол-
жен —
Теперь у ней нет прав на благодар-
ность!
Как жалок тот, чья младость
принесла
Морщину лишнюю для старого
чела,
И отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб
чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страш-*

ной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей
родной
Для добровольного изгнанья!

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Sentenz[3]

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечта-
ми
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.

Гроб Оссиана

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

Посвящение

Прими, прими мой грустный
труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог

*И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.*

Кладбище

*Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел,
смотрел
Вокруг себя; — полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; — вновь
очей
Я не был в силах оторвать с кам-
ней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кре-
сту челом
Нагнулся, будто любит, будто
сон
Земных страстей узнал в сем ме-
сте он...
Вкруг тихо, сладко все, как мысль
о ней;
Краснеючи волнуется пырей*

На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются иг-
рой

Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от
работ!..

Стократ велик, кто создал мир!
велик!..

Сих мелких тварей надмогильный
крик

Творца не больше ль славит ино-
гда,

Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим
злом,

С коварным сердцем, с ложным
языком?..

Посвящение

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властью страстей:
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних

дней.

*И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. —
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..*

Моя мольба

*Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.*

К Су<шковой>

*Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный
взор —
Не билось сердце у меня.*

*И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!*

*Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробывать,
Чтоб блеском этих чудных глаз*

Души тревоги усмирить.

Гость

*Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...*

*Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.*

*И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся*

И к ногам ее упал.

*Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец, лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.*

*Но рыдания звучали
Вплоть до белья зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..*

1830. Мая. 16 число

*Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновен-
ный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?*

Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушении! — Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет:
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

К * (Не думай, чтоб я был достоин
сожаленья...)**

Не думай, чтоб я был достоин со-
жаленья,
Хотя теперь слова мои печаль-
ны; — нет;
Нет! все мои жестокие мученья
—
Одно предчувствие гораздо боль-

ших бед.

*Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..*

*Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.*

*Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслью одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!*

**Эпитафия
(Утонувшему игроку)**

Кто яму для других копать тру-

дился,
Тот сам в нее упал — гласит пи-
санье так.
Ты это оправдал, бостонный мой
чудак,
Топил людей — и утонулся.

Дереву

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светились в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком то-
нок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что есть?

Ужели также вдохновенье

Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волнения
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен
силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю
любовь,
И пища многих будет смерть и
кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мерт-
вых тел
Начнет бродить среди печальных
сел,
Чтобы платком из хижин вызы-
вать,
И станет глад сей бедный край
терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный чело-

век,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач,
твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в
нем,
Как плащ его с возвышенным че-
лом.

Всё тихо — полная луна...

*Всё тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом.
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.*

Никто, никто, никто не усладил...

*Никто, никто, никто не усладил
В изгнаныи сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.*

**1830 год. Июля 15-го
(Москва)**

*Зачем семьи родной безвестный
круг
Я покидал? Всё сердце грело там,*

*Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим меч-
там.*

*Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них
змея.*

*Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талис-
ман.*

*Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль ста-
ринных ран
Из груди извлечет не речь, но
стон;
И не привет, упрек услышит он.*

*Ах! я любил, когда я был счаст-
лив,
Когда лишь от любви мог слезы
лить
Но эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли лю-
бить?*

Страшусь, в объятья деву заклю-
чив,
Живую душу ядом отравить,
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от
огня.

Но лучше я, чем для людей ка-
жусь,
Они в лице не могут чувств про-
честь;
И что молва кричит о мне... бо-
юсь!
Когда б я знал, не мог бы пере-
нести.
Противу них во мне горит, кля-
нусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?..

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет
прямым, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв
главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. — Ныне жалкий, груст-

ный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум,
без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной
луны,
Когда в окно скользит он вдоль
стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибе-
жав,
Я взял перо — и право очень рад,
Что плод над ним моих привыч-
ных прав
Узнает вновь бульварный маске-
рад;
Сатиров я для помощи призвав, —
Подговорю, — и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай ост-
ро;
Не то —...ко всем чертям твое
перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертеноч мой, взъерошенный
остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
Дурак скажу — и ты кричи дурак.

Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми ку-
лак.

Невинная красотка в 40 лет —
Пятнадцати тебе всё нет как
нет!

И ты, мой старец с рыжим пари-
ком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жереб-
цом,
Как кровь ему из всех пускают
жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сен-
тябрем,
Хоть там княжна лепечет: как
он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** изви-
нить!..

Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет
двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,

Коль душу в нем в сто лет найти
могли.

Но я клянусь (пусть кончив — бу-
ду прах),

Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, дру-
зья мои,

Глупец, кто жил, чтоб на диэте
быть;

Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы лю-
бить.

Замен души он находил в крови.

Но тот блажен, кто может го-
ворить,

Что он вкушал до капли мед зем-
ной,

Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим
страстям!

Брось, брось свои безумные меч-
ты!

Пора склонить внимание на дам,

На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать всё
вам?

*В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгроможде-
но,
Как бурю на них нанесено.*

*Приметна спесь в их пошлой бол-
товне,
Уста всегда сказать готовы: нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки порт-
рет;
Когда гляжу, то, право, жалко
мне,
Что вкус такой имеет модный
свет.
Ведь думают тенетом лент, ки-
сей,
Как зайчиков, поймать моих дру-
зей.*

*Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме мо-
ем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих но-*

чей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех
пор!..
О верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной
убор
Вскружить не в силах нашей голо-
вы.
Все платья, шляпы, букли ваши
вздор
Такой же вздор, какой твердите
вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то пой-
мет,
И сам Башуцкий объяснит тот-
час
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что в нем, никто не раз-
берет:
За вами ж хвост оставленных
мужьев,

Вздыхателей и бедных женихов!

*О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя най-
ду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в ча-
ду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей су-
дить.*

*Он чванится, что точно русский
он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.*

Песнь барда

I

*Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,*

*И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гусями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
Приказу ханскому внимал...*

II

*В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.*

III

*Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он?
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.*

IV

*Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я
И, молча, раздавил ногой.*

10 июля. (1830)

*Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности крова-
вой
Явилось, победы мрачной знак,
Оно любимо было прежде славой;
Суворов был его сильнейший враг.*

Благодарю!

*Благодарю!.. вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приня-
ла;
Хоть ты страстей моих не поня-
ла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!*

*

*В другом краю ты некогда пленя-
ла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказа-
ла:*

Благодарю!

*

*Я б не желал умножить в цвете
жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо
слов
Язвительной, жестокой укориз-
ны:*

Благодарю!

*

*О, пусть холодность мне твой
взор покажет,
Пусть он убьет надежды и меч-
ты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь ска-
жет:*

Благодарю!

Нищий

*У врат обители святой
Стоял просящий подаюнья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.*

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

К *** (Не говори: я трус, глупец!..)

*Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..*

Чума в Саратове

I

*Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,*

*И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.*

II

*Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладкость их испив,
Я деву некогда забыл.*

Плачь! Плачь! Израиля народ...

*Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть один,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..*

30 июля. — (Париж.) 1830 года

*Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унижить под ярмом.*

Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой,
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба,
И прах свой прежний вид возьмет,
Когда появятся весы,
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот
день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,

*Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!*

Стансы

I

*Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.*

II

*Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный
глас:
Я не могу любить другой.*

III

Я жертвовал другим страстям,
Но, если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?..

Чума
(Отрывок)
79

Два человека в этот страшный
год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь
их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и
страна
Веселья — стала гроб — и в эти
дни
Без страха обнимались они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый

взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был
скор,
И мужествен с лица. Но он с тос-
кой
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни
зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано стра-
стям.
Но, несмотря на мрачный сей
удел,
И он как бы невольно жить хо-
тел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась
кровь;

Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился
вновь,
Ломал в безумьи руки — но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый
час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. — Хоть
говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем
рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял
он,
Закрыв — хотя б один последний
стон!

84

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Как сумасшедший, руки сжав крестом,

Стоял его товарищ. — Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив
крючком
Холодный труп, к высокой груде
тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Нередко люди и бранили...

*Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.*

*И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить.*

*Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!*

Романс

В те дни, когда уж нет надежд,

*А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших везд,
И легче на груди страданье.*

Отрывок

*Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднюю порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенья дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..*

Баллада (Из Байрона)

*Берегись! берегись! над бургос-
ским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке*

ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда Мавр пришел в наш роди-
мый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех
чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слышал не
один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест гос-
подин,
Он ни как не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по зам-
ку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный
рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в ти-
шине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной
луне
Бродил и взад и вперед.

Ночь

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех
пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

*О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.*

*Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне
кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?*

Когда к тебе молвы рассказ...

*Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:*

*Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.*

Передо мной лежит листок...

*Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок,
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!*

Свершилось! Полно ожидать...

*Свершилось! полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,*

*Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!*

Итак, прощай! Впервые этот звук...

*Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь
мою.*

*Прощай! — шесть букв приносят
столько мук!*

*Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И может быть, как знать... в по-
следний раз!*

Новгород

*Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели на-
роды
Всё то, к чему теперь ваш дух ле-
тит.*

Глупой красавице

1

*Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.*

2

*Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страст-
ной,
Как голова твоя — пуста.*

Могила бойца (Дума)

I

*Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.*

II

*Седые кудри старика
Смешались с землей:
Они взвевались по плечам,
За чашей пировой,*

III

Они белы как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,

*Но песнь — всё песнь; а жизнь —
всё жизнь!*

Он спит последним сном.

Смерть

*Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под ок-
ном,*

*Быть может завтра он забле-
щет надо мною,*

*Безжизненным, холодным мерт-
вцом;*

*Одна лишь дума в сердце опусте-
лом,*

*То мысль об ней. — О, далеко она;
И над моим недвижимым, блед-
ным телом*

Не упадет слеза ее одна.

*Ни друг, ни брат прощальными
уста*

Не поцелуют здесь моих ланит;

И сожаленью чуждыми руками

В сырую землю буду я зарыт.

*Мой дух утонет в бездне беско-
нечной!..*

*Но ты! — О, пожалей о мне, краса
моя!*

Никто не мог тебя любить, как

я,
Так пламенно и так чистосердечно.

Русская песня

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь мятелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный,
Рождает страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

Примечания к стихотворениям 1830 года

Кавказ

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 13 об. Копия тоже в ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Впервые опубликовано в «Библиографическом журнале» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11).

Датируется весной 1830 года по положению в тетради V — после поэмы «Джюлио», датированной поэтом: «(1830 года) (Великим постом и после)».

«Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас» — Лермонтов был на Кавказе летом 1825 года.

«Там видел я пару божественных глаз» — на Кавказе Лермонтов встретился с девятилетней девочкой, о своем увлечении которой он рассказывает в заметке 1830 года: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет отроду?..»

К *** (Не говори: одним высоким...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 6 (тетрадь VI), л. 1.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1887, стр. 83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI, на первом листе которой рукой Лермонтова написано: «Разные стихотворения (1830 год)».

Опасение

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 1 об.—2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 76–77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стансы (Люблю, когда, борясь с душою...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Н. Ф. И....вой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 2 об.—3.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 250), под неверным названием «М. Ф. М...вой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Обращено к Наталье Федоровне Ивановой (1813–1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, в начале 30-х годов вышедшей замуж за Н. М. Обрескова. В 1830–1831 годах Лермонтов был сильно увлечен Н. Ф. Ивановой; ей посвящен ряд стихотворений этого периода; отношения с ней нашли также отражение в трагедии «Станный человек» (Иракий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания. «Советский писатель», 1948, стр. 5—32).

Ты помнишь ли, как мы с тобою...

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 21, № 3, отд. I, стр. 203), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия — ГИМ, ф. 111, № 7, л. 26 об.

Датируется предположительно 1830 годом.

Современник Лермонтова В. С. Межевич писал: «Я помню, что в 1830 году в Университетском пансионе существовали четыре издания: «Арион», «Улей», «Пчелка» и «Маяк»... Из этих-то детских журналов... узнал я в первый раз имя Лермонтова... Не могу вспомнить теперь первых опытов Лермонтова, но кажется, что ему принадлежат читанные мною отрывки из поэмы Томаса Мура «Лалла-Рук» и переводы некоторых мелодий того же поэта (из них я очень помню одну, под названием «Выстрел»)» («Сев. пчела», 1849, № 284, стр. 1134–1135). По-видимому, Межевич пишет именно о данном стихотворении, которое является вольным переводом «Вечернего выстрела» Томаса Мура. Возможно, что данный текст является позднейшей переработкой раннего перевода.

Весна

Печатается по «Атенею», 1830, ч. 4, стр. 113, где появилось впервые (за подписью «L»). Имеются две копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3 об., и оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), л. 6 об.

За подписью М. Лермонтова, без названия, опубликовано в «Отеч. записках» (1843, ч. 31, № 12, отд. I, стр. 318), по другому тексту — в «Библиотеке для чтения» (1844, т. 64, отд. I, стр. 130) с указанием: «Из альбома Екатерины Александровны Сушковой».

Датируется началом 1830 года, так как цензурное разрешение на печатание «Атенея» было получено 10 мая 1830 года. Положение копии стихотворения в тетради ХХ подтверждает эту датировку.

Это первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати.

По воспоминаниям Сушковой, это стихотворение обращено к ней и было написано в Средниково («Воспоминания Е. А. Хвостовой», «Вестник Европы» 1869, кн. 8, стр. 735).

Ночь. I (Я зрел во сне...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 3 об.—5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 361–362) как первоначальная редакция стихотворения «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами»),

1830–1831.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Разлука

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 82–83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Автограф зачеркнут, хотя вначале Лермонтов предполагал переписать его под № 16 в тетрадь XX, о чем свидетельствует написанная сбоку и потом зачеркнутая цифра «16».

Ночь. II (Погаснул день...)

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 7 об—8 об. Черновой автограф, с которого сделана копия, находится там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 6–7. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 251–252).

Датируется 1830 годом по нахождению

чернового автографа в тетради VI.

В старинны годы жили-были...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 85).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стихотворение не закончено.

Had we never loved so kindly...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. Автограф первой редакции стихотворения — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Первая редакция стихотворения относится к 1830 году. Лермонтов, видимо, был недоволен ею и зачеркнул этот набросок. В 1832 году поэт вновь вернулся к этому четверостишию и переработал его.

В черновом автографе между заглавием и текстом стоит цифра «1».

Стихотворение является вольным переводом эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого последним из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде» («Parting song to Clarinda»). В первом стихе Лермонтов перевел слово «Kindly», производя его от немецкого «Kind» — дитя, по-английски kindly — нежно.

Незабудка

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), 7 об.—9. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 1–2.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 194–195).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Совет

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), 9 об. — 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 87–88).

Датируется 1830 годом по нахождению в

тетради VI.

Одиночество

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 10–10 об.

Впервые опубликовано с иным чтением стиха 12 в «Ниве» (1884, № 12, стр. 270).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В альбом (Нет! — я не требую вниманья...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 11 об. Первая редакция стихотворения находится в той же тетради на л. 10 об. Оба автографа зачеркнуты.

Впервые опубликовано в «Библи. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6–7), с подзаголовком «Подражание Байрону», вместе с другими стихотворениями цикла «Из альбома Е. А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В своих «Записках» Е. А. Сушкова ошибочно относит стихотворение к 1831 году и пишет: «В это время Сашенька <А. М. Верещаги-

на> прислала мне в подарок альбом, в который все мои московские подруги написали уверения в дружбе и любви. Конечно, дело не обошлось без Лермонтова... На самом последнем листке альбома было написано подражание Байрону <следует текст>» («Записки» Сушковой, 1928, стр. 135).

Вторая строфа стихотворения навеяна произведением Байрона «Lines written in an Album, at Malta».

В 1836 году Лермонтов вновь вернулся к теме своего раннего стихотворения (см. стихотворение «В альбом» — «Как одинокая гробница»,).

Гроза

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12. Копия — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 8 об.—9.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 129–130).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Гроза шумит в морях с конца в конец...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 90) как окончание стихотворения «Гроза».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Звезда (Светись, светись, далекая звезда...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 91).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Еврейская мелодия (Я видал иногда, как ночная звезда...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 39 (из собрания Н. И. Шенига, отдельный листок). Черновой автограф под заглавием «Звезда», без деления на строфы — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13 об.; копия с этого автографа — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 9.

Впервые опубликовано (с отличиями от

автографов) в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 8) вместе с другими стихотворениями цикла «Из альбома Е. А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Вечер после дождя

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 13 об. — 14. Копия — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, стр. 5–6).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Наполеон (В неверный час, меж днем и темнотой...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 9 об. — 10. Черновой автограф — там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 14 об. — 16.

Копия в тетради XX сделана с более позднего автографа, в котором уже было изменено чтение стиха 47. В стихе 23 в копии вычеркнуто слово «забыл» и неизвестной рукой впи-

сано «разбил»; оставляем первоначальное чтение, совпадающее с черновым автографом.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152–134) с некоторыми искажениями текста.

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Стихи 9—10 и 49–50 являются перефразировкой стихов 13–14 строфы XIX главы VII «Евгения Онегина».

Эпитафия Наполеона

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 16.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 154).

В рукописи стихотворение зачеркнуто.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

К глупой красавице

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17. Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Очи. N. N.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Кавказу

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

Утро на Кавказе

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 6 (тетрадь VI), л. 18.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 19–19 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Челнок (Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 19 об. — 20. Копия — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98–99).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Отрывок (На жизнь надеяться страшась...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 20 об. — 22. Заглавие в автографе заключено в скобки.

Впервые только три последние строфы были опубликованы в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 252–253), всё стихотворение — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 99—101).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Оставленная пúстынь предо мной...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 23–23 об.

Первая часть впервые опубликована в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253), вторая часть без последней строфы — в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 179–180).

Датируется 1830 годом на основании пометы Лермонтова в автографе, в скобках: «В Воскресенске». «Написано на стенах <пúстыни> жилища Никона». «1830 года». Перед второй частью стихотворения — помета тоже в скобках: «Там же в монастыре».

Автограф находится в тетради VI (где со-

браны стихотворения 1830 г.), что подкрепляет датировку.

Воскресенский монастырь (в 53 верстах от Москвы) иначе назывался «Новый Иерусалим».

К *** (Простите мне, что я решился к вам...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 103–104).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Ночь. III (Темно. Всё спит...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 104).

Датируется летом 1830 года, когда Лермонтов гостил в Середникове (см. примечание к стихотворению «Пан»).

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Сидя в Середникове у окна».

Farewell

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12 об. Черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) под заголовком «(Прости) из Байрона» — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 25. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано по черновому автографу в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253–254).

Датируется летом 1830 года, так как черновой автограф расположен непосредственно после стихотворения «Ночь. III» (см. примечание к данному стихотворению).

Произведение является близким к оригиналу переводом стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer».

Элегия (Дробись, дробись, волна ночная...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 25 об. — 26. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 10).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стих 32 является цитатой из поэмы Пушкина «Цыганы». Стихи 7—14 были, по-видимому, также навеяны пушкинской поэмой, но в общем контексте стихотворения приобрели новый смысл.

Эпитафия (Простосердечный сын свободы...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об.

Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6–6 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе после заглавия стоит цифра «1». См. примечание к следующему стихотворению.

Есть предположение, что стихотворение посвящено памяти поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805–1827) (см.: М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. I, Гослитиздат,

М.—Л., 1948, стр. 366–367).

Sentenz

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе перед текстом стоит цифра «2»; название «Sentenz» приписано сбоку. Но вряд ли можно считать это стихотворение второй эпитафией (см. примечание к предыдущему стихотворению); вероятно, цифра «2» осталась случайно незачеркнутой.

Гроб Оссиана

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 4, стр. 562).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

В автографе позднейшая приписка Лер-

монтова в скобках: «узнав от путешественника описание сей могилы».

Оссиан — легендарный шотландский певец, живший по преданиям в III веке.

«В горах Шотландии моей» — по семейным преданиям, Лермонтовы считали себя потомками Лермонта, выходца из Шотландии.

Посвящение (Прими, прими мой грустный труд...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254–255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Возможно, является посвящением к драме «Испанцы».

Кладбище

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, М., 1889, стр. 107–108).

Датируется 1830 годом на основании приписки Лермонтова в автографе в скобках: «На кладбище написано» и дата: «1830».

Посвящение (Тебе я некогда вверял...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Моя мольба

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано в иной редакции в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном».

К Су<шковой>

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано с некоторыми отличиями от автографа и под заглавием «Черноокой» в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 5).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка — преположенная от M. Kord».

Е. А. Сушкова в своих «Записках» (стр. 113) поставила дату стихотворения: «Середниково. 12 августа, 1830». По словам Сушковой, стихотворение было написано накануне отъезда Лермонтова из Середникова в Москву после окончания летних каникул («Записки» Сушковой, 1928, стр. 112).

«Miss black-eyes» («черноокая») — так называли Е. А. Сушкову.

Мистер Корд — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова.

Гость (Как прошлец иноплеменный...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 29 об. — 30 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 109–110).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI (написано перед заметкой, датированной 8 июля 1830 года).

1830. Мая. 16 число

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 31 об. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 6 об. — 7, под заголовком: «1830 года мая 16 дня».

Впервые были опубликованы только начальные 6 стихов в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1887, стр. 89) под заглавием «Предчувствие (Отрывок)». Полностью — в «Сев. вестнике» (1889, № 8, стр. 4–3) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 112).

К *** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 7 об. Имеется черновой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32.

Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 235).

В автографе — приписка Лермонтова в скобках: «Прочитав жизнь Байрона (<написанную> Муром)». Под текстом дата в скобках: «1830».

Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные поэтом Томасом Муром, вышли в Лондоне в 1830 году; в том же году в Париже вышел французский перевод этой книги. Очевидно, одно из этих изданий (трудно сказать, какое именно) и имеет в виду Лермонтов.

Эпитафия (Кто яму для других копать трудился...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 113).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Дереву

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 34–34 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 170).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830»; на л. 35 — заметка, имеющая отношение к этому стихотворению, озаглавленная: «<Моя эпитафия> Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

В этой заметке, как и в стихотворении, речь идет о двоюродной сестре матери Лермонтова — Анне Григорьевне Столыпиной (см. примечание к стихотворению «К...» — «Не привлекай меня красой»).

Предсказание

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 35 об. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано без последних двух стихов и с некоторыми искажениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 19).

Датируется 1830 годом по нахождению в

тетради VI.

В автографе рядом с заглавием — приписка Лермонтова в скобках: «Это мечта». В стихотворении «Предсказание» явственнее всего выражены мысли Лермонтова о грядущих революционных потрясениях.

Стихотворение написано под впечатлением многочисленных крестьянских восстаний 1830 года, которые особенно участились в связи с распространением в ряде губерний эпидемии холеры.

Всё тихо — полная луна...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

Никто, никто, никто не усладил...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15-го».

1830 год. Июля 15-го

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 1 об.—2.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 246–247).

Булевар

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 2 об. — 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 119–121).

На л. 2 внизу — заметка, относящаяся, очевидно, к этому стихотворению: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что <они> я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». После текста приписка в скобках: «Продолжение впредь».

Датируется летом (июль-август) 1830 года

по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15-го».

Кого Лермонтов имел в виду под именем «Ч***», не установлено. В строфе 4, возможно, речь идет о П. И. Шаликове (см. примечания к «Эпиграммам» 1829 года).

Какого именно Башуцкого имеет в виду Лермонтов, не установлено.

Мосолов Ф. И. (род. около 1771 г., ум. в 1844 г.), генерал, старый холостяк, живший на Тверском бульваре в Москве.

Песнь барда

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 19–19 об. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5–5 об. Пунктуация исправлена по автографу. Копия сделана, видимо, с более позднего автографа, в котором был уже изменен стих 17 и занумерованы строфы. В копии переписчик ошибочно в стихе 8 написал «панскому» вместо «ханскому».

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 86–87).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

10 июля. (1830)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 118).

В автографе под текстом стоят три звездочки — видимо, на следующем, ныне утраченном листе было написано продолжение стихотворения. В стихе 6 некоторые читали слово «мрачной» как «прочной» (см. «Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 378), но внимательное изучение рукописи не подтверждает правильности такого чтения.

То, что до нас дошел неполный текст стихотворения, делает затруднительным определение, о каком именно восстании идет речь. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом либо на события Июльской революции 1830 года во Франции (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр.

458); либо на восстание горцев на Кавказе (Н. Л. Бродский. Лермонтов, т. 1, М., 1945, стр. 228); либо на восстание 1830 года в Польше (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 474–475); либо на восстание 1830 года в Албании («Лит. наследство», т. 58, стр. 378–386). Однако даты каждого из этих событий не совпадают с датой стихотворения. Самый текст произведения не дает возможности с уверенностью отнести его к какому-либо из названных выше восстаний.

Благодарю!

Печатается по «Запискам» Сушковой (СПб., 1870, стр. 83–84; ср. издание «Записок», Л., 1928, стр. 114).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библи. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6) с небольшим искажением в стихе 17 и с датой «1830».

В «Записках» Сушкова датировала это стихотворение, как и предыдущее, 12 августа 1830 года, но из ее же рассказа следует, что «Благодарю» было написано днем позже («Записки» Сушковой, 1928, стр. 113)

Нищий

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, стр. 132) с некоторыми отличиями от копии и под заглавием «К Е...А...й», в цикле стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой». В «Записках» Сушковой 1870 года изменено чтение стиха 12.

Датируется серединой августа 1830 года на основании воспоминаний Е. А. Сушковой.

По словам мемуаристки стихотворение было написано в Троице-Сергиевой Лавре, куда молодежь ходила пешком из Середникова на богомолье. На паперти стоял слепой нищий, которому все присутствующие подали милостыню. «Услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!»». Вернувшись из церкви, Лер-

МОНТОВ сразу же написал стихотворение («Записки» Сушковой, 1928, стр. 114–115).

К *** (Не говори: я трус, глупец...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 9 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 132).

Датируется 1830 годом по положению в тетради VIII.

Чума в Саратове

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10. В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках «Cholera-morbus» и дата: «1830 года августа 15 дня».

В автографе в стихе 15 написано: «сласть», по-видимому, ошибочно вместо «сладкость».

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 76–77) с некоторыми искажениями.

Датируется 15 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

Стихотворение было написано в связи с распространением эпидемии холеры в юго-восточной России.

Плачь! плачь! Израиля народ...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 176) как первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

30 июля. — (Париж) 1830 года

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 10 об. — 11. Имеется копия, озаглавленная ошибочно «30 июня 1830-го года» — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 3 об.—4.

Впервые опубликовано с некоторыми искажениями и пропуском стиха 7 в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 54).

Датируется августом 1830 года. Стихотворение было написано под впечатлением со-

бытий Июльской революции во Франции: поэт приветствует народное восстание. В результате восстания 28–30 июля французский король Карл X отрекся от престола и затем бежал в Англию. Известия о революции во Франции дошли в Москву в первых числах августа; в Середникове, где Лермонтов был до 12 августа, сведения могли быть получены несколько позже.

Стансы (Взгляни, как мой спокоен взор...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 12. В автографе под заглавием пометы рукой Лермонтова в скобках: «1830 года», «26 августа».

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 7–8) с некоторыми разночтениями и под заглавием «Станс». В издании «Записок» Сушковой 1870 года в текст внесен ряд изменений.

Датируется 26 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

В автографе рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой и может от-

носиться стихотворение.

Чума

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 12 об. — 13 об. Копия (с ошибками) — там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 4–4 об.

Впервые опубликовано с рядом неточностей в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 77–78).

В автографе, после первого стиха — дата в скобках, приписанная Лермонтовым позже: «1830. Августа».

Стихотворение не закончено. Оно было написано во время эпидемии холеры, слухи о которой стали в августе доходить до Москвы. Не исключена возможность, что стихотворение написано в первых числах сентября, когда холера появилась в самой Москве. Позже, датируя стихотворение по памяти, Лермонтов легко мог допустить ошибку; отсутствие числа в дате доказывает, что поэт не помнил точно момент создания произведения.

Нередко люди и бранили...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 8 (тетрадь VIII), л. 13 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Романс (В те дни, когда уж нет надежд...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Отрывок (Приметив юной девы грудь...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Венденского (т. 1, 1891, стр. 187).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Баллада (Берегись! Берегись! над бургосским путем...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 8 (тетрадь VIII), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 22–23).

После текста приписка в скобках: «Продолжение впредь».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Стихотворение является вольным переводом 1, 3 и части 4 строфы баллады в XVI песне «Дон-Жуана» Байрона. Сохраняя строфическое строение и ритм, Лермонтов существенно изменил смысл оригинала.

Ночь (Один я в тишине ночной...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 1. Имеется копия с ошибками, исправленными неизвестной рукой, — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5–5 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 83–84) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 129–130).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830 года ночью. Августа 28».

Когда к тебе молвы рассказ...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870). Имеется копия — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 5.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

Датируется предположительно началом сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928). Мемуаристка сообщает, что это стихотворение было написано через неделю после создания «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор»), которые в автографе датированы 26 августа.

Передо мной лежит листок...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 406).

Датируется предположительно началом

сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928).

Свершилось! полно ожидать...

Печатается по «Запискам» Сушковой (1870).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 407).

В «Записках» Сушковой стихотворение датировано 1 октября 1830 года: там же указано, что оно написано в связи с отъездом мемуаристки из Москвы в Петербург («Записки» Сушковой, 1928).

Итак, прощай! Впервые этот звук...

Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 129), где напечатано впервые (под названием: «К Е.... А.....е»).

Автограф не известен.

По словам Сушковой, стихотворение было написано в день ее отъезда в Петербург (т. е. 1 октября, см. примечание к предыдущему стихотворению).

Новгород

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми неточностями в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 55–56).

В автографе стихотворение зачеркнуто, заглавие и дата («3 октября 1830») приписаны позднее (возможно, в дате следует читать «13 октября»). Стихотворение не завершено. Существует предположение, что оно обращено к сосланным декабристам и под именем «тирана» Лермонтов имел в виду Николая I. В отдельных стихах речь идет, очевидно, о Новгороде, общественное устройство которого было для декабристов идеалом свободного национально-русского политического строя (см. Соч. изд. Academia, т. I, стр. 469).

Глупой красавице

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 130).

В автографе под текстом позже приписана дата: «1830 года — 4 октября». Заглавие заключено в скобки.

Могила бойца

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 18 об. — 19. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) — ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми разночтениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 20–21).

В автографе под текстом дата: «1830 год — 5-го октября. Во время холеры — morbus».

Высказывалось предположение, что в стихотворении идет речь о киевском князе Олеге (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 476).

Смерть (Закат горит огнистой полосой...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания Л. А. Краевского), лл. 3 об.—4.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Под текстом дата: «1830, октября 9».

Тема стихотворения, очевидно, возникла в связи с распространением в Москве холерной эпидемии.

Русская песня

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33 об. Имеются еще копии — ИРЛИ, оп. 1, № 40, отдельный листок, и повторяющая ее копия из собрания А. А. Краевского, оп. 2, № 41, л. 6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 91).

В тетради из собрания Краевского датировано 1830 годом.

Один среди людского шума...

Впервые опубликовано в статье И. Л. Андроникова «Сокровища замка Хохберг» в 1962 г. в «Известиях» (15 декабря).

В автографе — помета Лермонтова: «1830 года в начале».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1830–1831 годов

Звезда

*Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!*

Раскаянье

*К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?*

Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом незараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымолви ее прощенье,

*Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.*

Венеция

1

*Поверхностью морей отражена
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.*

2

*Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары
звон!
О бойтесь, мужья, сей песни вольной.*

Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших
жен;
Но если вы в сей миг неверны са-
ми,
Тогда, друзья! да будет мир меж
вами!

3

И мир с тобой, прекрасный чичиз-
бей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует
судьбина,
Гонитель вечный счастливых лю-
дей,
Но талисман пустынного лобза-
нья
Уводит сердца темные мечта-
нья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж со-
бою;
Она вверяет месячным лучам

Младую грудь с пленительной ру-
кою,
Укрытые досель под епанчею,
Чтоб юношу сильней прижать к
устам;
Меж тем вдали то грустный, то
веселый
Раздался звук обычной баркаро-
лы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устают мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

Я видел раз ее в веселом вихре бала...

Я видел раз ее в веселом вихре ба-
ла;
Казалось, мне она понравиться
желала;
Очей приветливость, движений
быстрота,
Природный блеск ланит и груди

полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предомной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Подражание Байрону

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,

*А там людьми презренный гроб,
он ждет.*

*И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.*

*И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отве-
чать.*

*Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает
вновь,
Что время не могло унести лю-
бовь!..*

К Дурнову

*Довольно любил я, чтоб вечно гру-
стить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу
открыть,
Зачем я не то, что я был?*

*В вечернее время, в час первого
сна,
Как блещет туман средь долин,*

*На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.*

*Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.*

Арфа

I

*Когда зеленый дерн мой скроет
прах,
Когда, простясь с недолгим быти-
ём,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать ви-
ном,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.*

II

*Повесь ее в доме против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых
дней;*

*Но не проснется звонкая струна
Под белоснежной рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою
любовь,
Уж будет спать, чтоб не
проснуться вновь.*

На темной скале над шумящим Днепром...

*На темной скале над шумящим
Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни
днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не со-
рвет.*

*Таков несчастливец, гонимый
судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под
луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пере-
жить
И с любовью в сердце бояться лю-*

бить!

Песня

I

*Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.*

II

*Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может стать-
ся,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.*

III

*И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты*

Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б ре-
шился
И любить бы иначе не мог.

Пир Асмодея (Сатира)

У беса праздник. Скачет пред-
ставляться
Чертей и душ усопших мелкий
сброд,
Кухмейстеры за кушаньем тру-
дятся,
Прозябнувши, придворный в зале
ждет.
И вот за стол все по чинам са-
дятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефи-
стофель
Был родом немец и любил карто-
фель.

По правую сидел приезжий <Па-
вел>,

*По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных
правил
(Распространять сужденья дура-
ков
Он средство нам превечное доста-
вил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и
звук шагов;
Три демона, войдя с большим по-
клоном,
Кладут свои подарки перед тро-
ном.*

1-ый демон (говорит)

*Вот сердце женщины: она иска-
ла
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного дая-
нья,
Хоть эта вещь не стоила назва-
нья.*

«*C'est trop sotтин!*»[4] воскликнул

бес державный
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы
славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случилось недавно,
И как не быть приятных мне ве-
стей;
Я думаю, слышали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-ой демон

На стол твой я принес вино свобо-
ды;
Никто не мог им жажды уто-
лить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против об-
щей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли вла-
ститель,
Единственный мой царь и повели-
тель.

Тут все цари невольно взбелени-
лись,

*С тарелками вскочили с мест
своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в по-
добный миг:
Но главный бес с геройскою
ухваткой
На землю выплеснул напиток
сладкой.*

3-ий демон

*В Москву болезнь холеру прита-
щили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во-время вспомнил
нас
И он кого-то хлору пить заста-
вил
И к прадедам здорового отправил.*

*Сказал и подает стакан фаталь-
ный
Властителю поспешною рукой.*

«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальней,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул
день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух
колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная

печаль

Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой ду-
шой,
Зачем ты здесь, страдалец моло-
дой?

И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких
слез,
Всё, что оставил, всё, что пере-
нес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;

*То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступ-
леньем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомне-
ньем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с приро-
ды,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.*

К *** (О, полно извинять разврат!..)

*О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.*

*Изгнаньем из страны родной
Хвалились повсюду как свободой;*

Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Прощанье

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди

Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
На зло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

К другу

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,

Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.

Смерть

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора до-
мой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни
лет;
Где нет ни ожиданий, ни стра-
стей,
Ни горьких слез, ни славы, ни че-
стей.
Где вспоминанье спит глубоким
сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его гры-
зет.

Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной
вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему стра-
дать
И столько же любить? Всесиль-
ный бог
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых
дней,
Но только дальше, дальше от лю-
дей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной тол-
пою
Также один за другим.

Волнам их воля и холод дорожке
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что
же? —
Души в них волн холодней!

Звуки

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрад-
ной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлу-
ки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь

На слова людей.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть стра-
данья!

Первая любовь

В ребячестве моем тоску любви
знойной

Уж стал я понимать душою бес-
покойной;
На мягком ложе сна не раз во
тьме ночной,
При свете трепетном лампы
образной,
Воображением, предчувствием
томимый,
Я предавал свой ум мечте непобе-
димой.
Я видел женский лик, он хладен
был, как лед,
И очи — этот взор в груди моей
живет;
Как совесть душу он хранит от
преступлений;
Он след единственный младенче-
ских видений.
И деву чудную любил я, как лю-
бить
Не мог еще с тех пор, не стану,
может быть.
Когда же улетал мой призрак
драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд
смущенный
На стены желтые, и мнилось, те-
ни с них

*Сходили медленно до самых ног
моих.*

*И мрачно, как они, воспоминанье
было*

*О том, что лишь мечта и между
тем так мило.*

Поле Бородина

1

*Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.*

*Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:*

*«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.*

2

*Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.*

*И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?»*

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я вспомня леденюю весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,

*Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

5

*Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил:
Но день достался нам дорожке!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе
Я голову склонил.*

6

*И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи*

Изгладится оно.

Мой дом

*Мой дом везде, где есть небесный
свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в
нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей досяга-
ет,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.*

*Есть чувство правды в сердце че-
ловека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, тече-
нье века
Объемлет в краткий миг оно.*

*И всемогущим мой прекрасный
дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в
нем
И в нем лишь буду я спокоен.*

Смерть

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение творит
Тот новый мир, который застав-
ляет
Нас презирать бесчувственную
землю.
Казалось мне, что смерть дыха-
нием хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но креп-
ко,
С болезненным каким-то содрога-
нием,
И тело, видя свой конец, стара-
лось
Вновь удержать души нетерпели-
вой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печаль-
ным.
Между двух жизней в страшном

промежутке

Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог
Понять, как можно чувствовать
блаженство

Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я
понял,

Что я живу, что жизнь моя без-
брежна,

Где жадно я искал самопознания,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бранным
телом,

Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забыл-
ся,

И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предме-
тов

Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспо-
койств

О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,

Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно
мне,
И лишь едва чувствительная тя-
гость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнание.

Вдруг предо мной в пространстве
бесконечном
С великим шумом развернулась
книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми слова-
ми:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчез-
ла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воз-
душных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жре-

бий.
Как? Мне лететь опять на эту
землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, ко-
торым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причи-
ны
И к счастью людей увижу сред-
ства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю.
Первый
Предмет могила с пышным мав-
золеем,
Под коим труп мой люди схорони-
ли.
И захотелось мне в гроб проник-
нуть,
И я сошел в темницу, длинный
гроб,
Где гнил мой труп, и там остал-
ся я.
Здесь кость была уже видна, здесь
мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кро-

вью.

*С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин
глаз,*

*То вновь скрывался в безобразный
череп.*

*И что же? каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на ги-
бель друга,*

*Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно,
тщетно.*

*Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножа-
лись,*

*И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо те-
ла.*

*Одной исполнен мрачною надеж-
дой,*

Я припадал на бранные остатки,
Стараясь их дыханием согреть,
Иль оживить моей бессмертной
жизнью;
О сколько б отдал я тогда зем-
ных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну
минуту
Почувствовать в них теплоту.
Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как пре-
зренья.
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех
людей.
С отчаяньем бессмертья долго,
долго,
Жестокого свидетель разруше-
нья,
Я на творца роптал, страшась
молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я проснулся

.

Стансы

Мне любить до могилы творцом
суждено,
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погиб-
нуть должно,
Иль как я же страдать до конца.
Моя воля надеждам противна
моим,
Я люблю и страшусь быть взаим-
но любим.

На пустынной скале незабудка
весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь пролив-
ной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не
блестит,
Он ветром надломлен и градом
убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей
борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих

властелин,
Я несчастлив пусть буду —
несчастлив один.

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробира-
ясь,
Оно кидает бледный, мертвый
луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солн-
це,
Есть что-то схожее в прощаль-
ном взгляде
Великого светила с тайной гру-
стью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и
видеть,
Не могут быть согреты им; так
точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но
люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен
вновь

*И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвер-
гать
Себя насмешкам и словам сомне-
нья?*

Поток

*Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.*

*Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.*

К *** (Не ты, но судьба виновата была...)

*Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,*

Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь
суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный
взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой
укор
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я пере-
нес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих
слез
Гораздо мучительней будет.

Ночь

В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночную мглой.
Колелет ветер влажный, душ-
ный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжело бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,

То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

К себе

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

Душа моя должна прожить в земной

НЕВОЛЕ...

Душа моя должна прожить в земной неволе

Не долго. Может быть, я не увижу боле

*Твой взор, твой милый взор,
столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;*

Желаю счастья им. Тебя винить безбожно

*За то, что мне нельзя всё, всё,
что им возможно;*

Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,

Казаться хладною и в тишине любить,

Но если ты при мне смеялась надо мною,

Тогда как внутренне полна была тоскою,

То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,

Кто более страдал, кто боле виноват!

Песня

Колокол стонет,

Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без
сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него ото-
рвать
И деву забыть, хоть тому не бы-
вать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь
предмет:
Ему счастья надо, ей надобен
свет.

Пускай поэта обвиняет...

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил донине,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне.
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блажен-
ства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,

Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

Вечер

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:

Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

Хоть давно изменила мне радость...

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость.
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется.
Я беспечен, я знаю давно,

Пока сердце в груди моей бьется.
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила.
Чтобы мог его мир полюбить.

Звуки и взор

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое воспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.

Земля и небо

Как землю нам больше небес не
любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в
сто раз,

Но мы знаем, какое оно.

*О надеждах и муках былых вспо-
минать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность на-
дежды земной,
А краткость печали смешит.*

*Страшна в настоящем бывает
душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вку-
сить в небесах,
Но с миром расстаться нам
жаль.*

*Что во власти у нас, то приятнее
нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим
ясней,
Как оно породнилось с душой.*

К * (Дай руку мне, склонись к груди
поэта...)**

*Дай руку мне, склонись к груди по-
эта,*

Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для
света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный
цвет чела.

На нем ты видишь след страстей
уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне воспоминанье дней
минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною
морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих
вод.

Из Андрея Шенье

За дело общее, быть может, я паду,

Иль жизнь в изгнании бесплодно
проведу;
Быть может, клеветой лукавой
пораженный,
Пред миром и тобой врагами уни-
женный,
Я не снесу стыдом сплетаемый
венец
И сам себе сыщу безвременный ко-
нец;
Но ты не обвиняй страдальца мо-
лодого,
Молю, не говори насмешливого
слова.
Ужасный жребий мой твоих до-
стоин слез,
Я много сделал зла, но больше пе-
ренес.
Пускай виновен я пред гордыми
врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся
небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губи-
тель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал
собой;
Наскучив суею обманчивого све-
та,

*Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.*

К *** (Не медли в дальней стороне...)

*Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.*

*И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.*

*И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Вообразжу перед собой
И стану речь твою твердить.*

*И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.*

Сосед

*Погаснул день на вышинах небес-
ных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий
свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между
ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажига-
ть.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной от-
рады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друга друга*

понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая,
увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.

Стансы

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый
бой.

Там, быть может, перестанет
биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных стра-
стей;
Видеть смерть мне надо, надо
крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду, как ратник, в бран-
ном поле
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья

Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без ропта-
нья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блажество
пить,
Тяжких язв, на ней напечатлен-
ных,
Невозможно будет излечить;

О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны род-
ной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный
взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

Мой демон

1

*Собрание зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи
Безвестные слезам и сну.*

2

*К ничтожным хладным толкам
света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глощает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.*

3

*Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит*

*В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.*

4

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.*

Романс

*Хоть бегут по струнам моим звуки
веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тай-
ная келья,
Где черные мысли живут.*

*Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жиз-
нью, хранится,
То в нем и умрет.*

*Не смейте искать в сей груди со-
жаленья.*

*Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
Что мне до страданий чужих?*

*Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут про-
летевших.*

А я не люблю вспоминать!

*Нам память являет ужасные те-
ни,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставлен-
ной сени,
Как в бурю над морем маяк,*

*Когда ураган по волнам веселит-
ся,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд во-
ротиться
Жалеет о крае родном.*

Примечания к стихотворениям 1830–1831 годов

Звезда (Вверху одна...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 3. Копия (без заглавия) представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также авторизованная копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 1.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Раскаянье

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 2–2 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 5–6).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Венеция

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 2 об.—3.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 81–82).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Я видел раз ее в веселом вихре бала...

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Подражание Байрону

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 7–7 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 121).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению

нию в тетради ХХ.

С каким-либо конкретным произведением Байрона не связано. По содержанию примыкает к циклу автобиографической лирики.

К Дурнову

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 84).

Датируется 1830 или 1831 годом по содержанию и по положению в тетради ХХ.

О Д. Д. Дурнове см. примечание к стихотворению: «К Д...ву» (1829).

Арфа

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради ХХ.

На темной скале над шумящим Днепром...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12–12 об.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 84)

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 13–13 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Пир Асмодея

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 13–14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. I, стр. 6–8).

Датируется концом 1830 или началом 1831 года по содержанию.

В стихотворении имеются в виду революции 1830 года во Франции, Бельгии и Польше, а также холерная эпидемия 1830 года в России.

В рукописи имя императора Павла I, изображенного в гротескных тонах, заменено четырьмя звездочками.

Сон (Я видел сон: прохладный гаснул день...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122–123).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

На картину Рембрандта

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чте-

ния» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 6–7).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради. XX.

Лермонтов имел в виду рембрандтовский «Портрет молодого человека в одежде францисканца» («Лит. наследство», т. 45–46, «М. Ю. Лермонтов», 2, стр. 281).

К *** (О, полно извинять разврат...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15–15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10). Слово «порфира» во втором стихе заменено точками из цензурных соображений.

Возможно, что в копии в стихе 10 ошибочно «рано» вместо «равно» («М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 76–78).

Датируется 1830 или 1831 годом по нахождению в тетради XX.

Чье имя зашифровано тремя звездочками в заголовке, до сих пор окончательно не установлено. Политически острое содержание

стихотворения, утверждавшего идеал поэта-гражданина, независимого певца свободы и обличителя самодержавного «разврата», делает особенно важным вопрос о его адресате.

Большинство исследователей склоняется к точке зрения, высказанной еще в 1909 году А. М. Горьким, о том, что Лермонтов обратился со словами суровой укоризны к Пушкину, написавшему стихотворения «Стансы», «Друзьям», «К вельможе», которые были восприняты некоторыми современниками как компромисс поэта с самодержавием.

Существовало и другое, опровергнутое ныне, предположение о том, что стихотворение Лермонтова является откликом на поэмы Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт» («Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 393–400).

Прощанье (Прости, прости!..)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85–86).

Датируется приблизительно 1830 или 1831

годом по положению в тетради XX.

К приятелю

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библи. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 7–8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Смерть (Оборвана цепь жизни молодой...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 123–124).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Волны и люди

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16 об. В тексте копии в стихе 5 ошибочно «не воля» вместо «воля» («М. Ю. Лермонтов»).
Временник Государственного

Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 70–76).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Звуки

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 16 об. — 17.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

11 июля

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 8–9).

Датируется 11 июля 1830 или 1831 года по положению в тетради XX.

Первая любовь

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX

Поле Бородина

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 17 об. — 18 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с незначительными разночтениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 102–105) под заглавием «Бородино».

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Представляет раннюю редакцию стихотворения «Бородино» (1837, настоящее издание). Лермонтов стремился всесторонне изучить историческую обстановку Бородинского сражения. В материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ,

оп. 4, № 85, л. 21) после текста стихотворения «Поле Бородина» следует запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка о Бородинском сражении: «Le champ de Borodino»». Затем на французском языке приводится сама записка, содержащая прозаический рассказ о Бородинской битве. Та же записка помещена в другой хохряковской тетради (ИРЛИ, оп. 4, № 26, л. 2) с подписью Лермонтова на французском языке: «M. Lermantoff».

Мой дом

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 19 об. — 20.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 88).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Смерть (Ласкаемый цветущими мечтами...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 20–21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 124–127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вторая половина стихотворения является новой редакцией конца стихотворения 1830 года «Ночь. I» («Я зрел во сне, что будто умеря»). В тексте стихотворения исправлены очевидные опiski «пред мной» вм. «предо мной», захотелся» вм. «захотелось», «поедали», вм. «глодали» и «хладны» вм. «хладные».

Стансы (Мне любить до могилы творцом суждено...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 21 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Солнце осени

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21

(тетрадь XX), л. 25 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 88–89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Поток

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 25 об. — 26.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К *** (Не ты, но судьба виновата была...)

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 26–26 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 18–19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф.

И...вой»).

Ночь (В чугу́н печальный сторож бьет...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 26 об. — 27.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10–11).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К себе

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31–31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. 1, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом.

Душа моя должна прожить в земной неволе...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике»

(1889, № 1, отд. I, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня (Колокол стонет...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 31 об. — 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Пускай поэта обвиняет...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Слава

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32–32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. 1, стр. 90–91).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вечер

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Хоть давно изменила мне радость...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33–33 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Звуки и взор

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 33 об. — 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Земля и небо

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 92).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К *** (Дай руку мне, склонись к груди поэта...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34–34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению

нию в тетради ХХ.

Из Андрея Шенье

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 12–13).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради ХХ.

У Шенье такого стихотворения нет. Именем этого поэта Лермонтов вслед за Пушкиным (в памяти современников еще свеж был политический процесс 1826–1828 годов о распространении отрывка из элегии Пушкина «Андрей Шенье» с надписью «На 14-ое декабря») маскировал свои гражданские взгляды, например размышления о роли поэта в революции, мысль о политическом изгнании.

Автобиографические мотивы в стихотворении «Из Андрея Шенье» сходны с мотивами других стихотворений того же периода. Так, некоторые стихи совпадают по мысли со стихотворениями «Слава» (1830–1831) и «Унылый колокола звон» (1831), написанными от лица

Лермонтова.

К *** (Не медли в дальней стороне...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 35.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1899, № 2, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Сосед (Погаснул день на вышинах небесных...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 13)

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Стансы (Не могу на родине томиться...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35 об. — 36.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16–17).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради ХХ.

Посвящено Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И...вой»).

Мой демон

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 36–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 13–14).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради ХХ.

В 1829 году Лермонтовым было написано одноименное стихотворение (см. примечание). Тема этих стихотворений Лермонтова связана с началом его работы над поэмой «Демон».

Романс (Хоть бегут по струнам моим звуки веселые...)

Печатается по тексту «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 131), где было впер-

вые опубликовано.

Автограф не известен.

Без существенных разночтений помещено в «Записках» Е. А. Сушковой, где датировано 1831 годом. Однако в тексте самих «Записок» есть противоречивое указание на то, что «пьеса» эта хранилась у А. М. Верещагиной с 1830 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1831 года

1831-го января

*Редуют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют — и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —*

*Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,*

*Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.*

Послушай! Вспомни обо мне...

*Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презрен-
ный.*

*И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;*

*И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!*

1831-го июня 11 дня

1

*Моя душа, я помню, с детских
лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь
жил;*

*И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омра-
чен.*

2

*Как часто силой мысли в крат-
кий час
Я жил века и жизньную иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною меч-
той,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль
любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.*

3

*Холодной буквой трудно объяс-
нить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобра-
зить
Желание блаженства. Пыл стра-
стей
Возвышенных я чувствую, но слов*

Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-
нибудь
Хоть тень их перелить в другую
грудь.

4

Известность, слава, что они? — а
есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё при-
нести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар зем-
ной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный
свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни
вновь;

С моим названьем станут повто-
рять
Твое: на что им мертвых разлу-
чать?

6

К погибшим люди справедливы;
сын
Боготворит, что проклинал
отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему ко-
нец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью
их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою долж-
на.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный

шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я
мог
Забуть что незабвенно! женский
взор!
Причину стольких слез, безумств,
тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках: но в груди моей
Всё жив печальный призрак преж-
них дней.

9

Никто не дорожит мной на зем-
ле,
И сам себе я в тягость, как дру-
гим;
Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне
должна?
Зачем ей знать, что в нем заклю-

чено?
Огонь иль сумрак там — ей всё
равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной
быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком
краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос
мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

*Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье
сна.*

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! —
любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.*

13

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.*

14

*И о судьбее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет нико-
гда*

Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце мо-
жет страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением ды-
ша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть мог-
ла
Составить счастье тысячи лю-
дей:
С такой душой ты бог или зло-
дей...

16

Как нравились всегда пустыни
мне.
Люблю я ветер меж нагих хол-
мов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь та-
бун,

*И кровожадный тешитя летун
Под синевой, и облако степеней
Свободней как-то мчитя и свет-
лей.*

17

*И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степеней безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый
звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей
судьбе.*

18

*Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится
день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.*

19

И сердце полно, полно прежних
лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего ске-
лет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой
портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства
больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск
очей,
Погаснувших от время и стра-
стей.

20

Что на земле прекрасней пира-
мид
Природы, этих гордых снежных
гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их по-
зор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно
им.
Кто близ небес, тот не сражен

земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит
пыль;
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,
Встречает взгляд березы две иль
три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья
нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цве-
те лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каж-
дый день
Бессмертным сделать бы желал,
как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

*Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту
грудь.*

*Но что ж? Мне жизнь всё как-то
коротка*

*И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! — жажда бы-
тия*

*Во мне сильней страданий роко-
вых,*

Хотя я презираю жизнь других.

24

*Есть время — леденеет быстрый
ум:*

*Есть сумерки души, когда пред-
мет*

*Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;*

*Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть
страшна.*

*Находишь корень мук в себе са-
мом,*

И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

*Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский
язык:*

*Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё
зло.*

*Лишь в человеке встретиться
могло*

*Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.*

26

*Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей
быть,*

*Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.*

27

*Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив род-*

ной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять при-
дет
В другой залив, но там уж не най-
дет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибреж-
ных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой ко-
нец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь тво-
рец;
Но равнодушный мир не должен
знать,
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть од-
но
Способное любить — хоть не ме-
ня;

До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит
вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегущий челн.

И мой курган! — любимые мечты
 Мои подобны этим. Сладость
 есть
 Во всем, что не сбылось, — есть
 красоты
 В таких картинах; только пере-
 несть
 Их на бумагу трудно: мысль силь-
 на
 Когда размером слов не стеснена,
 Когда свободна, как игра детей,
 Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И***

Когда я унесу в чужбину
 Под небо южной стороны
 Мою жестокую кручину,
 Мои обманчивые сны,
 И люди с злобой ядовитой
 Осудят жизнь мою порой,
 Ты будешь ли моей защитой
 Перед бесчувственной толпой?

*

О, будь!.. о, вспомни нашу мла-
 дость,
 Злословья жертву пощади,
 Клянися в том! чтоб вовсе ра-

дость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

Завещание

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

Сижу я в комнате старинной...

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегаёт.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. — А как узнать? быть
может,
Приход неожиданный нас встрево-
жит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох,
В развалинах... и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылаёт
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен твоей рукою!

К *** (Всевышний произнес свой

приговор...)

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно
знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог от-
дать.
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне польстив любовью сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился прокля-
нуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья,
—
С невинных уст твоих в прощаль-
ный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;

Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд и мук и
слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем мо-
им
И услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пу-
стым.
Прости! — вот всё, что я же-
лаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степ-
ной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных
горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследствен-
ный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и
щитом
И смахнул бы я пыль с них кры-
лом;

И арфы шотландской струну бы
задел.
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуж-
ден,
Как раздался, так смолкнул бы
он.

Но тщетны мечты, бесполезны
мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны
моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных
бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
душой...

О! зачем я не ворон степной?..

К деве небесной

*Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.*

*Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.*

*Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!*

Св. Елена

*Почтим приветом остров одино-
кой,
Где часто, в думу погружон,*

На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя моги-
ла!
Вот мщение за муки стольких
дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в
ней.
*

Изгнанник мрачный, жертва ве-
роломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и
потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случай-
ной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было
тайной,
День возвышенья — и паденья час!

К другу В. Ш

«До лучших дней!» перед проща-
ньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,

Но был обманут ожиданьем!..

*Мой милый! не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.*

*Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,*

*Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.*

*Нет! обольстить мечтой напрас-
ной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!*

Блистая пробегают облака...

*Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быст-*

ротой.

И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо си-
дит

Под старую березой. Он молчит,
Но грудь его подымлется порой;
Но бледный лик меняет часто
цвет;

Чего он ищет здесь? — спокой-
ствия? — о нет!

Он смотрит в даль: тут лес
пестреет, там

Поля и степи, там встречает
взгляд

Опять дубраву, или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад
Цветет — надев могильный свой
наряд:

Поблекнувшие листья: жалок
мир!

В нем каждый средь толпы за-
быт и сир;

И люди все к ничтожеству спе-
шат, —

Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей
других.

*И тот, на ком лежит ее печать,
Пушкой не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел ска-
зать,
Что у груди своей она змею
Согрела. — «О! когда б одно люб-
лю
Из уст прекрасной мог подслу-
шать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» так
мечтал
Беспечный... но просить он неба не
желал!*

Атаман

1

*Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.*

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, — он молчит;
И краса молодая,
Как саван, бледна
Перед ним стоит на коленах.
И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой.
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

4

— Горе девице лукавой, —
Атаман ей нахмурясь в ответ;
— У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть
Всё знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то:
мечь!

На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных
стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит

С дружиной своей
Слезами вдовиц, беззащитных
И кровью детей!

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,

*Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.*

Надежда

*Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, —
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемя песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!*

Видение

*Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и*

мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы.
Вечер
Погас уж на багряном небоскло-
не,
И месяц в облаках блистал и в
волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленьи — тем-
но, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным пред-
сказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по по-
лям
Разносит ветер; вот идет прохо-
жий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу против-
ном,

И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несетя быстро
Клязьма.

Как воротиться, не прижав к
устам

Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б
укор

Произнесли ее уста? о! нет! —
Он вздрогнул, натянул бразды,
толкнул

Коня — и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и бли-
же — ближе...

И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. — И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои... нет ее!

Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра
Идет к нему навстречу. — О! ко-
гда б

Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безглас-
ный, он

Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. — Долго он стоял,

Вдруг стон тяжёлый вырвался из
груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно,
твёрдо,
Прыгнул в седло и поскакал
стремглав,
Как будто бы гналося вслед за
ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и за-
плакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна —
так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно,
может
Скатиться, — но очей не осве-
жит!
К чему мне приписать виденье
это?
Ужели сон так близок может
быть
К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след в

душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть, и что
имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчаньи
мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось,
был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры
девы
Блуждали по листам открытой
книги,
Но буквы все сливались под ни-
ми...

И сердце сильно билось — без при-
чины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в
разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков от-
рывки,
И, с сжатою душой, не смел
вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы
этим
Не прекратить молчанья; так бо-
ялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был
любим,
И ты о том проведаль лишь то-
гда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому ле-
стью
Все, все желанья девы легковер-
ной!

Чаша жизни

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

К Л.—

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,

*И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!*

2

*Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!*

3

*И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!*

К Н. И***

*Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,*

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном сострада-
нье
Вновь обвиняемой не быть!

А. Д. 3...

О ты, которого клевет твой верный Павел

В искусстве ёрников в младенчестве наставил;

О ты, к которому день всякий Валерьян

На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;

Которому служил лакеем из лакеев

Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,

Приветствую тебя и твой триумвират:

И кто сказать бы смел, что чорт тебе не брат?

Воля

Моя мать — злая кручина,

Отцом же была мне — судьбина,

Мои братья, хоть люди,

Не хотят к моей груди

Прижаться;

Им стыдно со мною,

С бедным сиротою,

Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой, —
Небо светит мне луной;
Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

Сентября 28

Опять, опять я видел взор твой
милый,

Я говорил с тобой,
И мне бывшее, взятое могилой,
Напомнил голос твой;
К чему? — другой лобзает эти
очи
И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке но-
чи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритвор-
ны
Лобзания твои?
Они правам супружества покор-
ны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты роди-
лась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаен-
ный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир пре-
зренный,
Чтоб мыслить об одном;

*Встречал ли он с молчаньем и
слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал го-
дами
Мгновениям с тобой?*

*Нет! я уверен, твоего блажен-
ства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершен-
ства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной
властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой
счастью,
Но нежной, как любовь.*

Зови надежду — сновиденьем...

*Зови надежду — сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!*

*Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;*

*С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.*

Прекрасны вы, поля земли родной...

*Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее наро-
ды!..*

*Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пе-
леной,
И так она свежа, и так родня с
душой,
Как будто создана лишь для сво-
боды...*

*Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий серебри-
стый
И для страны порочной — слиш-
ком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гря-
да
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.*

Метель шумит и снег валит...

*Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний
звон
Порой прорвавшись гудит;
То отголосок похорон.*

*То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.*

*Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...*

Небо и звезды

*Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и поду-
мать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!*

*Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,*

*Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..*

*Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрас-
ным.
Только их место занять бы хо-
тел.*

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

*Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.*

*От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, — скидай свои одежды,
Не упрямясь, мы вдвоем;
На пирáх за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;*

Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны,
Груды жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

Когда б в покорности незнания...

1

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свер-
шиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел неж-
ный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К кн. Л. Г — ой

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё — даже люди, жизнь и свет,
Тогда измучен воспоминаньем
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным жела-
ньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

Кто видел Кремль в час утра золотой...

Кто видел Кремль в час утра зо-

лотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой про-
стотой,
Как царь, белеет башня-великан?

Я видел тень блаженства; но вполне...

Я видел тень блаженства; но
вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только из-
дали
Оно надежду; получив, — как
знать? —
Быть может, я б его стал прези-
рать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как
звук.

Кто скажет мне, что звук ее ре-
чей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть ды-
ша?
Что для мученья моего она,

Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в
том
Что есть пятно тоски в уме мо-
ем;

И с каждым годом шире то пят-
но;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств
убьет.
Зато без бурь напрасных приве-
дет
К уничтоженью; — но до этих
дней
Я волен — даже — если раб стра-
стей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо
ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал
знать;
Есть место, где я буду отдыхать,

Когда мой прах, смешавшись с
землей,
Навеки прежний вид оставит
свой.

О мой отец! где ты? где мне най-
ти
Твой гордый дух, бродящий в небе-
сах;
В твой мир ведут столь разные
пути,
Что избирать мешает тайный
страх.
Есть рай небесный! звезды гово-
рят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-
то яд;
Он сделал то, что в женском
сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К * (О, не скрывай! Ты плакала об
нем...)**

О, не скрывай! ты плакала об нем

И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

*И я бы мог быть счастлив; но за-
чем
Искать условий счастья в былом!
Нет! я доволен должен быть и
тем,
Что зрел, как ты жалела о дру-
гом!*

К * (Ты слишком для невинности
мила...)**

*Ты слишком для невинности ми-
ла,
И слишком ты любезна, чтоб лю-
бить!
Полмиру дать ты счастье б мог-
ла,
Но счастливой самой тебе не
быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. — Видала ль быстрый
ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно, и темно!*

Кто в утро зимнее, когда валит...

*Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег, и красная заря
На степь седую с трепетом гля-*

дит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром,
этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бес-
смертья глас.

И этот звон люблю я! — он цве-
ток
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный власте-
лин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных
духов

*Под кущами райских садов;
О бoге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Стансы. К Д

1

*Я не могу ни произнести,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.*

2

*Какое право им дано
Шутить святыню мою?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?*

*Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!*

3

*Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!*

4

*Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!*

5

*Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.*

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! всё прекрасное, святое,
В тебе — мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспеч-
ность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, золото

*И все богатства чуждых стран,
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!*

Ужасная судьба отца и сына...

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника
иметь
На родине с названьем граждани-
на!
Но ты свершил свой подвиг, мой
отец,
Постигнут ты желанною кончи-
ной;
Дай бог, чтобы как твой, спокоен
был конец
Того, кто был всех мук твоих при-
чиной!
Но ты простишь мне! я ль вино-
вен в том,
Что люди угасить в душе моей
хотели
Огонь божественный, от самой
колыбели
Горевший в ней, оправданный
творцом?
Однако ж тщетны были их жела-*

нья:

Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страда-
нья!

Не мне судить, виновен ты иль
нет;

Ты светом осужден. Но что та-
кое свет?

Толпа людей, то злых, то благо-
склонных,

Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых кле-
вет.

Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт
землей;

Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роко-
вая

Неизмеримою открылась глуби-
ной.

Ужели вовсе ты не сожалеешь ны-
не

О днях, потерянных в тревоге и
слезах?

О сумрачных, но вместе милых
днях,

Когда в душе искал ты, как в пустыне.

Остатки прежних чувств и прежние мечты?

Ужель теперь совсем меня не любишь ты?

О если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;

Пускай на ней блаженства я не знаю,

По крайней мере я люблю!

Пусть я кого-нибудь люблю...

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.

Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;

Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:

Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

К другу

Забудь опять

Свои надежды;

Об них вздыхать

Судьба невежды;

Она дитя —
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

Пора уснуть последним сном...

*Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем
И ненавидя и любя.*

Из Паткуля

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья лю-
дей;
Хоть розны судьбою, мы боремся
оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пушкой я погибну... близ сумрака
гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и вы-
ше
И вьется, как дым над железною
крышей!

Портрет

Взгляни на этот лик; искусством
он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем жи-
вой;
Холодный взор не видит, но гля-
дит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они
должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло

От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для
очей,
Что нам известно: не гроза стра-
стей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца
нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною
моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

Настанет день — и миром осужденный...

Настанет день — и миром осуж-
денный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть
презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред
тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изме-
нишь душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассуд-

ки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шут-
ки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая при-
мчится
О гибели моей,
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тос-
кою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожален-
нья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди поща-
ды;
Как червь, к душе твоей

Я прилеплюсь, и каждый миг от-
рады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю бес-
печность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как
вечность,
А всё не будешь жить.

К Д

Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу
я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово

*Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!*

Песня

*Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.*

*Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;*

*Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?*

К Нэере

*Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной как ты?
Зачем приводить нам на память,*

Что могут ланиты твои
Увянуть; что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобза-
ньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок

Три ночи я провел без сна — в тос-
ке,
В молитве, на коленях — степь и
небо
Мне были храмом, алтарем кур-
ган;

И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть челове-
ком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю,
мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой
бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех но-
чей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных
детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насиль-
но
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мицень обратила всё,
Что в нем похоже было на лю-
бовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы, иль
стыда;
Бессмертен, иль забыт я наве-

гда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час ме-
тели
Я сладость пил с ее волшебных
уст,
Но для моих желаний мир был
пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто
взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них ро-
дился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть на-
прасной
И бесполезной для страны род-
ной;
Но, как надежда, чистой и пре-

красной,
Как вольность, сильной и святой.

Баллада

*В избушке позднюю порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...*

*«Не плачь, не плачь! иль сердцем
чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!*

*«Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.*

*«Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,*

Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, — и в двери входит во-
ин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, прокля-
тый!..
Наш милый край поработен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской гру-
ди!..»

Силуэт

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.

*В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю
Как тень блаженства тень твою.*

Стансы

*Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было,
—
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.*

*Как настоящее, оно
Страстями бурными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забы-
тый.*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

*Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула,
И бывши всё мне на земле,
Как всё земное, обманула.*

Как дух отчаянья и зла...

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

Я не люблю тебя; страстей...

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный — всё
храм,
Кумир поверженный — всё бог!

Унылый колокола звон...

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно
потрясает,
Обманутой душе моей напомина-
ет
И вечность и надежду он.

И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробе-
жит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глупо-
ко.
Я чувствую — судьба не умерт-
вит
Во мне возросший деятельный ге-
ний;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных
наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей разврат-
ных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть ка-
мень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного бла-
женства,
Он станет толковать, что
должно ощутить;
В простом не видя совершенства,

*Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить
желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием
своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную
свободу.*

**<Новогодние мадригалы и эпиграммы>
Н. Ф. И**

*Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!*

Бухариной

*Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..*

*Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,*

*Закона веры не забудешь —
И старовером прослывешь!*

Трубецкому

*Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!..*

Г<ну> Павлову

*Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,
Не называйтесь так пред светом.
Фиглярюм назовет он вас!*

*Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт:
Вас этот титул только свяжет
С ним привилегий вовсе нет.*

Алябьевой

*Вам красота чтобы блеснуть
Дана,
В глазах душа чтоб обмануть*

Видна!..

*Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?*

Нарышкиной

*Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцовали!
Как наконец не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов,
—
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.*

Толстой

*Не даром она, не даром
С отставным гусаром.*

Бартеневой

*Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки,
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?*

*Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слышал*

Того, что слышал от тебя я!

Мартиновой

*Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!*

Додо

*Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унижить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в Талисмане стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,*

Как в день печали миг отрадный!

Башилову

*Вы старшина собранья верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собраньи целом
Ему навстречу не солжет;
Итак я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!*

Кропоткиной

*Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..*

Щербатовой

*Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? —
Что даст вам скучный берег Невы:*

*Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! как мудрец скажу я вам
Гораздо лучше оставаться.*

Булгакову

*На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.*

Сабуровой

*Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света.
Но не для вас был создан он!..*

Уваровой

*Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:*

*Не спорю в этом; — но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!*

Вы не знавали князь Петра...

*Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.*

Примечания к стихотворениям 1831 года

1831-го января Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 27. Имеется также копия — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 124 (альбом Ю. Н. Бартенева), л. 180. Копия эта сделана А. Закревским 15-го августа 1831 года.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15).

Датируется по заголовку стихотворения.

Послушай! вспомни обо мне...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 41 (альбом Н. И. Поливанова), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, № 4, стр. 872).

В автографе приписка, позволяющая судить о дате и обстоятельствах написания стихотворения: «23-го марта 1831 г. Москва. Михаила Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Рукой Лермонтова в текст внесены поправки: вставлены слова «эти строки» и по стертому написано: «он ожидал строгого наказания». Подпись — «М. Л.».

Николай Иванович Поливанов (1814–1874) — друг Лермонтова в годы его учения в Московском университете. Позднее вместе с поэтом Поливанов учился в Школе гвардейских подпрапорщиков, по окончании которой служил в лейб-гвардии уланском

полку. Полковником вышел в отставку, умер в Казани.

«Университетская шалость», о которой упоминает Н. И. Поливанов в своей записи, — это так называемая «маловская история», в которой участвовал и Лермонтов: 16 марта 1831 года студенты изгнали из университетской аудитории профессора уголовного права М. Я. Малова. По характеристике А. И. Герцена, «Малов был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним» (А. И. Герцен. Былое и думы. Газетно-журнальное и книжное издательство, Л., 1949, стр. 82–83).

1831-го июня 11 дня

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 21 об. — 25.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с пропусками и искажениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 105–115).

Дата указана в названии стихотворения.

Некоторые стихи варьируются в поэмах

«Литвинка» и «Джюлио». Строфы 1, 2, 5 вошли в драму «Странный человек» с небольшими разночтениями.

Стихотворение имеет автобиографический характер. По идейному содержанию оно наиболее значительное из всей юношеской лирики: в нем с особой силой проявился действенный, жизнеутверждающий характер лермонтовской поэзии. «В стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина — это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, — была вообще свойственна людям тех годов», — отмечал А. М. Горький в своих лекциях о русской литературе, читанных в 1909 году на о. Капри (М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 160).

Стихотворение Лермонтова «1831-го июня 11 дня» перекликается с известными высказываниями Белинского и Герцена об активном отношении к жизни. «Жизнь есть действие, а действие есть борьба...», — писал В. Г. Белинский в 1834 году в «Литера-

турных мечтаниях» (Белинский, т. 1, стр. 360). То же у Герцена: «... хочется действия, ибо одно действие может вполне удовлетворить человека. Действование — сама личность» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. 3, Пгр., 1919, стр. 216). Призыв к борьбе и действию был одним из существенных моментов, в которых проявилась идейная солидарность Лермонтова с Белинским и его друзьями. Н. Г. Чернышевский писал об этой солидарности: «Лермонтов... самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей» (Чернышевский, т. 3, стр. 223).

Женщина, к которой обращены многие строки стихотворения, — Н. Ф. Иванова, с чьим именем связан ряд стихотворений Лермонтова 1830–1831 годов (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Романс к И... (Когда я унесу в чужбину...)

Печатается по авторизованной копии —

ИРЛИ, оп. 1, № 46, л. 16 об. (стихотворение помещено на последнем, отдельном листке тетради с повестью «Последний сын вольности»). Имеется ранний автограф под названием «Романс к ****» — ИРЛИ, оп. 1, № 40, на отдельном листке с копией «Русской песни» («Клоками белый снег валится»).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 280). Датируется предположительно 1831 годом по содержанию и по положению копии в тетради.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой. С разночтениями вошло в драму «Странный человек».

Завещание (Есть место: близ тропы глухой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37. Есть копия без разночтений — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 36 об.

Опубликовано впервые в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля). В автографе — приписка в скобках: «Середниково: ночью; у окна».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

В копии подзаголовков в скобках «Из Гете». Однако у Гете нет стихотворения, которое могло бы служить оригиналом данного произведения.

Сижу я в комнате старинной...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 167). В первопечатном тексте есть небольшое разночтение с автографом.

В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили по па пугать)». Внизу страницы тщательно зачеркнутая сноска к последней строке.

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

Товарищ, о котором идет речь в стихотворении, — это, по рассказам А. Д. Столыпина, Лаптев, сын помещика, жившего в имении неподалеку от Средникова (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 90–91).

К *** (Всевышний произнес свой приговор...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Стихотворение обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой. Упоминание о прощальном поцелуе и мотив измены повторяются в ряде других стихотворений, адресованных Ивановой (см., например, «К Н. И.....», 1831).

Желание (Зачем я не птица, не ворон степной...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 36 об. — 37.

Опубликовано впервые в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259–260).

В автографе справа от заголовка приписки рукой Лермонтова в скобках: «Средниково».

Вечер на бельведере». «29 июля».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради XI. Число указано в приписке.

В стихотворении отражаются семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деве небесной

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37–37 об.

Опубликовано впервые в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 179).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Св. Елена

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2–2 об.; оп. 1, № 10 (тетрадь X) на л. 37 об. — черновой набросок строфы 2. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 260).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К другу В. Ш.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Владимир Александрович Шеншин (1814–1873) — друг Лермонтова в период его учения в Московском университете. О том, какая горячая привязанность существовала между друзьями, можно судить по письму В. А. Шеншина к Н. И. Поливанову — от 7 июня 1831 года: «...мне здесь душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался... меня утешает своею беседою».

Блистая пробегают облака...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 3.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261–262) под за-

главием «7-го августа. В деревне».

В автографе на месте заглавия — надпись в скобках: «7-го августа. В деревне на холме; у забора».

Датируется 7 августа 1831 года по приписке и по положению стихотворения в тетради XI.

Атаман

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 3 об.—4. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 37–38.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 262–264).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

Исповедь (Я верю, обещаю верить...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 4 об.—5.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264).

Датируется второй половиной 1831 года по

положению в тетради XI.

Надежда

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 5. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 38 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, стр. 127–128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Видение

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 5 об.—7. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые как отдельное стихотворение опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, стр. 200–205). Ранее печаталось с разночтениями в тексте драмы «Странный человек».

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение принадлежит к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И...вой»).

Чаша жизни

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 7 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 39.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264–265).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

К Л. — (Подражание Байрону)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 9 об. Заглавие и подзаголовков заключены Лермонтовым в скобки. Существует копия — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 6.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265). В другой редакции опубликовано Е. А. Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

В стихе автографа — очевидная описка: «нежной» вместо «нежно». Строка «Кто нежной так любим» не имеет смысла по контексту. Поэтому во всех изданиях печатается «Кто нежно так любим».

Сушкова ошибочно датирует стихотворение 1830 годом. Оно написано в августе или в начале сентября 1831 года, что устанавливается по положению стихотворения в тетради XI.

Лермонтов упоминает в стихотворении обстоятельства автобиографического характера. Женщина, о которой идет речь, — по всей вероятности, Варвара Александровна Лопухина (1814–1851), впоследствии замужем за Н. Ф. Бахметевым. Родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей вспоминает: «Будучи студентом, он был страстно влюблен в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 729).

Форма стихотворения отчасти сходна со «Стансами, написанными при отплытии из Англии» Байрона (например, рефрен — «Люблю, люблю одну»).

К Н. И.....

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 11 (тетрадь XI), лл. 9 об. — 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 187–188).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И...вой»).

А. Д. З.....

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 10.

Впервые опубликовано в «Русск. библиотефиле» (1913, № 8, стр. 79).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

А. Д. З. — Андрей Дмитриевич Закревский (род. в 1813 году), друг Лермонтова по кружку в Московском университете. А. Д. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки о Царе-Горохе («Подарок ученым на MDCCCXXXIV год. Ergo мотай себе на ус. О царе Горохе, когда царствовал государь царь Горох, где он царствовал и как царь Горох перешел, в преданиях народов, до отдельного потомства». М., Ун. типография, 1834). Здесь А. За-

кревский, обнаружив дар превосходного памфлетиста, высмеял внешность и манеру читать профессоров Павлова, Каченовского, Погодина, Давыдова, стиль полемики Н. А. Полевого, тематику повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро звучало в сатирическом памфлете Закревского высмеивание Булгарина и Греча — главных представителей реакционной прессы.

Упоминаемые также в стихотворении кн. Валериан Павлович Гагарин (род. в 1812 году) и Дмитрий Павлович Тиличев (в автографе — Теличев, род. в 1812 году — ум. после 1860 года) — студенты словесного отделения Университета.

Воля

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 19 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. — 40. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265–266).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

С некоторыми изменениями это стихотворение входит в текст повести «Вадим», где приобретает острую политическую окраску, как песня, которая бытует среди крестьян — участников пугачевского восстания.

Сентября 28

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 20–20 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. — 40.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стр. 495–496).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI. Месяц и число указаны в заголовке стихотворения.

Возможно, что в стихотворении имеются в виду отношения поэта с Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И...вой»).

Зови надежду сновиденьем...

Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 129), где опубликовано впервые вслед за стихотворением «Итак прощай! Впервые этот звук» (см. примечание) под названием «К ней же» и с датой «1830».

Имеется автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 21, дающий раннюю редакцию текста. В той же тетради на л. 30 есть черновой набросок к этому стихотворению.

Имеется также копия — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копия из альбома А. М. Верещагиной), л. 7.

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

По свидетельству Е. А. Сушковой, стихотворение обращено к ней («Записки» Сушковой, 1928). Сообщенная Сушковой дата написания стихотворения (1830 год) не точна.

Прекрасны вы, поля земли родной...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано с разночтениями в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 191).

Стихотворение в автографе зачеркнуто.

Датируется осенью 1831 года по содержанию и по положению в тетради XI.

По содержанию характерно для патристической лирики Лермонтова: глубокая любовь к родной земле, мечты о ее свободе сочетаются в его творчестве с обличением обществен-

ного зла в «стране порочной».

«Позабытый прах» — предполагается, что Лермонтов говорит здесь о Ю. П. Лермонтове (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына»).

Метель шумит и снег валит...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 266).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Небо и звезды

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40–40 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Счастливей миг

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 11 (тетрадь XI), л. 24.

Впервые опубликовано в «Русск. библиоте-филе» (1913, № 8, стр. 79–80).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Когда б в покорности незнания...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 24 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К кн. Л. Г — ой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 25 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 12, отд. I, стр. 383).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Существует предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Павловне Горчаковой (1812–1889), двоюродной сестре Н. Ф.

Ивановой (Соч. изд. «Academia», т. 1, стр. 484).

Кто видел Кремль в час утра золотой...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 194).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Я видел тень блаженства; но вполне...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 26 об. — 27.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267–268).

Датируется поздней осенью 1831 года по положению в тетради XI и по содержанию.

Стихотворение носит автобиографический характер. В нем говорится о любви поэта к Н. Ф. Ивановой. В последних строках — упоминание о смерти отца (Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 года). Позднее этой теме Лермонтов посвятил стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» (1831) и «Эпитафия» (1832).

К *** (О, не скрывай! ты плакала об нем...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 40 об. — 41.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI. Относится к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой.

К *** (Ты слишком для невинности мила...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 30).

Перед стихотворением — немецкий оригинал первых четырех стихов:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, — selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова: «L'âme de mon âme» («Душа моей души». — Франц.).

Датируется 1831 годом как стихотворение,

находящееся в тетради XI.

Кто в утро зимнее, когда валит...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в газете «Русь» (1881, № 10, 17 января).

Датируется зимой 1831 года по положению в тетради XI.

Ангел

Печатается по «Одесскому альманаху» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 702–703), где было напечатано впервые. Есть авторизованная копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3. Существует также автограф первоначальной редакции (под заглавием «Песнь ангела») — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 28. Копия с него — в тетради XX (ИРЛИ, оп. 1, № 21, л. 41). Это же стихотворение было помещено Лермонтовым в альбом А. М. Верещагиной (ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 4) и, кроме того, написано на отдельном листке, который хранится в ЛБ (М., 8490, 1); автограф на половине листа; последняя строка разорвана пополам, — вторая

часть строки на листе, хранящемся в ГИМ (ф. 445, № 227а, л. 56).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Несмотря на то, что стихотворение было напечатано в альманахе при жизни Лермонтова, поэт не поместил его в свой сборник 1840 года, очевидно, в связи с резкой оценкой, данной Белинским стихотворениям «Ангел» и «Узник» в рецензии на «Одесский альманах». Белинский писал: «Нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они («Ангел» и «Узник») не войдут в собрание его сочинений» (Белинский, т. 5, стр. 225–226).

Стансы. К Д***

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 28 об. — 29. Есть копия (без разночтений, с заголовком «Стансы») — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 41 об. — 42.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 268–270).

Датируется по нахождению в тетради XI.

Кому адресовано стихотворение, оконча-

тельно не установлено.

Ужасная судьба отца и сына...

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42–42 об. Эта копия представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 29 об.

Впервые опубликовано в «Русск. архиве» (1872, № 9, стлб. 1850).

Датируется осенью 1831 года по содержанию.

В этом стихотворении Лермонтов говорит о смерти отца. Юрий Петрович Лермонтов умер 1 октября 1831 года в своей деревне Кропотово Тульской губернии.

Стихотворение содержит намеки на семейные раздоры, которые привели к разлуке Лермонтова с отцом.

«Свершил свой подвиг» — идиоматическое выражение, обозначающее завершение жизненного пути, смерть (см. «Лит. газету», 1941, от 5 января).

Пусть я кого-нибудь люблю...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 253).

Датируется концом 1831 года по нахождению в тетради XI и по содержанию.

В автографе стихотворение состояло первоначально из трех строф и было озаглавлено «Стансы». Затем заголовок, строфы 1 и 3 зачеркнуты.

К другу (Забудь опять...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 59–60).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в XI тетради.

Адресат стихотворения не установлен.

Пора уснуть последним сном...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли»

(1882, № 2, стр. 180).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Из Паткуля

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 19 (тетрадь XVIII), л. 32 об.

Впервые опубликовано полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 203).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XVIII.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660–1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В своих письмах, написанных перед казнью (изданы Московским университетом в 1806 году), Паткуль изображает себя борцом за счастье отчизны. Романтическим ореолом окружено имя Паткуля и в романе Лажечникова «Последний Новик», 1 том которого вышел из печати в августе 1831 года. Все эти литературные факты привлекли внимание Лермонтова. Мысли о Паткуле связываются в представлении поэта с его собственными мечтами о по-

двиге во имя родины (см. ниже примечание к стихотворению «Настанет день — и миром осужденный»).

Портрет

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 11 об. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 48).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Настанет день — и миром осужденный...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 11 об. — 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Мотив, легший в основу этого стихотворения, — предчувствие трагической гибели в борьбе «за дело общее» — повторяется во многих стихотворениях 1830–1831 годов (см. «Когда твой друг с пророческой тоскою», «Когда к

тебе молвы рассказ», «Послушай, вспомни обо мне», «1831-го июня 11 дня», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля» и др.).

К Д.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49–50).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Адресат стихотворения «К Д.» не установлен. Высказывавшееся в «Лит. наследстве» (т. 43–44, «М. Ю. Лермонтов», 1, стр. 642) предположение о том, что стихотворение относится к В. Лопухиной маловероятно (заголовок «К Д.» Расшифровывается — «К другу»).

Песня (Желтый лист о стебель бьется...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 42 об. — 43.

Опубликовано впервые в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50).

Датируется концом 1831 года по положению

нию в тетради IV.

К Нэере

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 17).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Имя Нэеры по традиции, установившейся в античной литературе, символизировало в поэтическом обращении возлюбленную поэта. Эта традиция в первой трети XIX века поддерживалась переводами из древних, помещавшимися в популярных журналах. Так, в «Вестнике Европы» было напечатано стихотворение Мерзлякова «К Нэере» (1811, № 10); в «Моск. телеграфе» опубликован перевод А. Киреева из Тибулла также с заголовком «К Нэере» (1829, № 12); в 1830 году были изданы «Опыты перевода Горациевых од» В. Орлова, где XV эпода посвящена Нэере. Из этих литературных источников Лермонтов, возможно,

заимствовал имя Нэеры. В его творчестве античные образы и сюжеты чрезвычайно редки.

Отрывок (Три ночи я провел без сна — в тоске...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13. Существует и копия стихотворения — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43–43 об.

Первоначальное заглавие в автографе — «Монолог».

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50–51). В первопечатном издании строка 35 — «Завидуя судьбе его творца» — выпущена, очевидно, из цензурных соображений.

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV. В это время Лермонтовым была задумана историческая поэма о Мстиславе Черном (см. запись сюжета в настоящем издании), «Отрывок» является наброском к поэме.

Баллада (В избушке позднею порою...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 4–5. Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 20).

Датируется 1831 годом, так как связано с относящимся к этому времени замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами.

Силуэт

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43 об. Имеется черновой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13 об.

Опубликовано впервые по автографу в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 53). Впервые по сокращенной копии — в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 52).

Датируется 1831 годом по положению в тетради IV.

Стансы (Мгновенно пробежав умом...)

Печатается по копии — ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 39. Копия

представляет последнюю редакцию текста. Автограф — в ИРЛИ, оп. 1. № 6 (тетрадь VI), л. 18–18 об.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57). Относится к 1831 году по дате в альбоме Жедринской.

Автограф, представляющий раннюю редакцию текста, датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Как дух отчаянья и зла...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 53).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Я не люблю тебя; страстей...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об. Существует также копия — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 8, текст которой совпадает с публикацией «Библи. для чтения».

Впервые с небольшими разночтениями

опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 132). Последняя строка, очевидно, из цензурных соображений заменена в этом издании точками. С теми же разночтениями, но полностью — в издании «Записок» Сушковой 1870 г.

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

УНЫЛЫЙ колокола звон...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 32 об. — 33.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датировалось до сих пор 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX. Однако по содержанию это стихотворение несомненно развивает мысль двух других стихотворений Лермонтова, написанных им в 1831 году — «Метель шумит и снег валит» и «Кто в утро зимнее, когда валит». Обращает внимание и сходство образной системы всех трех стихотворений. На этом основании стихотворение «Унылый колокола звон» относим к 1831 году.

<Новогодние мадригалы и эпиграммы>

Следующие семнадцать стихотворений, автографы которых находятся в тетради IV, написаны Лермонтовым к новомуднему маскараду в Благородном собрании, где поэт и огласил их. А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб подмышкой, в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были приведенные г. Дудышкиным стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятно встретить в маскараде» (А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов». В книге: «Записки» Сушковой, 1928).

Н. Ф. И.

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. «Н. Ф. И...вой»).

Бухариной

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Вера Ивановна Бухарина (1812–1902) — дочь рязанского губернатора, впоследствии сенатора, И. Я. Бухарина. С осени 1830 года жила в Москве. В доме Бухариных собиралась московская знать, писатели и музыканты.

Трубецкому

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Обращено, по всей вероятности, к кн. Николаю Николаевичу Трубецкому, женившемуся в 1833 году на Е. А. Лопухиной. Лермонтов был близок к семейству Лопухиных, в доме которых в Москве мог часто встречаться с Трубецким (ум. в 1879 году).

Г<ну> Павлову

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 58).

Стихи 6—10 в автографе зачеркнуты.

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма обращена к писателю Николаю Филипповичу Павлову (1805–1864). В конце 20—начале 30-х годов он выступал со своими стихами и переводами в «Моск. телеграфе», «Моск. вестнике», «Телескопе», в альманахах, которые были известны Лермонтову. Например, в «Мнемозине» и «Драматическом альбоме» печатались отрывки из павловского пере-

вода в стихах французской переделки трагедии Шиллера «Мария Стюарт». В той же переделке трагедия шла и на московской сцене. Известно, с каким пренебрежением отзывался Лермонтов об этом роде литературы. Так, например, в письме к М. А. Шан-Гирей (1831) поэт, сожалея об «исковерканном» Шекспире, резко порицает шедшие в московском театре переделки Дюсиса, отвечавшие «приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое». В этом свете выглядят вполне последовательными саркастические интонации Лермонтова в эпиграмме на Павлова, написанной в том же году, что и письмо к М. А. Шан-Гирей.

Алябьевой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 70).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Стихотворение посвящено Александре Васильевне Алябьевой (1812–1891), красота ко-

торой была неоднократно воспета современниками.

*...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом
ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой, —*

писал Пушкин, обращаясь к кн. Н. Б. Юсупову в стихотворении «К вельможе». Восхищался «классической красотой» Алябьевой и П. А. Вяземский («Пушкин и его современники», т. 7, вып. 25–27, 1917, стр. 23–24). В 1832 году Алябьева вышла замуж за А. Н. Киреева.

Нарышкиной

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. Есть копия — ИРЛИ, оп. 4, № 26, отд. I (тетрадь В. Х. Хохрякова), л. 3, с заголовком «А M-lle <L.> E. Narichkine». Инициал «Е» в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54–55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Выдвигалось предположение, что стихо-

творение обращено к Елизавете Ивановне Нарышкиной (урожд. Метем), жене статского советника И. В. Нарышкина (Соч. изд. «Academia», т. I, стр. 498). Однако стихотворение не может относиться к Е. И. Нарышкиной, родившейся в 1787 году и в 1831 году имевшей взрослую дочь Екатерину (род. в 1816 году). Возможно, что именно к Екатерине Ивановне Нарышкиной и обращен мадригал. Этому предположению соответствуют и поправки в заголовке стихотворения, сделанные Хохряковым, очевидно, знавшим адресата стихотворения. Хохряков уточнил, что имеется в виду «M-lle Нарышкина», и снова восстановил инициал «Е».

Толстой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Толстая имеется в виду, не установлено.

Бартеневой

Печатается по беловому автографу ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1589 (альбом П. А. Бартеневой), л. 61; автограф — на отдельном листке, вклеенном в альбом между лл. 56 и 57. На оборотной стороне листа надпись неизвестной рукой: «A M-lle Bartenieff». Имеется также черновой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. В заголовке автографа — «Бартеневой».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811–1872) — известная певица, «московский соловей», как ее называли современники. В начале 30-х годов Бартенева уже часто выступала на великосветских концертах и балах. Позднее Бартенева получила звание камер-фрейлины и пела в Петербурге. Пресса 30-х годов богата восторженными отзывами о таланте Бартеневой. Многие поэты воспевают силу и красоту ее голоса.

*Она поет... и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно, —*

писала в 1831 году поэтесса Е. Д. Сушкова (Ростопчина). Лермонтов, бывая на балах московской знати, где пела Бартенева, одним из первых среди поэтов-современников посвятил ей стихотворение.

Мартыновой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова — убийцы Лермонтова. Вернее всего, он обращен к Елизавете Соломоновне (род. в 1813 году) или Екатерине Соломоновне (род. в 1813 году).

Додо

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Додо — Евдокия Петровна Сушкова, впоследствии Ростопчина (1811–1858), поэтесса, друг Лермонтова.

«Талисман», упоминаемый в мадригале, — название стихотворения Ростопчиной, напечатанного П. А. Вяземским в альманахе «Северные цветы» на 1831 год.

Башилову

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15. Копия — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь I В. Х. Хохрякова), л. 3, под заголовком: «А Son Excellence М-г Bacheloff» («Его превосходительству г-ну Башилову». — *Франц.*).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Александр Александрович Башилов

(1777–1847) — тайный советник, сенатор, в 1831 году — директор комиссии строений в Москве.

Кропоткиной

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Кропоткина имеется в виду, не установлено. Возможно, это племянница князя А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

Щербатовой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Копия — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь В. Х. Хохрякова), № 3, под заголовком «A la Princesse A. Tcherbatoff». («Княжне А. Щербатовой». — *Франц.*)

Впервые опубликовано в «Русск. мысли»

(1882, № 2, стр. 174).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Княжна Анна Александровна Щербатова (1808–1870), в 30-х годах — фрейлина, в воспоминаниях и письмах современников упоминается как одна из красивейших женщин современной Лермонтову Москвы.

Булгакову

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Константин Александрович Булгаков (1812–1862) — сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, впоследствии гвардейский офицер, гуляка и повеса, пользовавшийся особой благосклонностью вел. кн. Михаила Павловича. Лермонтов учился с Булгаковым в Московском благородном пансионе, где возникло впервые то неприязненное отношение к Булгакову, которое с такой резкостью зву-

чит в эпиграмме. Незадолго до написания эпиграммы, 11 ноября 1831 года, К. Булгаков, как лучший танцор, был выбран с пятью товарищами на бал к князю С. М. Голицыну. В одном из своих писем А. Я. Булгаков извещал брата об успехах сына: «Когда Костя танцевал французскую кадрили, то государь глядел на него и сказал, кажется, Олсуфьеву: C'est le seul de tous ces messieurs, qui dance bien et qui soit bien tourné». («Из всех этих господ нет ни одного, кто бы так легко танцевал и был бы так строен». — Франц.) («Русск. архив», 1902, кн. 1, стр. 138). Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Лермонтов, когда писал:

*Недавно в платье Арлекина
Ты молодецки танцевал...*

Образ К. А. Булгакова послужил прототипом для фигуры Углакова в романе А. Ф. Писемского «Масоны» (1880).

Сабуровой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли»

(1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Сабурова имеется в виду, не установлено.

Уваровой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Уварова имеется в виду, не установлено.

Вы не знавали князь Петра...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма относится к князю Петру Ивановичу Шаликову (см. примечание к «Эпи-

граммам» 1829 г.).

В одном из номеров издававшегося Шаликовым «Дамского журнала» (1832, ч. 37, № 3, стр. 46–48) помещен отчет о том самом маскараде, на котором Лермонтов читал свои мадригалы.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1832 года

Люблю я цепи синих гор...

*Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц, две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело*

Ему убраться позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне,
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня
И гриву и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытии
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

Солнце

Как солнце зимнее прекрасно,

*Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..*

*Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?*

**Я счастлив! — тайный яд течет в моей
крови...**

*Я счастлив! — тайный яд течет в
моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью
угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. ни
любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединен-
ный,
Не зная ничего, оставленный, за-
бвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой по-
кой!..*

Прощанье

Не уезжай, лезгинец молодой;

Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман
сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сю-
да;
Под мокрой буркой, с горестным
лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем;

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор:
Мы вольны и добры; — зачем твой
взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят

нас;
Тебя не встретит средь родных
долин,
Ты сам сказал, улыбка милых
глаз:
Побудь еще со мной хоть день,
хоть час,
Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.

Она была прекрасна, как мечта...

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных
стран;
Кто объяснит, что значит красо-
та:
Грудь полная иль стройный, гиб-

кий стан
Или большие очи? — но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не
мог;
Взор без огня — без запаха цве-
ток!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегаящих с чела,
Шелк золотой рукой своей встре-
чал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и
всё,
Чтоб получить один, один лишь
взгляд
Из тех, которых всё блажен-
ство — яд!

Время сердцу быть в покое...

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:

*Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..*

*Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.*

*Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.*

Склонись ко мне, красавец молодой!

1

Склонись ко мне, красавец моло-

дой!
Как ты стыдлив! — ужели в пер-
вый раз
Грудь женскую ласкаешь ты ру-
кой?
В моих объятьях вот уж целый
час
Лежишь — а страха всё не превоз-
мог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь
свою...
Что злато? — я тебя люблю,
люблю!..

2

Ты так хорош! — бывало, жду, ко-
гда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая лу-
на,
Как ангел средь отверженных,
меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но по-
зор?
Поверь, невинных женщин вовсе
нет,
Лишь по желанью случай и пред-
мет
Не вечно тут. Любить не ставит
в грех
Та одного, та многих — эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чуждой,
Не знала я веселья дней молодых,
—
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой
судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день
от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне

дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных за-
бот!
О наслаждайся! — ты мой госпо-
дин!
Хотя тебе случится, может
быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет
от тебя.
Мой друг! — чего не вынесешь лю-
бя!

Девятый час; уж темно; близ заставы...

Девятый час; уж темно; близ за-
ставы
Чернеют рядом старых пять до-
мов,
Забор кругом. Высокий, худоща-
вый
Привратник на завалине готов
Уснуть; — дождя не будет, небо
ясно, —
Весь город спит. Он долго ждал
напрасно;
Темны все окна — блещут только
два —

*И там — чем не богата ты,
Москва!*

Но, чу! — к воротам кто-то подъезжает.

*Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. — Слезает,*

Одет плащом, проказник молодой;

Скрыпит за ним калитка; под ногами

Стучат колеблясь доски. (Между нами

Скажу я, он ничей не прервал сон.)

*Дверь отворилась, — свечка. —
Кто тут? — Он.*

*Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату идет;*

В шандале медном тускло догораю,

Свеча на них свой луч последний льет,

*И на кровать с высокою периной
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны*

Два юные лица отражены.

Она была прекрасна, как мечта-
нье

Ребенка под светилом южных
стран.

Что красота? — ужель одно на-
звание?

Иль грудь высокая и гибкий стан,

Или большие очи? — но порою

Всё это не зовем мы красотою:

Уста без слов — любить никто не
мог,

Взор без огня — без запаха цве-
ток!

Она была свежа, как розы Леля,

Она была похожа на портрет

Мадоны — и мадоны Рафаэля;

И вряд ли было ей осьмнадцать
лет;

Лишь святости черты не выра-
жали.

Глаза огнем неистовым пылали,

И грудь волнуясь поцелуй звала;

Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева моло-

дая —
Которой всё богатство — красо-
та!..
И впрочем, замуж выйти не же-
лая,
Что́ было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не
знала
И в этом лишь другим не подра-
жала!..
Не всё ль равно? — любить не
ставит в грех
Та одного — та многих — эта
всех!

Я с женщиною делаю условие
Пред тем, чтобы насытить
страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здо-
ровье,
А во-вторых, я мешкать не люб-
лю;
Так поступил Парни питомец
нежный:
Он снял сертук, сел на постель
небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

Как в ночь звезды падучей пламень...

*Как в ночь звезды падучей пла-
мень
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но всё под ним змея.*

*Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.*

*Молю о счастье, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало
Как для царя венец.*

*И все мечты отвергнув снова,
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.*

К * (Я не унижусь пред тобою...)**

*Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы*

Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те
мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться
всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

<В альбом н. Ф. Ивановой>

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощаль-
ный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печаль-

ный,
Который здесь оставлю я.

<В альбом д. Ф. Ивановой>

Когда судьба тебя захочет обма-
нуть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взгля-
нуть,
И думай: тот, чья ныне страж-
дет грудь,
Не опечалит, не обманет.

Как луч зари, как розы Леля...

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

Синие горы Кавказа, приветствую вас!

Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

* * *

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваюсь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущеньи, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь

неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.

* * *

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит, в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

Романс

*Стояла серая скала на берегу
морском;
Однажды на чело ее слетел небес-
ный гром.
И раздвоил ее удар, — и новую
тропой
Между разрозненных камней те-
чет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, —
но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких*

трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злосло-
вием людским,
Но для тебя я никогда не сдела-
юсь чужим.
И мы не встретимся опять, и ес-
ли пред тобой
Меня случайно назовут, ты спро-
сишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на па-
мять приведешь
Былое... и одну себя невольно про-
клянешь.
И не изгладишь ты никак из па-
мяти своей
Не только чувств и слов моих —
минуты прежних дней!..

Прелестнице

Пускай ханжа глядит с презре-
нием
На незаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут как хотят!

Ты молод. Цвет твоих кудрей...

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;

Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! — я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

Эпитафия

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак прости, про-
сти!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не
дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведal...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.

Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья.

Измученный тоскою и недугом...

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как
с другом,
Но хладен был прощальный твой
привет;
Но ты не веришь мне, ты притво-
рилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты реши-
лась,
Чтоб с сожаленьем не явить люб-
ви;
Скажи мне, для чего такое мще-
нье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,

Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск
исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

Нет, я не Байрон, я другой...

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

Романс

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет,

*И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.*

2

*Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабывтой и презренной,
О тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.*

3

*Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
О, хотя во сне
Вспомни обо мне!*

Сонет

*Я памятью живу с увядшими меч-
тами,
Виденья прежних лет толпятся*

предо мной,
И образ твой меж них, как месяц
в час ночной
Между бродящими блистает об-
лаками.

Мне тягостно твое владычество
порой;
Твоей улыбкою, волшебными гла-
зами
Порабощен мой дух и скован, как
цепями,
Что ж пользы для меня, — я не
любим тобой,

Я знаю, ты любовь мою не прези-
раешь,
Но холодно ее молениям внима-
ешь;
Так мраморный кумир на берегу
морском

Стоит, — у ног его волна кипит,
клокочет,
А он, бесчувственным исполнен
божеством,
Не внемлет, хоть ее отталки-
вать не хочет.

Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...

*Болезнь в груди моей и нет мне
исцеленья,
Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного
наслажденья,
Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей
владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захоте-
ло,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: дого-
рает
Краснея гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть
может, знает,
Как воскрешать всё то, что ми-
ло.
Быть может, ослеплен огнем его
сиянья
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй про-
щанья,
За мной бегущие повсюду.*

К * (Мы случайно сведены судьбою...)**

*Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою,
Хоть пути не кончит им вдво-
ем!*

*Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.*

*Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж на-
ми,
Я рожден, чтобы не жить без них.*

*Я рожден, чтоб целый мир был
зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводи-
тель,
Что хвала иль гордый смех лю-
дей!*

*Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,*

*Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.*

Поцелуями прежде считал...

*Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.*

*И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!*

*И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!*

Послушай, быть может, когда мы покинем...

*Послушай, быть может, когда
мы покинем
Навек этот мир, где душою так
стынем,
Быть может в стране, где не зна-
ют обману,
Ты ангелом будешь, я демоном*

стану!
Клянися тогда позабыть, доро-
гая,
Для прежнего друга всё счастье
рая!
Пусть мрачный изгнанник, судь-
бой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — все-
ленной!

К *** (Оставь напрасные заботы...)

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь — верю — и доволью;
Кого, — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожусь;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль
брат.

*Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.*

**Баллада
(С немецкого)**

*Из ворот выезжают три витязя в
ряд,
увы!
Из окна три красотки во след им
глядят:
прости!*

*Напрасно в боях они льют свою
кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья лю-
бовь
прости!*

*Уж три витязя новых в ворота
спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!*

Бой

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан ба-
хромою,
Другой — в одежде чернеца.
И видя злость противника второ-
го,
Я пожалел о войне младом;
Вдруг поднял он концы сребристо-
го покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед грома-
ми,
И пал на землю черный конь.

Я жить хочу! Хочу печали...

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.

Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Смело верь тому, что вечно...

*Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.*

*Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.*

*Всё на свете редко стало:
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, это — мука.*

*Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?*

Приветствую тебя, воинственных славян...

*Приветствую тебя, воинствен-
ных славян*

Святая колыбель! пришлец из
чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрач-
ные стены,
Через которые столетий переме-
ны
Безвредно протекли; где вольно-
сти одной
Служил тот колокол на башне
вечевой,
Который отзвонил ее уничтоже-
нье
И столько гордых душ увлек в
свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их
больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов
прежних лет?

.

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,

*Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.*

*Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пушусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.*

*Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...*

К *** (Мой друг, напрасное старанье!..)

*Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот всё, чего не знаешь ты.*

Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

К * (Печаль в моих песнях, но что за
нужда?..)**

Печаль в моих песнях, но что за
нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, ни-
когда.
Они не прогонят улыбку святую

С тех уст, для которых живу и
тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни
звук,

Отзыв беспокойный неведомых
мук.

Певца твоя ласка утешить не мо-
жет,

Зачем же он сердце твое потрево-
жит?

О нет! одна мысль, что слеза
омрачит

Тот взор несравненный, где сча-
стье горит,

Безумные б звуки в груди подави-
ла,

Хоть прежде за них лишь певца
ты любила.

Два великана

В шапке золота литого

Старый русский великан

Поджидал к себе другого

Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами

*Уж гремел об нем рассказ
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.*

*И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.*

*Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!*

*Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.*

К * (Прости! — мы не встретимся
боле...)**

1

*Прости! — мы не встретимся бо-
ле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья*

*Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!*

2

*Есть звуки — значенье ничтожно,
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!*

3

*Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалея безрассудно,
О краткой любви не жалея:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!*

Слова разлуки повторяя...

*Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,*

И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:

*Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!*

А мне довольно и одной.

*Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!*

*Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..*

Безумец я! Вы правы, правы!

*Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать,*

И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать ума-
ми,
Всю жизнь на то употребля?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

Она не гордой красотой...

Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,

*Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.*

Примите дивное посланье...

*Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный во-
рот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно, и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..*

*И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(Назло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.*

Челнок

*По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не верит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!..*

Что толку жить!.. Без приключений...

Что толку жить!.. Без приключений

И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть тол-
пою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица,
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок — а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церкви)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)

Не суждено вам услышать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разруют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девуца нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Для чего я не родился...

Для чего я не родился
Этой синюю волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;

*И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!*

Парус

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!*

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

**Он был рожден для счастья, для
надежд...**

Он был рожден для счастья, для
надежд,
И вдохновений мирных! — но
безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод до времени созре-
лый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья
час!

И жадный червь его грызет, гры-
зет,
И между тем, как нежные подру-
ги
Колеблются на ветках — ранний
плод
Лишь тяготит свою... до первой
вьюги!
Ужасно стариком быть без се-
дин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится ду-
шою;

Он меж людьми ни раб, ни вла-
стелин,
И всё, что чувствует, он чувству-
ет один!

Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

«И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,

*И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.*

*«И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.*

*«Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он
Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;*

*«И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой;
Рыбак, рыбак прекрасный,*

*Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».*

Русалка

1

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до
луны
Серебристую пену волны.*

2

*И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.*

3

*И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города.*

4

*«И там на подушке из ярких пес-
ков,
Под тенью густых тростников,*

*Спит витязь, добыча ревнивой
волны,
Спит витязь чужой стороны.*

5

*«Расчесывать кольца шелковых
кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуден-
ный час,
Целовали красавца не раз.*

6

*«Но к страстным лобзаньям, не
знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, — и склонившись на пер-
си ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»*

7

*Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.*

Баллада

Куда так проворно, жидовка мла-

дая!
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка златая,
И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала,
нет силы!..
Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была;

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!

Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки на-
прасной,
Избавь от ножа и огня...

«Отец мой сказал, что закон Мо-
исея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не блед-
нея,
Затем, что внимала любя...

«И мне обещал он страданья, му-
ченья,
И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его
мщенья,
Он будет как тень за тобой...

«Отцовского мщенья ужасны уда-
ры,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна накло-
ненный,
Блеснул неожиданный свет...

*И что-то сверкнуло в руке обна-
женной
И мрачен глухой был ответ;*

*И тяжкое что-то на камни упа-
ло,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью ды-
шало
И больше, чем жизнью одной!*

*Поутру, толпяся, народ изумлен-
ный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжа-
лом пронзенный,
И женщины труп под окном.*

Гусар

*Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!*

*Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пирров,
Но берегися думы черной —
Она черней твоих усов.*

*Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.*

*Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».*

*Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.*

*Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желанья любви?
Скажи мне, где твой ангел ды-
шит?
Где очи милые твои?*

*Молчишь — и ум твой безнадеж-
ней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..*

Ты не всегда был тем, что ныне,

*Ты жил, ты слишком много жил
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.*

Примечания к стихотворениям 1832 года

Люблю я цепи синих гор...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17–17 об. Другой автограф — ЛБ, М., 8490, 2 (это отдельный листок, на одной стороне которого написаны 11 стихов, от стиха 12 осталось только окончание слова: <небо>склон. На обороте — стихи 28–37, от стиха 38 осталось только: <скло>нив она. Возможно, что этот автограф является более поздним, но он неполный).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 57–58).

Датируется 1832 годом, так как помещено в тетради IV сразу же после новогодних мадригалов, которые написаны в конце 1831 года.

Солнце

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 4 (тетрадь IV), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17 об.

Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Прощанье (Не уезжай, лезгинец молодой...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV). лл. 17 об. — 18.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т.1, 1889. стр. 62–63).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Она была прекрасна, как мечта...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18.

Впервые опубликовано (с искажениями и с присоединением строфы V стихотворения «Девятый час; уж темно») в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 26).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению Н. Ф. И...вой», 1830.).

Отдельные стихи в несколько измененном виде перенесены в строфу IV стихотворения «Девятый час; уж темно», 1832.

Время сердцу быть в покое...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 58).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению, «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Первые стихи являются вольным подражанием началу стихотворения Байрона 1824 года «On this day I complete my thirtysixth year». («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет»).

Некоторые стихи повторены Лермонтовым в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою»), 1832.

Склонись ко мне, красавец молодой...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 19.

Имеется авторизованная копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 43 об. — 44. Здесь стих «Я продана мужчине — ни мольбы» отсутствовал и был вписан рукой Лермонтова позже, очевидно, по памяти.

Впервые опубликовано частично в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 58–59), полностью в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 24–25).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Девятый час; уж темно; близ заставы...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV). лл. 19 об. — 20.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 63–64).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Ср. строфы IV и VI со стихотворением «Она была прекрасна, как мечта», 1832 и стихотворением «Склонись ко мне, красавец молодой», 1832, строфа 3.

Как в ночь звезды падучей пламень...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 20.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1. стр. 59).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

К * (Я не унижусь пред тобою...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1,

№ 4 (тетрадь IV), лл. 20 об. — 21. Копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 44 об.

Впервые опубликовано с пропуском некоторых стихов в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 59–60), полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 68–70).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV. Это прощальное обращение к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Отдельные стихи повторяют стихи стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832.

<В альбом Н. Ф. Ивановой> (Что может краткое свиданье...)

Печатается по копии — ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), лл. 38 об. — 39. Под текстом стихотворения той же рукой поставлена дата («1832 г.») и сделана подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме.

В этом стихотворении говорится о кратком свидании, которое произошло, очевидно, после того, как стихотворение «Я не унижусь пред тобою» (о нем Лермонтов упоминает здесь в строке «И стих безумный, стих прощальный») в альбом Ивановой было уже вписано (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

<В альбом Д. Ф. Ивановой> (Когда судьба тебя захочет обмануть...)

Печатается по копии — ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 38. Под текстом стихотворения той же рукой поставлены дата («1832 г.») и подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме. Стихотворение обращено к Дарье Федоровне Ивановой, дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, сестре Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Как луч зари, как розы Леля...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Синие горы Кавказа, приветствую вас...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21–21 об. Третий абзац («Как я любил твои бури ~ всё в этом крае прекрасно») в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано (с пропусками) в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60–61). Здесь (и в позднейших изданиях) последний абзац ошибочно разбит на стихотворные строки.

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. В нем отразились воспомина-

ния Лермонтова о его пребывании на Кавказе в годы детства.

Фраза «Воздух там чист, как молитва ребенка» в несколько измененном виде («Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка») включена в роман «Герой нашего времени» («Княжна Мери», запись 11 мая). Первый отрывок близок по теме и образам к началу поэмы «Измаил-бей».

Романс (Стояла серая скала на берегу морском...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830). Тема этого стихотворения представляет собой разработку образа, заключающегося в последней строфе стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832.

Прелестнице

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45. Черновой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22.

Впервые опубликовано (без первых двух стихов и с частичными заимствованиями из чернового автографа) в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61–62).

Датируется 1832 годом по положению чернового автографа в тетради IV.

Стихотворение «Договор», 1841, представляет собой в первых трех строфах переработку данного стихотворения.

Ты молод. Цвет твоих кудрей...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. Копия — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45–45 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Эпитафия (Прости! увидимся ль мы снова...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV. Написано по поводу смерти отца — Ю. П. Лермонтова (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына», 1831).

Измученный тоскою и недугом...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830.).

Нет, я не Байрон, я другой...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библи. для чте-

ния» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 12).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX вслед за копиями стихотворений «Ты молод» и «К *» («Я не унижусь пред тобою»), написанными в этом году (автографы их находятся в тетради IV).

В стихотворении Лермонтов подчеркивает национальное своеобразие своего творчества (ср. со стихотворением «К ***» — «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья», 1830.).

Романс (Ты идешь на поле битвы...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 45 об. — 46.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43)

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Сонет

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 46.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике»

(1889, № 1, отд. I, стр. 21).

Датируется 1832 годом по положению в тетради ХХ.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

Болезнь в груди моей и нет мне исцеления...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 46 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 17–18).

Датируется 1832 годом по положению в тетради ХХ.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И....вой», 1830.).

К * (Мы случайно сведены судьбою...)

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), лл. 46 об. — 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 21–22).

Датируется 1832 годом по положению в

тетради XX.

Стихотворение, возможно, обращено к В. А. Лопухиной (ср. стих «Будь товарищ грозных бурь моих» со стихом «Товарищ бурь моих суровых» из чернового автографа посвящения к поэме «Измаил-бей», 1832).

Поцелуями прежде считал...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 93).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Послушай, быть может, когда мы покинем...

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 22).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * (Оставь напрасные заботы...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В этом стихотворении, обращенном к В. А. Лопухиной, Лермонтов говорит о своем прежнем чувстве к Н. Ф. Ивановой (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

Баллада (Из ворот выезжают три витязя в ряд...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

В автографе текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. I, стр. 10).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народ-

ной песни «Die drei Reiter»: «Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus, ade!» («Musikalischer Hausschatz der Deutschen von G. W. Fink», Leipzig, 1856, стр. 3).

Дальнейший текст стихотворения является оригинальным творчеством Лермонтова.

Бой

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 94–95) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 226).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Я жить хочу! хочу печали...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано с письмом к С. А. Бахметевой (без некоторых стихов) в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 6).

Датируется июлем 1832 года, так как первые стихи этого стихотворения процитированы в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от

августа этого года после фразы: «Странная вещь, только месяц тому назад я писал».

Смело верь тому, что вечно...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX рядом со стихотворением «Я жить хочу! хочу печали», частично приведенным в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа этого года.

Приветствую тебя, воинственных славян...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано (без двух последних стихов) в «Современнике» (1857, т. 65, № 10, отд. I, стр. 190).

Написано в августе 1832 года в Новгороде, проездом из Москвы в Петербург.

Тема древней новгородской вольности была популярна у писателей-декабристов, ви-

девших в вечевом строе национальную форму русского народного правления.

У Лермонтова эта же тема развивается в стихотворении «Новгород», (1830) и в поэме «Последний сын вольности» (1831).

Желанье (Отворите мне темницу...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Имеется автограф, состоящий только из первых стихов, — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об. Копия, сделанная рукой С. А. Раевского, — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 42 об. Другая копия — ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 9 (сделана по альбому А. М. Верещагиной).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1841, т. 19, № 11, отд. III, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В 1837 году Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Узник»).

К * (Мой друг, напрасное старанье...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128–129).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * (Печаль в моих песнях, но что за нужда...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Два великана

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 6 об. Первоначальный автограф с поправками — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49. Авторизованная копия, сделанная рукой С. А. Раевского, — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь автографов Чертковской библиотеки), л. 42.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 22, № 5, отд. I, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в

тетради XX.

Написано, видимо, в связи с 20-летием Отечественной войны 1812 года: Лермонтов изобразил поражение Наполеона и его ссылку на остров св. Елены.

Мысль, выраженная в строфах III и IV стихотворения «Два великана», повторена Лермонтовым позже в строфе VII главы I поэмы «Сашка».

К * (Прости! — мы не встретимся боле...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И.... вой», 1830.).

Ср. некоторые стихи со стихами стихотворения «Есть речи — значенье», 1840.

Слова разлуки повторяя...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради ХХ.

Безумец я! вы правы, правы!..

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 50.

Первоначальное заглавие в автографе: «Толпе».

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по положению в тетради ХХ.

Она не гордой красотою...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь ХХ), л. 50.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради ХХ.

Обращено к В. А. Лопухиной. В стихотворении, повидимому, дана сравнительная характеристика Н. Ф. Ивановой и В. А. Лопухиной.

Примите дивное посланье...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года).

Впервые опубликовано полностью в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 402–403).

Датируется августом 1832 года, так как этим стихотворением начинается упомянутое выше письмо Лермонтова к С. А. Бахметевой.

Павел, который должен был передать послание, — родственник Лермонтова по его бабушке Е. А. Арсеньевой (сын ее сестры), Павел Александрович Евреинов.

В стихотворении есть элементы политической сатиры («Куда ни взглянешь, красный ворот...»); намек на полицейский режим в николаевской России имеет общие черты со стихотворением «Прощай, немытая Россия», 1841.

Челнок (По произволу дивной власти...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об. Первона-

чальный автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года), впервые опубликован в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 403). Копия, отличающаяся от автографов, — ИРЛИ, оп. 2, № 40 (по альбому А. М. Верещагиной), л. 10.

Датируется августом 1832 года в связи с нахождением первоначального автографа в упомянутом выше письме к С. А. Бахметевой.

В обоих автографах слово «расшибенный» записано: «расчибенный».

Что толку жить!.. Без приключений...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 11–11 об. Другой автограф — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года), строфа 1 стихотворения здесь отсутствует, строфы 2 и 3 в несколько иной редакции.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 289).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Для чего я не родился...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года).

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863, № 3, стлб. 265–266).

Датируется 27 августа 1832 года, так как в упомянутом выше письме Лермонтов пишет, что написал это стихотворение накануне, наблюдая небольшое наводнение (см. настоящее издание).

Парус

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), 11 об. Другой автограф — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 18 (письмо к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года). Копия, совпадающая с автографом казанской тетради, — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1841, т. 18, № 10, отд. III, стр. 161).

Датируется 1832 годом, не раньше первой половины августа и не позднее 2 сентября,

так как включено в упомянутое выше письмо к М. А. Лопухиной.

Стих — «Белеет парус одинокий» — совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский». Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора.

В «Парусе» Лермонтова отразились настроения передовой русской интеллигенции 30-х годов XIX века: художественные образы стихотворения символизировали протест против политического гнета в России.

Он был рожден для счастья, для надежд...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 19 (письмо к М. А. Лопухиной от октября 1832 года). Первоначальный автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 12.

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863, № 4, стлб. 293).

Датируется 1832 годом по находжению в казанской тетради.

Первые пять стихов почти без изменений позже были перенесены в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го», 1839. Следующие четыре стиха с некоторыми изменениями вошли в стихотворение «Дума», 1838.

Тростник

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10. Копия Хохрякова, содержащая ошибки, — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 26–27.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по находжению в казанской тетради.

В автографе стихотворение разделено на строфы. Бытует в народе в качестве песни. С этого стихотворения начинается балладный цикл 1832 года, к которому относятся также «Русалка» и «Баллада».

Русалка

Печатается по «Стихотворениям М. Лер-

монтова» (СПб., 1840, стр. 49–51). Автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об. Копия, совпадающая с автографом, — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1.

Впервые появилось в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 4, отд. III, стр. 131–132) без даты.

Датируется 1832 годом по нахождению автографа в казанской тетради. В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Белинский в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) относил «Русалку» к числу «чисто художественных стихотворений Лермонтова, в которых личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни». По мнению критика, «эта пьеса покрыта фантастическим колоритом, и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет собою один из драгоценнейших перлов русской поэзии» (Белинский, 1903, т. 6, стр. 51).

Баллада (Куда так проворно...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), лл. 11 об. — 12. Ко-

пия, сделанная Хохряковым и совпадающая с автографом, — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 23–24.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1). Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Гусар

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 12 об. Копия Хохрякова, совпадающая с автографом (но один стих неполный), — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл. 27 об. — 28. Копия по тетради И. А. Панафутина — ИРЛИ, оп. 2, № 42, л. 6 об.—8.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1833 года

Юнкерская молитва

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

Примечания к стихотворениям 1833 года

Юнкерская молитва

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 68, л. 2.

Внизу листка дата — «1833». На обороте листка запись, сделанная рукой П. А. Висковатова, который свидетельствует, что текст стихотворения сохранился у А. П. Шан-Гирея.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без отдельных стихов и с вариантами) в воспоминаниях А. Меринского в «Атенее» (1858, ч. 6, № 48, стр. 289).

Датируется 1833 годом на основании пометы на копии и содержания стихотворения.

«Алехин глас» — поэт имеет в виду Алексея Степановича Стунеева, преподавателя Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В «Записках неизвестного гусара» (А. Ф. Тирана) упоминается о том, что в рукописном журнале «Школьная заря» в числе других произведений Лермонтова была помещена и

«Юнкерская молитва». Тиран приводит текст ее, отличающийся от текста копии ИРЛИ и текста, опубликованного в «Атенее» («Звезда», 1936, № 5, стр. 184).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1833–1834 годов

На серебряные шпоры...

*На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.*

*Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжаных коней.*

*Но с успехом просвещенья
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;*

*В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..*

В рядах стояли безмолвной толпой...

*В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
На гробе досчатом лежали.
И билось сердце в груди не одно
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
Тоска наши души сжимала;
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил,
Да вечную память меж нами!*

Примечания к стихотворениям 1833–1834 годов

На серебряные шпоры...

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 22 (тетрадь XXI), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами — временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В рядах стояли безмолвной толпой...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Хохрякова), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 243).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами — временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По мнению М. Ф. Николевой вызвано смертью юнкера

Егора Сиверса, который умер 5 декабря 1835 г. (См. Соч. изд. «Библиотека поэта», Малая серия, т. 1, стр. 393–394). Написано по образцу стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1836 года

Умиравший гладиатор

I see before me the gladiator lie...
Byron.[5]

Ликует буйный Рим... торже-
ственно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь — без-
молвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его ко-
лена...
И молит жалости напрасно мут-
ный взор:
Надменный временщик и льстец
его сенатор
Венчают похвалой победу и по-
зор...
Что знатным и толпе сражен-
ный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистан-

ный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья

Мелькают, — близок час... вот луч воображенья

Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...

И родина цветет... свободный жизни край;

Он видит круг семьи, оставленный для брани,

Отца, простершего немеющие длани,

Зовущего к себе опору дряхлых дней...

Детей играющих — возлюбленных детей.

Все ждут его назад с добычею и славой,

Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,

Бесчувственной толпы минутною забавой...

Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,

Когда-то пламенных мечтате-
лей кумир,
К могиле клонишься бесславной
головою,
Измученный в борьбе сомнений и
страстей,
Без веры, без надежд — игралище
детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обра-
тил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную
сил,
Которую давно для язвы просве-
щенья,
Для гордой роскоши беспечно ты
забыл:
Стараясь заглушить последние
страданья,
Ты жадно слушаешь и песни ста-
рины
И рыцарских времен волшебные
преданья —
Насмешливых льстецов несбы-
точные сны.

Еврейская мелодия

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец,
скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавши-
ся по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших
капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как
мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь
она полна,
Как кубок смерти яда полный.

В альбом (Из Байрона)

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,

Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привле-
чет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

Великий муж! Здесь нет награды...

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

Примечания к стихотворениям 1836 года

Умиравший гладиатор

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано, без последних двух строф и с разночтением в одном стихе, в «Отеч. записках» (1842, т. 21, № 4, отд. I, стр. 378). Полностью — в газете «Русь» (1884, № 5, стр. 35–36).

В рукописи последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой. Под стихотворением находится дата: «2 февраля 1836 г.». Год и эпиграф к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Стихотворение, очевидно, было написано в Тарханах, где поэт находился с начала января до середины марта 1836 года.

Эпиграф к стихотворению взят из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа CX, стих 1. Начало стихотворения является свободным переложением строф CXXXIX–CXLI песни IV байроновской поэмы; при этом Лермонтов значительно усилил и углубил граж-

данские вольнолюбивые мотивы; конец совершенно самостоятелен по теме и никак не связан с поэмой Байрона.

Еврейская мелодия (Душа моя мрачна.
Скорей, певец, скорей!..)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 61–62).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 80).

В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Стихотворение является вольным переводом «My soul is dark» — «Hebrew melodies» («Моя душа темна» «Еврейские мелодии». — Англ.) Байрона.

В альбом (Как одинокая гробница...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 63–64).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 81).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано

1836 годом.

Стихотворение является не вполне точным переводом «Lines written in an album at Malta» («Стихи, писанные в альбом, на Мальте». — *Англ.*) Байрона. К этому произведению Байрона Лермонтов уже обращался в 1830 году (см. стихотворение «В альбом»).

Великий муж! Здесь нет награды...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 65.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 58).

Большая часть стихотворений, находящихся в тетради Чертковской библиотеки, относится к 1835–1837 годам. Данное стихотворение датируется предположительно 1836 годом.

Текст до нас дошел не полностью; верхняя часть листа, на которой было написано начало стихотворения и где, быть может, было названо имя «великого мужа», оторвана.

Высказывались два предположения, взаимно исключающие друг друга, что «великий

муж» это или П. Я. Чаадаев (1793–1856; Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 167–169), или М. Б. Барклай де-Толли (1761–1818; И. Андроников. «Лермонтов», М., 1951, стр. 80). Однако и то и другое мнения не находят достаточно четкого подтверждения в тексте стихотворения. В последнее время выдвинуто предположение, что это произведение адресовано П. И. Пестелю или К. Ф. Рылееву («Лит. газета», 1951, № 145, 8 декабря, стр. 3).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1837 года

Бородино

*«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»*

*— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...*

Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние кварти-
ры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штывы?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к
бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж стоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак откры-
тый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хват-
том:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым лету-
чий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут,

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши гру-
ди,

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой ме-
сти,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,

Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он муче-
ний
Последних вынести не мог:
Угас, как свеч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова-

вый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:

Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгнове-
нья
Коварным шопотом насмешли-
вых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой
миценья,
С досадой тайною обманутых на-
дежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

*

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прослав-
ленных отцов,
Пятою рабскою поправшие об-
ломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у
трона,
Свободы, Геня и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё мол-
чи!..
Но есть и божий суд, наперсники

разврата!

*Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к
злословью:*

*Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью
Поэта праведную кровь!*

Ветка Палестины

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?*

*Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?*

И пальма та жива ль поныне?

*Всё так же ль манит в летний
зной*

*Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?*

*Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..*

*Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?*

*Иль, божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..*

*Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!*

*Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады*

Вокруг тебя и над тобой.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил.

*

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной

Безответный часовой.

Сосед

*Кто б ни был ты, печальный мой
сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.*

*Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой
привет
Мне умирая посылает,
И опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает,*

*Тогда, чело склонив к сырой сте-
не,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льют-
ся...*

*И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.*

Когда волнуется желтеющая нива...

*Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;*

*Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;*

*Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то*

*смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится
он, —*

*Тогда смиряется души моей тре-
вога,
Тогда расходятся морщины на че-
ле, —
И счастье я могу постигнуть на
земле,
И в небесах я вижу бога...*

Молитва

*Я, мать божия, ныне с молит-
вою
Пред твоим образом, ярким сия-
нием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием,*

*Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодно-*

Окружи счастьем душу достойную;
 Дай ей спутников, полных внимания,
 Молодость светлую, старость
 покойную,
 Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
 В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
 Ты воспрять пошли к ложу печальному
 Лучшего ангела душу прекрасную.

Расстались мы; но твой портрет...

Расстались мы; но твой портрет
 Я на груди моей храню:
 Как бледный призрак лучших лет,
 Он душу радует мою.

И новым преданный страстям
 Я разлюбить его не мог:
 Так храм оставленный — всё
 храм,

Кумир поверженный — всё бог!

Я не хочу, чтоб свет узнал...

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..*

*Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;*

*Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;*

*Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец, угрюмый
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...*

Не смейся над моей пророческой ТОСКОЮ...

*Не смейся над моей пророческой
тоскою;*

Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; — настает час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: — я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опу-

стился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль! — вот умер и
Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился.

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>

*Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную
цену,
Да жаль, заложена в казну.*

<Эпиграмма на Ф.Булгарина, II>

*Россию продает Фадей
И уж не в первый раз злодей.*

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...

*Се Маккавей-водопийца кудрявые
речи раскинул как сети,
Злой сердцелов! ожидает добычи,
рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы распра-
вил, и корпий
Вынув клоком из чутких ушей,*

уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зе-
лено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как
уголь черный, щелкая.

Остаться без носу — наш Маккавей боялся...

*Остаться без носу — наш Макка-
вей боялся,
Приехал на воды — и с носом он
остался.*

<А. Петрову>

*Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.*

Спеша на север из далека...

*Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.*

*Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека*

Твой гордый мир не возмутит.

*Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному аллы.*

*Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.*

*Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем,*

*Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!*

*Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?*

*Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?*

*О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.*

Примечания к стихотворениям 1837 года

Бородино

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840 стр. 33–38).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Современнике» (1837, т. 6, стр. 207–211).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

Цензурное разрешение на выпуск 6 тома «Современника» было получено 2 мая 1837 года, стихотворение же было написано Лермонтовым видимо, в январе. Правда, С. А. Раевский в своем показании от 21 февраля 1837 го-

да по поводу стихотворения «Смерть поэта» утверждал, что одновременно со стихами на смерть Пушкина было написано и «Бородино». Но, вероятнее всего, «Бородино» было написано еще до дуэли Пушкина, так как трудно предположить, что два столь различных по тону и настроению произведения могли быть созданы одновременно.

В 1837 году исполнялось 25 лет со времени Отечественной войны 1812 года. В связи с этим Лермонтов обращается к одному из наиболее драматических и важных моментов этой войны — к Бородинскому сражению, которому еще в 1831 году посвятил стихотворение «Поле Бородина». На основе этого юношеского произведения Лермонтов создает теперь глубоко народное по форме и содержанию «Бородино». В этом стихотворении отразились размышления поэта о роли народа в великом событии национальной истории, о прошлом и настоящем России. Белинский писал, что основная идея «Бородино» — «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел... Это сти-

хотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 23).

Смерть Поэта

Стихи печатаются по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 8 (из архива В. Ф. Одоевского). В автографе ГПБ помета рукой Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано». Имеется черновой автограф этих стихов — ЦГЛА, ф.427, оп.1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), лл.67–68. Некоторые стихи печатаются по копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским» — ИРЛИ, оп. 3, № 9, лл. 17–18. Автограф ст. 21–33 в письме А. И. Тургеневу (ЦГЛА).

Автограф последних 16 стихов не известен. Отдельные стихи исправляются по показа-

ниям А. Меринского в письме к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 134–135); Меринский сообщает, что он посетил Лермонтова в тот день, когда были написаны дополнительно 16 стихов, и тогда же списал их с автографа. (Так же, как у Меринского, эти строки читаются и во многих дошедших до нас списках стихотворения).

Впервые опубликовано под заглавием «На смерть Пушкина» в «Полярной звезде» на 1856 год (Лондон, 1858, кн. 2, стр. 33–35). В России без последних 16 стихов было помещено в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 635–636), полностью — в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, стр. 61–63).

Стих «Есть грозный суд: он ждет» в некоторых изданиях печатался неверно: «Есть грозный судия: он ждет». Это чтение было введено впервые в 1873 году П. А. Ефремовым со ссылкой на Меринского. Однако, в вышеуказанном письме Меринского, сообщившего поправки по автографу к тексту предыдущего издания, этот стих оставлен без изменения.

Для того, чтобы установить наиболее достоверный текст дополнительных 16 стихов,

при подготовке настоящего издания были обследованы все доступные списки стихотворения «Смерть поэта».[6] Из 23 имеющихся копий семь относятся к 1837 году, причем две из них датированы февралем и мартом 1837 года. Во всех этих копиях, при наличии отдельных разночтений, стих неизменно читается: «Есть грозный суд: он ждет»; ни одной копии, в которой этот стих читался бы так, как у Ефремова, обнаружить не удалось. «Есть грозный суд» печаталось и во всех изданиях стихотворений Лермонтова (кроме изданий П. Ефремова и И. Болдакова) до 1924 года. В настоящем издании восстанавливается это традиционное и наиболее достоверное чтение.

В некоторых списках стихотворения (в том числе и в копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...») имеется следующий эпиграф:

*Отмищенья, государь, отмищенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возве-
стила,*

Чтоб видели злодеи в ней пример.

Повидимому, эпиграф позднейшего происхождения и присоединен к стихотворению с целью ослабить впечатление политической резкости заключительных стихов.

Эпиграф взят из трагедии французского писателя Ротру «Венцеслав» в переделке А. Жандра (во французском тексте есть аналогичный монолог в V сцене IV акта).

В копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...», имеется дата «28 января 1837 г.», что не отвечает действительности, так как стихотворение могло быть написано только после смерти Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 года).

Убийство Пушкина вызвало глубокое возмущение среди передовой части русского общества, и стихи Лермонтова, в которых он клеймил убийцу великого поэта и способствовавших подготовке дуэли представителей высшего света, еще в первоначальной редакции (без последних 16 стихов) быстро разошлись по городу в многочисленных списках. И. И. Панаев писал, что «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках ты-

сяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 96).

Правительственные круги и реакционная часть светского общества защищали Дантеса и распускали клеветнические слухи о Пушкине. С. А. Раевский писал в своих показаниях, что к больному Лермонтову приехал его двоюродный брат, камер-юнкер Н. А. Столыпин, и, передавая мнения этих кругов, «отзывался о Пушкине невыгодно, говорил, что он себя неприлично вел среди людей большого света, что Дантес обязан был поступить так, как поступил... настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов, что Дантес и Геккерн, будучи знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду русскому...».

В ответ на эти толки Лермонтов и написал дополнительные 16 стихов, которые также быстро разошлись и имели еще больший успех. Политическая острота стихотворения, гневное обличение придворной аристократии вызвало недовольство правительства. И когда Николай I получил копию стихотворе-

ния с надписью «Воззвание к революции», против Лермонтова и Раевского, участвовавшего в распространении стихов, было начато дело. 21 февраля 1837 года они были арестованы. 25 февраля Николай I отдал приказ: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, и губернского секретаря Раевского выдержать под арестом на гауптвахте один месяц и потом отправить в Олонецкую губернию на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». Таким образом, Лермонтов был сослан на Кавказ в действующую армию.

Ветка Палестины

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 53–55), имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 5 об.—6.

Автограф не известен.

Впервые напечатано в Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III стр. 275–276).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1836 годом. Но по воспоминаниям А. Н. Мура-

вьева это произведение было написано 20 февраля 1837 года на квартире мемуариста. Лермонтов приезжал к Муравьеву в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть поэта». «Долго ожидая меня, — пишет Муравьев, — написал он на... листке чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока...» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 24). В брошюре «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественниками по святым местам» (Киев, 1872) А. Н. Муравьев излагает иначе историю создания стихотворения, не связывая ее с событиями 1837 года.

В копии под заглавием было написано: «посвящается А. М-ву» (т. е. А. Муравьеву; это посвящение позже было зачеркнуто). А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях сообщает, что пальмовую ветку Муравьев затем подарил Лермонтову («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747).

В литературе уже указывалось на сходство

этого стихотворения с «Цветком» Пушкина и стихами 312–315 поэмы «Бахчисарайский фонтан» (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 181–182).

Узник

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 39–41). Имеется черновой автограф карандашом без названия — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 62. Копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1 об.

Впервые напечатано в «Одесском альманахе» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 567–568).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихотворение «Смерть поэта». «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать божия, ныне с молитвою», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед», и переде-

лал старую пьесу «Отворите мне темницу», прибавив к ней последнюю строфу: «Но окно тюрьмы высоко» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740).

После переработки от стихотворения 1832 года «Желание», которое легло в основу «Узника», неизменными остались только первые четыре стиха.

Отдельные части стихотворения в несколько измененном виде бытовали в народно-песенном обиходе еще в начале 20-х годов нашего века.

Сосед (Кто б ни был ты, печальный мой сосед...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 163–164), где появилось впервые. Имеется копия — ИР ЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4 об.

Автограф не известен.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник»).

Когда волнуется желтеющая нива...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 161–162), где появилось впервые. Имеется автограф — ЛБ, М., 8490,1, находящийся на отдельном листе вместе со стихотворением «Ангел», и копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3 об.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник»).

Молитва (Я, мать божия, ныне с молитвою...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 43–44). Беловой автограф под заглавием «Молитва странника» имеется в письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года — ИРЛИ, оп. 1, № 34; существует черновой автограф под тем же заглавием — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56, и копии ИРЛИ, оп. 1, № 47, л. 1 об. — 2, ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4, рукой В. Соллогуба, обе тождественны с текстом.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. III, стр. 1).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихи на смерть Пушкина («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740). В копии В. Соллогуба датировано 1836 годом.

Сам Лермонтов писал М. А. Лопухиной: «Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится, именно потому, что я совсем его забыл».

Вероятнее всего, «Молитва» была написана перед отъездом на Кавказ, чем и объясняется название стихотворения в автографах («Молитва странника»). Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к В. А. Лопухиной (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 187, и Соч. малой серии Библиотеки поэта, т. 1, стр. 403); но это предположение нельзя считать окончательно доказанным.

Расстались мы, но твой портрет...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 165), где появилось впервые. Имеется черновой автограф — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56. Копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 5.

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

Является переработкой более раннего произведения — «Я не люблю тебя; страстей» (1831); от первоначальной редакции неизменными остались только последние два стиха.

Я не хочу, чтоб свет узнал...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64.

Впервые с неточностями опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 94–95), где некоторые стихи изъяты, очевидно, цензурой.

Датируется предположительно 1837 годом, так как на обороте писано стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою».

Не смейся над моей пророческой тоскою...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64 об.

Впервые опубликовано, без последней строки, в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153). В стихе «С твоей груди на плаху перейдет» цензурой было исключено слово «плаха».

Датируется предположительно 1837 годом по содержанию: слова «удар судьбы», видимо, являются намеком на преследования со стороны правительства в связи с распространением стихов «Смерть поэта». Положение стихотворения в тетради поддерживает эту датировку.

Некоторые стихи совпадают со стихотворением — «Когда твой друг с пророческой тоскою».

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56 об.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 59).

Датируется предположительно 1837 годом, так как на этом же листе написаны стихотворения «Молитва странника» и «Расстались мы», относящиеся к этому времени.

Н. В. Кукольник (1809–1868) — автор ряда псевдо-патриотических реакционных исторических драм. Его пьеса «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» была поставлена впервые на сцене Александрийского театра 14 января 1835 года, а 23 января — на сцене Большого театра. Драма не пользовалась успехом. В 1837 году, до отъезда Лермонтова на Кавказ, драма «Скопин-Шуйский» шла дважды — 20 января и 19 февраля.

<Эпиграммы на Ф. Булгарина, I–II> (Россию продает Фадей...)

Печатаются по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной) на одном листке с двумя следующими эпиграммами.

Впервые опубликованы в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359). Датируются летом

1837 года, так как находятся на одном листке с эпиграммой «Се Маккавей», написанной в то же время.

Эпиграммы направлены против Ф. В. Булгарина (1789–1859). Как раз к началу 1837 года вышли в свет под именем Булгарина три части книги «Россия в историческом, статистическом и литературном отношениях...» (в действительности автором книги был Н. А. Иванов). Книга не имела сбыта.

Первая строка имеет двойной смысл и содержит намек не только на книгу Булгарина, но и на антипатриотический характер его деятельности, и его измену во время войны 1812 года (Булгарин служил в армии Наполеона).

В некоторых стихах разоблачается связь Булгарина с III отделением.

Се Маккавей-водопийца...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наслед-

стве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года по содержанию (речь идет о Кавказских водах; см. следующую эпиграмму).

Адресат этой и следующей эпиграмм не установлен. Высказывалось предположение, что это мог быть либо А. Л. Элькан, третьестепенный литератор, агент III отделения, либо другой сотрудник этого отделения — Н. И. Тарасенко-Отрешков («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 366–367).

Остаться без носу — наш Маккавей боялся...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года (см. примечание к предыдущему стихотворению.).

<А. Петрову>

Печатается по «Русск. архиву» (1867, № 7,

стлб. 1175).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано, с неверным чтением 1 и 2 стихов и под заглавием «Ребенку», в «Русск. архиве» (1864, № 10, стлб. 1088). В иной редакции было помещено в «Литературном сборнике» (Кострома, 1928, стр. 7).

Датируется 1837 годом на основании воспоминаний А. П. Петрова.

В «Русском архиве» 1864 года стихотворение сопровождалось следующим примечанием: «Продиктовано А. П. Петровым Г. П. Данилевскому в 1846 г. в Москве. — Семейство г. Петрова было коротко знакомо с Лермонтовым на Кавказе».

Печатаая в 1867 году исправленный текст, А. П. Петров писал: «Случайно прочел я (в «Русском архиве», 1864, изд. 2-е) четверостишие, которое покойный М. Ю. Лермонтов написал мне в альбом в 1837 году. Так как две первые строчки этого экспромта переданы Г. П. Данилевским не совсем точно, то я и полагаю не лишним сообщить небольшое стихотворение это в том виде, как оно было написано автором... Михаил Юрьевич был не толь-

ко хорошим нашим знакомым, как говорит г. Данилевский, но и родственником: его родная бабка по матери (Елис. Алексеев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родные сестры. В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой» («Русск. архив», 1867, № 7, стлб. 1175).

В 1837 году А. П. Петрову было 12 лет. К его отцу, генералу П. И. Петрову, Лермонтов, судя по письмам поэта и к самому Петрову (от 1 февраля 1838 года) и к бабушке (от 18 июня 1837 года), относился с уважением и симпатией. В свою очередь и семейство Петровых, видимо, ценило и любило молодого поэта.

Спеша на север из далека...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л.

Впервые опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 93–94) с ошибками и цензурными пропусками в некоторых стихах и под заглавием «Казбеку».

Датируется концом 1837 года, когда Лермонтов возвращался из ссылки в Петербург.

Послание

Впервые опубликовано в 1964 г. в книге И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» (с. 236). Печатается по автографу из альбома А. М. Верещагиной, хранящегося в Вартхаузене в архиве семьи фон Кениг (ФРГ).

Относится, так же как две другие записи Лермонтова в указанном альбоме — «стихотворение» (на ломаном русском языке) слуги Лопухиных Ахилла «На смерть Пушкина» и начало баллады «Югельский барон» — к 1837 г.; написано, по-видимому, в марте — апреле.

Адресовано Е. А. Сушковой. «Послание» — насмешливая реплика поэта на выписки Сушковой из св. Августина, сделанные в этом же

СТИХОТВОРЕНИЯ 1838 года

<К М. И. Цейдлеру>

*Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.*

<К портрету старого гусара>

*Смотрите, как летит, отвагою
пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка ве-
ковая
Хранит струю кипучего вина.*

<К Н. И. Бухарову>

*Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов,
Для нас в беседе голосистой*

Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кин-
жал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть те-
бя ковал,
На грозный бой точил черкес сво-
бодный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расста-
ванья,
И в первый раз не кровь вдоль по
тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина
страданья.

*И черные глаза, остановясь на
мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном
огне,
То вдруг тускнели, — то сверкали.*

*Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

Гляжу на будущность с боязнью...

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.*

*Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

Слышу ли голос твой...

*Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;*

*Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,*

*И как-то весело
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.*

Как небеса твой взор блистает...

*Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй звучит и тает
Твой голос молодой;*

*За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;*

*И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.*

*Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.*

Она поет — и звуки тают...

*Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,*

Так полны дивной простоты.

Дума

Печально я гляжу на наше поко-
ленье!
Его грядущее — иль пусто, иль
темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомнения,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом,
И жизнь уж нас томит, как ров-
ный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодуш-
ны,
В начале поприща мы вянем без
борьбы;
Перед опасностью позорно-мало-
душны,
И перед властью — презренные
рабы.
Так тощий плод, до времени со-
зрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец

осиротелый,
И час их красоты — его паденья
час!

Мы иссушили ум наукою бесплод-
ной,
Тая завистливо от ближних и
друзей
Надежды лучшие и голос благо-
родный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши насла-
жденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресы-
щенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искус-
ства
Восторгом сладостным наш ум
не шевелят;
Мы жадно бережем в груди оста-
ток чувства —
Зарытый скупостью и бесполез-
ный клад.
И ненавидим мы, и любим мы
случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни

любви,
И царствует в душе какой-то хо-
лод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные
забавы,
Их добросовестный, ребяческий
разврат;
И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабы-
той,
Над миром мы пройдем без шума
и следа,
Не бросивши векам ни мысли пло-
довитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и
гражданина,
Потомок оскорбит презритель-
ным стихом,
Насмешкой горькою обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.

<А. Г. Хомутовой>

Слепец, страданьем вдохновен-
ный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священ-
ный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнеей.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить как тайной
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья

С его преклонной головы.

Вид гор из степей Козлова

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг тверды-
ни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет всё небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

Мирза

Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,

*И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...*

Пилигрим

А!..

Поэт

*Отделкой золотой блистает мой
кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный
закал, —
Наследье бранного востока.*

*Наезднику в горах служил он мно-
го лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.*

*Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резь-
ба
Нарядом чуждым и постыдным.*

Он взят за Тереком отважным
казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный
потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на
войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на
стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой
рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

—

В наш век изнеженный не так ли
ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, ко-
торой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могу-
чих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша
для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился
над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне ве-
чевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый
твой язык, —
Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий
мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеян-
ный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

Примечания к стихотворениям 1838 года

<К М. И. Цейдлеру> (Русский немец бело-курый...)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было помещено под заглавием «М.И.Ц.».

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Атенее» (1858, т. 6, № 48, стр. 303).

В «Библиогр. записках» этот экспромт был напечатан по тетради стихотворений Лермонтова, «списанных с собственноручных бумаг поэта и сообщенных Львом Ивановичем Арнольди покойной графине Е. П. Ростопчиной» («Библиогр. записки», 1859, т. 2, № 1, стлб. 19–20).

Датируется 3 марта 1838 года на основании воспоминаний Цейдлера.

М. И. Цейдлер (1816–1892) — товарищ Лермонтова по Юнкерской школе, служил в лейб-гвардии Гродненском полку, куда по возвращении из ссылки на Кавказ был переведен Лермонтов. К моменту прибытия Лер-

монтова в полк (26 февраля 1838 года) Цейдлер уже был откомандирован на Кавказ, и 3 марта Лермонтов вместе с другими товарищами провожал его. В этот вечер и было написано данное стихотворение. Рассказывая об этом, Цейдлер добавляет: «Экспромт этот имел для меня и отчасти для наших товарищей особенное значение, заключаая в конце некоторую, понятную только нам игру слов» («Русск. вестник, 1888, № 9, стр. 126). Эта игра была основана на двойном значении слова «сталь» — Цейдлер был влюблен в жену командира дивизиона, полковника Стааль фон Гольштейн — Софью Николаевну.

<К портрету старого гусара> (Смотрите, как летит, отвагою пылая...)

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 193), где было опубликовано впервые. Имеется копия ИРЛИ (оп. 1, № 44, отдельный листок).

Копия находится под рисунком А. Долгорукого, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне.

Датируется 1838 годом на основе пометы

под текстом: «Рис. К<нязь> Долгорукий 2, 1838», сделанной, как и подпись «Лермонтов», рукой поэта.

Николай Иванович Бухаров (1799–1862) — полковник лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил вместе с Лермонтовым. По воспоминаниям кн. А. В. Мещерского, это был «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым в его известном стихотворении... Вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 614).

Кн. Александр Николаевич Долгорукий (1819–1842) — товарищ Лермонтова по полку.

<К Н. И. Бухарову> (Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...)

Печатается по автографу — ЦГЛА, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 148 (отдельный листок).

В автографе помета неизвестной рукой: «Отдано в Молодик». На оборотной стороне листа рисунок пером, изображающий, видимо, Бухарова (военный курит трубку с длин-

НЫМ чубуком).

Впервые опубликовано в украинском литературном сборнике «Молодик» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 9), под заглавием «К Бухарову», с делением на строфы и с ошибкой в стихе 6.

Датируется 1838 годом по аналогии с предыдущим стихотворением.

Некоторые стихи почти буквально совпадают с отдельными стихами стихотворения «К портрету старого гусара».

Кинжал

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 16, № 6, отд. III, стр. 234), где появилось впервые. Имеется черновой автограф — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об. Копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 17. Стих «Как сталь твоя при трепетном огне» исправляется по автографу.

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года. Эта датировка подтверждается и содержанием стихотворения.

В копии первоначальное заглавие стихотворения «Подарок» зачеркнуто и заменено названием «Кинжал».

В литературе уже отмечалась общность темы и образов данного стихотворения с одноименным стихотворением Пушкина (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 192–193).

Гляжу на будущность с боязнью...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43.

Впервые опубликовано с некоторыми искажениями в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 95).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

Слышу ли голос твой...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 46 об.

Впервые с опечатками опубликовано в ли-

тературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 92) под заглавием «Неотделанное стихотворение».

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся, очевидно, к 1838 году.

Как небеса твой взор блистает...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 63.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № I, стлб. 22–23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с черновыми набросками последних строф «Казначейши», написанными, вероятно, в начале этого года

Она поет — в звуки тают...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. запис-

ках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

Стихи 5–8 являются переделкой стихов 9–12 стихотворения 1832 года «Она не гордой красотою».

Дума

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 45–48).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. I, № 2, отд. III, стр. 148–149).

Стихи 11–12, пропущенные по цензурным условиям и в «Стихотворениях» и в «Отеч. записках», воспроизводятся: стих 11 — по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 12, стлб. 373), стих 12 — по «Стихотворениям М. Ю. Лермонтова, не вошедшим в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 124).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1838 годом.

Некоторые стихи восходят к стихам стихо-

творения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд, отдельные стихи повторяют тему, а отчасти и образы некоторых стихов стихотворения 1829 года «Монолог» («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете»).

В этом стихотворении выражены раздумия Лермонтова о судьбе своего поколения, его мысли о положении лучших представителей современного общества в условиях николаевской реакции. Именно как выражение дум и настроений передовой молодежи 30-х годов это стихотворение и было воспринято читателями. Белинский высоко оценил и художественные достоинства и идейное содержание «Думы». Наряду с «алмазною крепостию стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергиею благородного негодования и глубокой грусти», великий критик отмечал, что в этом стихотворении люди «нового поколения» найдут разгадку «собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней...» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 39, 40).

<А. Г. Хомутовой> (Слепец, страданьем
вдохновенный...)

Печатается по украинскому литературно-
му сборнику «Молодик» на 1844 год (СПб.,
1844, стр. 10), где опубликовано (без заглавия)
впервые. Автограф находится в Берлинской
гос. библиотеке в портфелях Фарнгагена фон
Энзе («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59) с по-
метой рукой П. А. Вяземского: «Lermontoff».

Под заглавием «А. Г. Хомутовой» было пе-
репечатано в «Русск. архиве» (1867, № 7, стлб.
1051).

Датируется предположительно 1838 годом.

Анна Григорьевна Хомутова (1784–1856) —
двоюродная сестра поэта И. И. Козлова
(1779–1840), любившая его. Расставшись после
1812 года, они встретились только в 1838 году,
когда Козлов был уже тяжело болен и слеп.
Эта встреча произвела на Козлова сильное
впечатление, и он посвятил Хомутовой стихо-
творение «К другу весны моей после долгой,
долгой разлуки».

В 1838 году Лермонтов служил в лейб-гвар-
дии Гродненском гусарском полку, которым
командовал брат А. Г. Хомутовой — М. Г. Хо-

мутов. По словам племянника Хомутовой, А. С. Хомутова, поэт «часто посещал командира полка. А. Г. Хомутова показала Лермонтову стихи Козлова, он попросил позволения взять их с собой и на другой день возвратил их со своими стихами на имя Хомутовой» («Русск. архив», 1886, № 2, стр. 198).

Вид гор из степей Козлова

Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153–154), где было опубликовано впервые. Строка «Вот свет все небо озарил» исправляется по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21).

Автограф не известен.

Датируется первой половиной 1838 года на основании воспоминаний Л. И. Арнольди, который писал, что офицер Краснокутский сделал для Лермонтова подстрочный перевод стансов Мицкевича, и «Лермонтов тогда же облек их в стихотворную форму» («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 464). Это показание Арнольди поддерживается словами Ю. Ельца, что «Лермонтов написал «Стансы» Мицкевича, переведенные ему польским корнетом

Краснокутским», жившим с ним на одной квартире (Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. 1. 1890, стр. 206, 255). В Гродненском гусарском полку Лермонтов служил с 26 февраля по конец апреля 1838 года; в этот период и было написано данное произведение. Оно действительно является вольным переводом одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымских сонетов».

Козлов — старинное название Евпатории.

Поэт

Печатается по «Отеч. запискам» (1839, т. 2, № 3, отд. III, стр. 163–164), где появилось впервые. Имеется черновой автограф с карандашными поправками — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 61.

Датируется по содержанию 1838 годом. Кроме того, эта датировка подтверждается и тем, что цензурное разрешение на выпуск «Отеч. записок» было получено уже 1 февраля 1839 года.

«Ma cousine»

Впервые опубликовано в 1964 г. в книге И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» (с. 219).

Автограф — приписка поэта к письму Елизаветы Аркадьевны Верещагиной от 16–18 ноября ст. ст. 1838 г. из Петербурга в Штутгарт к дочери Александре Михайловне Верещагиной — «кузине» Лермонтова. Рядом с текстом Лермонтов изобразил фигурку коленопреклоненного человечка, умоляющего о прощении.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1839 года

Ребенка милого рожденье...

*Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый
стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных
дум;*

Пускай глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира
шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям
своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

<А. А. Олениной>

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!»[7]
Я счастья вам желаю
Et je vous félicite.[8]

Не верь себе

*Que nous font après tout les vulgaires
abois
De tous ces charlatans qui donnent de la
voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs
d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la
phrase?*

Не верь, не верь себе, мечтатель
молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей
больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не
ищи:
— То кровь кипит, то сил избы-
ток!
Скорее жизнь свою в заботах ис-
тощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный,
чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный
родник,
Простых и сладких звуков пол-
ный, —
Не вслушивайся в них, не предавай-
ся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом
ледяным

Не передашь ты их значенья.

*Закрадется ль печаль в тайник
души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и
вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир
людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торго-
вать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно
выставляют
На диво черни простодушной.*

*Какое дело нам, страдал ты или
нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных
лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи
идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден
след забот,
Слезы не встретишь неприлич-*

ной.

А между тем из них едва ли есть
один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравший-
ся морщин
Без преступления иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой
плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический
актер,
Махающий мечом картонным...

Три пальмы (Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской
земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бес-
плодной,
Журча, пробивался волною холод-
ной,
Хранимый, под сенью зеленых ли-
стов,
От знойных лучей и летучих пес-
ков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой
земли
Пылающей грудью ко влаге студе-
ной
Еще не склонялся под кущей зеле-
ной,
И стали уж сохнуть от знойных
лучей
Роскошные листья и звучный ру-
чей.

И стали три пальмы на бога роп-
тать:
«На то ль мы родились, чтоб
здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цве-
ли мы,
Колеблемы вихрем и зноем пали-
мы,
Ничей благосклонный не радуя
взор?..
Не прав твой, о небо, святой при-
говор!»

И только замолкли — в дали го-
лубой
Столбом уж крутился песок зо-

лотой,
Звонков раздавались нестройные
звуки,
Пестрели коврами покрытые вью-
ки,
И шел, колыхаясь, как в море чел-
нок,
Верблюд за верблюдом, взрывая
песок.

Мотаясь, висели меж твердых
горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подыма-
ли,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке накло-
ня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный
стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспор-
ядке;
И, с криком и свистом несясь по
песку,

Бросал и ловил он копье на скаку.

*Вот к пальмам подходит, шумя,
караван:*

*В тени их веселый раскинулся
стан.*

*Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неждан-
ных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.*

*Но только что сумрак на землю
упал,
По корням упругим топор засту-
чал,
И пали без жизни питомцы сто-
летий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра ог-
нем.*

*Когда же на запад умчался ту-
ман,
Урочный свой путь совершал ка-
раван;
И следом печальным на почве бес-*

плодной
Виднелся лишь пепел седой и хо-
лодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом раз-
несло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремячим
ключом:
Напрасно пророка о тени он про-
сит —
Его лишь песок раскаленный зано-
сит,
Да коршун хохлатый, степной
нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над
ним.

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,

Святая прелесть в них.

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Дары Терека

*Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:*

*«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,*

Стадо целое пригнал».

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старую враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,

*И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.*

*Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.*

Памяти а. И. О<доевско>го

1

*Я знал его: мы странствовали с
ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям род-
ным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты слад-
кой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохнове-
ний,
Обманутых надежд и горьких со-
жалений!*

2

Он был рожден для них, для тех
надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный
—

Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной,
И свет не пощадил — и бог не
спас!
Но до конца среди волнений труд-
ных,
В толпе людской и средь пустынь
безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не
угас:
Он сохранил и блеск лазурных
глаз,
И звонкий детский смех, и речь
живую,
И веру гордую в людей и жизнь
иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба

наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших тебя не понял ни
единый...

4

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих послед-
них слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уно-
сит;

Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,

Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы
нежной...

Что за нужда? Пускай забудет
свет

Столь чуждое ему существова-
нье:

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?

Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье
синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хреб-
ты...

И, вокруг твоей могилы неизвест-
ной,

Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:

*Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо
дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внима-
мая,
А море Черное шумит не умол-
кая.*

**На буйном пиршестве задумчив он
сидел...**

*На буйном пиршестве задумчив
он сидел
Один, покинутый безумными дру-
зьями,
И в даль грядущую, закрытую
пред нами,
Духовный взор его смотрел.*

*И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота го-
стей
Его слова пророчески звучали.*

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>

*Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.*

Примечания к стихотворениям 1839 года

Ребенка милого рожденье...

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1911, стр. 335), где письмо к А. А. Лопухину, в котором находится это стихотворение, воспроизводилось по автографу (из собрания барона Д. Г. Гинзбурга). В данное время местонахождение автографа не известно.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. 1, стр. 342).

Датируется февралем 1839 года, так как написано по поводу рождения сына Александра у А. А. Лопухина, друга и родственника Лермонтова. Александр Лопухин родился 13 фев-

раля 1839 года.

<**А. А. Олениной**> (Ах! Анна Алексевна...)

Печатается по копии — ГПБ, архив А. Н. Оленина, № 912. Имеется также копия в ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 2, л. 1.

Публикуется впервые.

Копия сделана рукой старшей сестры А. А. Олениной, Варвары, и имеет приписку: «Приветствие больного гусарского офицера и поэта г. Лермантова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом 1839 года». В копии ЦГЛА эта приписка дополнена словами: «В день ее рождения». Следовательно, стихотворение было написано Лермонтовым 11 августа (день рождения А. А. Олениной) 1839 года.

Анна Алексеевна Оленина (1808–1888) — дочь директора Публичной библиотеки и президента Академии Художеств А. Н. Оленина. В доме своего отца она встречалась с крупнейшими деятелями русской культуры первой половины XIX века. Поэты (Пушкин, Крылов, Гнедич, Козлов, Веневитинов и др.) посвящали ей свои стихотворения. В 1840 году А. А. Оленина вышла замуж за Ф. А. Андро де

Ланжерона, полковника лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил Лермонтов.

Не верь себе...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 57–60).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III, стр. 277–278).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» Огюста Барбье. Но Лермонтов изменил стих 1, поставив вместо «Que me font» — «Que nous font» («Какое мне дело» — «Какое нам дело». — Франц.)

Три пальмы

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 65–70).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 5, № 8, отд. III, стр. 168–170).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом, написано до 14 августа (цензурное

разрешение на выпуск т. 5 «Отеч. записок»). Следовательно, стихотворение было написано в первой половине 1839 года.

Белинский с восторгом отзывался об этом стихотворении и писал, что «пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок — сливаются в этой пьесе поэзию с живописью» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Молитва (В минуту жизни трудную...)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 71–72).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 6, № 11, отд. III, стр. 272).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

А. О. Смирнова-Россет (Автобиография. «Мир», 1931, стр. 247) рассказывает, что эти стихи Лермонтов написал для М. А. Щербатовой.

Дары Терека

Печатается по «Стихотворениям М. Лер-

монтова» (СПб., 1840, стр. 73–77).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 7, № 12, отд. III, стр. 1–3).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом.

В этом стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными казачьими песнями о Тереке. Не придерживаясь строго какого-либо одного из фольклорных источников, Лермонтов сумел понять и передать в своем стихотворении дух и стиль песен и сказов гребенских казаков.

Белинский писал, что в этом стихотворении Лермонтов «создал апотеоз Кавказа, дав ему индивидуальную личность, поэтически олицетворив Каспий и Терек» (Белинский, т. 13, 1948, стр. 50).

Памяти А. И. О<доевско>го

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 79–84). Имеется черновой автограф — ГИМ, ф. 445, № 227а, (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 54 и 55 об.

Впервые напечатано в «Отеч. записках»

(1839, т. 7, № 12, отд. III, стр. 209–210) под тем же заглавием, как и в «Стихотворениях» 1840 года — «Памяти А. И. О — го».

Стих «И свет не пощадил — и бог не спас», в котором в печатном тексте, вероятно, под воздействием цензуры слово «бог» было заменено словом «рок», — исправляем по автографу.

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом; написано было, видимо, осенью 1839 года, когда Лермонтов узнал о смерти Одоевского.

Поэт Александр Иванович Одоевский (1802–1839) принадлежал к Северному обществу декабристов. После восстания 14 декабря 1825 года был приговорен к 12 годам каторги. Вместе с другими декабристами отбывал заключение в Читинском остроге и на Петровском заводе, затем был сослан в Сибирь на поселение, а в 1837 году переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе. В этот же полк был сослан и Лермонтов после следствия по делу о стихах на смерть Пушкина. На Кавказе Лермонтов познакомился со многими сосланными туда декабристами, но

особенно сблизился с Одоевским. В 1839 году, 15 августа, Одоевский умер.

Некоторые стихи этого стихотворения совпадают со стихами стихотворения «Когда твой друг с пророческой тоскою» и стихами стихотворения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд».

Строфы III и IV этого стихотворения в несколько отличной редакции вошли в поэму «Сашка».

На буйном пиршестве задумчив он сидел...

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликованы две первые строфы под заглавием «Отрывок» с опечаткой в стихе 2 в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 8). В 1857 году было напечатано с третьей строфой (зачеркнутой в автографе) под заглавием «Казот» тоже в «Современнике» (т. 65, № 10, отд. I, стр. 189).

Датируется 1839 годом, так как написано на одном листке со стихотворением «Э. К. Му-

синой-Пушкиной» и окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Ж. Казот (1719–1792) — французский писатель, монархист, казненный в 1792 году. В «Посмертных сочинениях» Лагарпа в 1806 г. был напечатан вымышленный рассказ последнего о том, что в начале 1788 года на банте Казот предсказал Французскую революцию и судьбу присутствовавших на вечере гостей. Этот рассказ и лег в основу данного стихотворения.

<Э. К. Мусиной-Пушкиной> (Графиня Эмилия...)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликовано в «Русск. вестнике» (1860, т. 26, № 4, кн. 2, стр. 387).

Датируется 1839 годом по положению в тетради.

Стихотворение обращено к графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной (урожденной Шернваль, 1810–1846). А. В. Мещерский писал, что «обе сестрицы Шернваль были за-

мечательной красоты. Эмилия Карловна и Аврора Карловна, хотя и принадлежали к небогатому дворянскому семейству в Финляндии, но получили хорошее образование» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 609).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1840 года

Как часто, пестрою толпою окружен... 1-е Января

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных
речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,*

*Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц
городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и*

суету,
Ласкаю я в душе старинную меч-
ту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся
мне
Забыться, — памятью к недавней
старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий бар-
ский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,
А за прудом село дымится — и
встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь
кусты
Глядит вечерний луч, и желтые
листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж
грудь мою:

Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого
дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный
господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и
страстей,
Как свежий островок безвредно
среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я
узнаю,
И шум толпы людской спугнет
мечту мою,
На праздник нёзванную гостью,
О, как мне хочется смутить весе-
лость их,
И дерзко бросить им в глаза же-
лезный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно...

*И скучно и грустно, и некому руку
подать*

*В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и
вечно желать?..*

*А годы проходят — все лучшие го-
ды!*

*Любить... но кого же?.. на вре-
мя — не стоит труда,*

А вечно любить невозможно.

*В себя ли заглянешь? — там про-
шлого нет и следа:*

*И радость, и муки, и всё там ни-
чтожно...*

*Что страсти? — ведь рано иль
поздно их сладкий недуг*

Исчезнет при слове рассудка;

*И жизнь, как посмотришь с хо-
лодным вниманьем вокруг —*

Такая пустая и глупая шутка...

Посреди небесных тел...

Посреди небесных тел

Лик луны туманный:

Как он кругл и как он бел,

Точно блин с сметаной.

*Каждоу ночь она в лучах.
Путь проходит млечный:
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно!*

Казачья колыбельная песня

*Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.*

*По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.*

*Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;*

Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,

Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

<М. А. Щербатовой>

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы

*Румянец на щечках пушистых
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.*

*И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;*

*Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;*

*От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожа-
ром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.*

Есть речи — значенье...

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Как полны их звуки
Безумством желанья!*

*В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.*

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

Журналист, читатель и писатель

*Les poètes ressemblent aux ours,
qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.[10]*

(Комната писателя; опущенные шторы.
Он сидит в больших креслах перед ка-
мином.

Читатель, с сигарой, стоит спиной к ка-
мину.

Журналист входит.)

Журналист

*Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?*

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

*О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К Н. Н., неведомой красе, —
И страшно надоели все.*

Читатель

*И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш жур-
нал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перча-
ток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секре-
ту?
И в рифмах часто недочет.*

*Возьмешь ли прозу? перевод
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случилось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?*

Журналист

*Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодую,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.*

Читатель

*Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —*

А просто грязная вода.

Журналист

*И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..*

Читатель

*Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой*

Он одарен всевышним богом.

Журналист

*Всё это так, — да вот беда:
Не пишут эти господа.*

Писатель

*О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред*

Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожь, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подьем-
лет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата

Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы зной-
ной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

Воздушный корабль (Из Зейдлица)

*По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.*

*Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.*

*Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.*

*Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

*Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.*

И в час его грустной кончины,

*В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.*

*Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.*

*Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.*

*Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.*

*И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.*

*На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.*

Но смят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы

Из глаз на холодный песок,

*Потом на корабль свой волшеб-
ный,*

*Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.*

Соседка

*Не дожидаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высокó над землей!
И у двери стоит часовой!*

*Умереть бы уж мне в этой клет-
ке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.*

*Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решоткой окно;*

*У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!*

Занавеска подымется вдруг.

*На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,*

*Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.*

*Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клет-
ка,
И как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.*

*У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к две-
рям,
Постараюсь я справиться сам.*

*Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.*

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темни-
цы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы,
Глядя на них, мне и больно и
стыдно.

Нет на устах моих грешной мо-
литвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные бит-
вы,
Меч мой тяжелый да панцырь
железный.

В каменный панцырь я ныне зако-
ван,
Каменный шлем мою голову да-
вит,
Щит мой от стрел и меча закол-
дован,
Конь мой бежит, и никто им не
правит.

Быстрое время — мой конь неиз-
менный,
Шлема забрало — решотка бой-

ницы,
Каменный панцырь — высокие
стены,
Щит мой — чугунные двери тем-
ницы.

Мчись же быстрее, летучее вре-
мя!
Душно под новой броней мне ста-
ло!
Смерть, как приедем, поддержит
мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

<М. П. Соломирской>

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье

Могучей волею мечты.

*Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.*

Отчего

*Мне грустно, потому что я тебя
люблю,
И знаю: молодость цветущую
твою
Не пощадит молвы коварное гонен-
ье.
За каждый светлый день иль
сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты
судьбе.
Мне грустно... потому что весело
тебе.*

Благодарность

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пу-
стыне,*

За всё, чем я обманут в жизни
был...
Устрой лишь так, чтобы тебя
отныне
Недолго я еще благодарил.

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Ребенку

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золо-

ты,
И звонкий голосок! — Не правда
ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года ле-
тят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ со-
хранили
В груди моей; тот взор, исполнен-
ный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь
ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные
ласки?
Не слишком часто ль я твои це-
лую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обо-
жгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою
печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее,
быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль
встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в ве-
черний час
Пред образом с тобой заботливо

склонясь,
Молитву детскую она тебе шеп-
тала
И в знаменье креста персты твои
сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, те-
бя она
Ни за кого еще молиться не учи-
ла?
Бледнея, может быть, она произ-
носила
Название, теперь забытое то-
бой...
Не вспоминай его... Что имя? —
звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно оста-
лось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь,
случайно
Узнаешь ты его, — ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не про-
кляни!

А. О. Смирновой

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды

Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? — речью безыскус-
ной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

К портрету

Как мальчик кудрявый резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее тёмно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,

*То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

Тучи

*Тучки небесные, вечные странни-
ки!*

*Степью лазурною, цепью жем-
чужною*

*Мчитесь вы, будто как я же, из-
гнанники*

*С милого севера в сторону юж-
ную.*

*Кто же вас гонит: судьбы ли ре-
шение?*

*Зависть ли тайная? злоба ль от-
крытая?*

*Или на вас тяготит преступле-
ние?*

Или друзей клевета ядовитая?

*Нет, вам наскучили нивы бесплод-
ные...*

*Чужды вам страсти и чужды
страдания;*

*Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-*

ния.

Валерик

Я к вам пишу случайно; право
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже пра-
вый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на
срок;

Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольню сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,

Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,

Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожуж-
жала

Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капи-
тан?

Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,

Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отваж-
ный?

Кто выдет с ним на смертный
бой!..

Сейчас, смотрите: в шапке чер-
ной

Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий
дым...

Эй вы, станичники, за ним...

Что? ранен!.. — Ничего, бездел-
ка...

И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами

Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;

Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат ряда-
ми,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел прыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжа-
лы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,

Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы. — Тащат в го-
ры.

Постойте — ранен генерал...
Не слышат... Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел <я> недвижи-
мый.

Меж тем товарищей, друзей

Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,

Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день крова-
вый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни
путь?
И беспробудным сном заснуть

*С мечтой о близком пробужде-
нии?*

*Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть ма-
лость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..*

Завещание

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судь-
бой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.*

*А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,*

*И что родному краю
Поклон я посылаю.*

*Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.*

*Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!*

Примечания к стихотворениям 1840 года

Как часто, пестрою толпою окружен...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 85–88).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 8, № 1, отд. III, стр. 140).

В обоих изданиях перед стихотворением стоит дата «1 января»; в «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Это стихотворение было написано в связи с новогодним балом-маскарадом в Дворянском собрании, на котором был и Лермонтов. И. С. Тургенев, также присутствовавший на этом балу, вспоминал, что «на бале Дворянского собрания ему (Лермонтову, — *Ред.*) не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества.

Быть может, ему приходили в голову те стихи:

*«Когда касаются холодных рук
моих
С небрежной смелостью красавиц
городских —
Давно бестрепетные руки...» и
т. д.».*

(И. С. Тургенев, Собр. соч., т. 10, 1949, стр. 248–249).

И скучно и грустно...

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 109–110). Имеется черновой автограф — ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66.

Впервые напечатано в «Лит. газете» (1840, № 6, стлб. 133).

Датируется январем 1840 года, так как 20 января стихотворение уже появилось в «Лит. газете». В «Стихотворениях» отнесено к 1840 году.

Раскрывая общественный смысл этого стихотворения, Белинский писал: ««И скучно и грустно» из всех пьес Лермонтова обратила

на себя особенную неприязнь старого поколения. Странные люди! им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдою» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 45).

Посреди небесных тел...

Печатается по автографу — ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь. С. А. Рачинского), л. 66. Другой автограф (карандашный набросок, не законченный и зачеркнутый) — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 35 (архив П. А. Вяземского), л. 10.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 634–635).

Датировалось ранее без достаточных оснований 1833–1834 годами. Автограф стихотворения находится на том же листке, что «Искучно и грустно»; поэтому можно его отнести к 1840 г.

Казачья колыбельная песня

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 89–92).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках»

(1840, т. 8, № 2, отд. III, стр. 245–246).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1840 годом.

По поводу этого стихотворения среди гренадерских казаков существовала легенда, что Лермонтов после битвы при Валерике в станице Червленной услышал, как казачка пела над колыбелью ребенка, и под впечатлением ее песни написал свою (см.: Леонид Семенов. «Лермонтов и Толстой», 1914, стр. 119). Это опровергается тем, что стихотворение появилось в печати в феврале, а битва при Валерике была в июле.

Белинский высоко оценил «Казачью колыбельную песню» и писал о ней: «Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 52). «Казачья колыбельная песня» прочно вошла в народный обиход.

<М. А. Щербатовой> (На светские цепи...)

Печатается по автографу — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 48. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые, с ошибкой во 2 стихе, опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 1, отд. I, стр. 126), где датировано 1840 годом.

В своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей писал: «Зимой 1839 г. Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса «На светские цепи»). Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747–748). То же рассказывала Е. А. Сушкова М. И. Семевскому: «Прелестное стихотворение «На светские цепи»... написано княгине Марии Алексеевне Щербатовой, рожденной Штерич, красавице и весьма образованной женщине» («Записки» Сушковой, 1928).

Есть речи — значенье...

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 14, № 1, отд. III, стр. 2), где появилось впервые. Имеется совпадающий по тексту автограф —

ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 20.

В 1846 году в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 2, стр. 168) была опубликована другая редакция стихотворения под заглавием «Волшебные звуки».

Датируется 1840 годом, так как цензурное разрешение на выпуск в свет тома 14 «Отеч. записок» было получено 1 января 1841 года.

И. И. Панаев рассказывает в своих воспоминаниях о том, как Лермонтов привез это стихотворение А. А. Краевскому (И. И. Панаев. Воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 134–135).

Журналист, читатель и писатель

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 93—102). Имеется беловой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 11–12 об. и копия рукой В. А. Соллогуба — ИРЛИ, оп 2, № 62.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1840, т. 9, № 4, отд. III, стр. 307–310). В тексте журнала допущена опечатка, перешедшая в «Стихотворения», в стихе 84: «светлое» вместо «свежее». Исправлено по автографу.

В автографе помета: «Печатать позволяет»

ся. С.-Петербург, 19 марта 1859 года. Цензор И. Гончаров».

Датируется 20 марта 1840 года, так как в копии рукой Соллогуба написано: «С.-Петербург. 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте». В «Стихотворениях» также датировано 1840 годом.

Эпиграф принадлежит, очевидно, самому Лермонтову.

Стихотворение было литературно-общественной декларацией Лермонтова, в нем выразилось отношение Лермонтова к журнальной полемике 1839–1840 годов и оценка им реакционной критики болгаринского толка. В образе «журналиста» Лермонтов, возможно, изобразил Н. А. Полевого, ставшего в это время на охранительные позиции («Лит. наследство», т. 43–44, 1941, стр. 761–762).

В. Г. Белинский дал восторженную оценку этому стихотворению: «Разговорный язык этой пьесы — верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний — изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блеснит

слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 47).

Воздушный корабль

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 103–107).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 5, отд. III, стр. 1–3).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. Но можно датировать более точно — мартом 1840 года, так как В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 15 марта 1840 года писал, что Лермонтов, которого он навестил под арестом в ордонанс-гаузе, «читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, СПб., 1914, стр. 93).

Сюжетная основа стихотворения восходит к балладе австрийского поэта-романтика Цейдлица — «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Но Лермонтов далеко отошел от немецкого оригинала и не только изменил заглавие и порядок изложения, но и внес совершенно иной идейный смысл. В балладе Цейдлица

его заинтересовал сюжет, позволявший ему воплотить свой оригинальный творческий замысел. Самая тема Наполеона давно привлекала внимание Лермонтова, см. стихотворения: 1829 года — «Наполеон», («Где бьет волна о брег высокой»), 1830 года — «Наполеон» («В неверный час») и «Эпитафия Наполеону»), 1831 года — «Св. Елена»).

Соседка

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 19.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 2, отд. I, стр. 127–128).

Датируется мартом — апрелем 1840 года, на основании воспоминаний А. П. Шан-Гирея, который указывал, что стихотворение было написано в ордонанс-гаузе, где Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

Шан-Гирей писал, что «соседка» Лермонтова действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с

ружьем точно стоял у двери» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 749).

П. А. Висковатов передает, что «Соллогуб видел даже изображение этой девушки, нарисованное Лермонтовым, с подписью «la jolie fille de sous-officier»» («хорошенькая дочь унтер-офицера». — *Франц.*) (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 330).

Стихотворение проникло в тюремную и ссыльно-поселенческую среду, где бытовало в качестве песни.

Пленный рыцарь

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 17, № 8, отд. III, стр. 268), где появилось впервые. Имеется копия — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 18.

Датируется предположительно апрелем 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

<**М. П. Соломирской**> (Над бездной адскою блуждая...)

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24,

№ 10, отд. I, стр. 320), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия без разночтений — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 62 (принадлежала В. В. Стасову).

Датируется предположительно, по содержанию, весной 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с де Барантом.

Относится к Марье Петровне Соломирской (1811–1859), жене Владимира Дмитриевича Соломирского, брат которого в 1837 году командовал лейб-гвардии гусарским полком. В 1839–1840 годах Лермонтов встречался с ней в свете. Сидя под арестом, он, очевидно, получил от Соломирской какую-то дружескую записку.

Отчего

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 115–116).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 280).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Предполагается, что стихотворение посвящено М. А. Щербатовой (см. Соч. изд. Academia, т. 2, стр. 218). О М. А. Щербатовой см. примечание к стихотворению «На светские цепи».

Благодарность

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 117–118). Имеется белой автограф — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 13.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 290).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Из Гёте

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 119–120).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. III, стр. 1).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. По воспоминаниям А. Н. Струговщикова, стихотворение было написано в конце ноября

1840 года, когда автор воспоминаний встретил Лермонтова у В. А. Соллогуба: «На вопрос его <Лермонтова>: не перевел ли я «Молитву путника» Гёте? я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма, «А я, напротив, мог только вторую половину перевести», сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины»» («Русск. старина», 1874, № 4, стр. 712). Однако Струговщиков несомненно ошибся: в ноябре 1840 года Лермонтов был уже на Кавказе.

Данное произведение является вольным переложением стихотворения Гёте «Über allen Gipfeln» («Wanderers Nachtlied», «Над всеми вершинами» — «Ночная песнь странника». — Нем.).

Ребенку

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 111–114). Имеется автограф на отдельном листке — ИРЛИ, оп. I, № 47.

Впервые напечатано в «Отеч. записках»

(1840, т. 12, № 9, отд. III, стр. 1–2).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. В автографе рукой В. А. Соллогуба поставлена дата: «1838 г.».

Адресат не установлен. Высказывалось предположение, что стихотворение относится к дочери В. А. Лопухиной — Бахметевой (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 291). Однако этому противоречит текст стихотворения, в котором речь идет о ребенке-мальчике («Ты на нее похож», «Ты повторял за ней»). Недостаточно обосновано и мнение, что стихотворение могло быть обращено «к сыну генерала Г. (т. е. Граббе. — *Ред.*), убитому в последнюю войну с турками» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1889, стр. 490).

А. О. Смирновой

Печатается по беловому автографу — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 180 (альбом А. О. Смирновой), л. 3 об. Имеется белой автограф другой редакции стихотворения — ГИМ, ф. 445, № 105 (альбом М. П. Полуденского), л. 61. Неполная копия, сделанная рукой В. А. Соллогуба, —

ИРЛИ, оп. 1, № 47 (повидимому — с черно-

вого автографа).

В обоих автографах под текстом подпись: «М. Лермонтов».

Впервые в сокращении и с неточностями напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 12, № 10, отд. III, стр. 229). Стихотворение, очевидно, печаталось по альбому А. О. Смирновой, это подтверждается не только анализом текста, но и тем, что в этом же номере журнала на одной странице с стихотворением Лермонтова было помещено стихотворение Пушкина, печатавшееся несомненно по автографу в альбоме Смирновой (л. 1). Первые четыре стиха стихотворения Лермонтова не были напечатаны. Возможно, что эти стихи были исключены не самим Лермонтовым, а Смирновой. Имеющиеся же в печатном тексте изменения могли возникнуть в результате того, что Смирнова передала их по памяти.

Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (1809–1882) была в дружеских отношениях со многими русскими писателями: Пушкиным, Гоголем, Жуковским и др. Лер-

монтов познакомился со Смирновой в Петербурге зимой 1839–1840 года, бывал у нее и часто встречал ее в доме Карамзиных. В своей автобиографии А. О. Смирнова рассказывает о том, как было написано это стихотворение: «Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи» (А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 213).

К портрету

Печатается по тексту «Отеч. записок» (1840, т. 13, № 12, отд. III, стр. 290), где появилось впервые. Имеется беловой автограф — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 40; другой беловой автограф находился Берлинской Гос. библиотеке, в портфелях К. А. Фарнгагена фон Энзе, с пометой «Von Paulina Vülübin» («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59). Черновой автограф под заглавием «Портрет. Светская женщина» — ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинско-

го), л. 66 об.

В беловом автографе ЦГЛА внизу две пометы: «Писано собственною рукою Лермонтова. К<нязь> В. Одоевский» и «Это портрет графини Воронцовой-Дашковой. К<нязь> Вяземский».

Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Обращено к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной (1818–1856). Ее портрет был литографирован Греведоном в 1840 году в Париже. В. А. Соллогуб писал о ней в своих воспоминаниях: «Много случалось встречать мне на моем веку женщин гораздо более красивых, может быть, даже более умных, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновенным остроумием, но никогда не встречал я ни одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом била в ней жизнь и оживляла, скрашивала всё ее окружающее» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. «Academia», 1931, стр. 288).

Тучи

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 167–168), где появилось впервые. Имеется копия под заглавием «Тучки» — ЦГЛА. ф. 276, оп. I, № 71.

В «Стихотворениях» датировано: «Апрель 1840», т. е. временем, когда Лермонтов уезжал из Петербурга в ссылку на Кавказ.

П. А. Висковатов передает со слов В. А. Соллогуба об обстоятельствах написания стихотворения: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невую, написал стихотворение: «Тучки небесные, вечные странники!..». Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891,

стр. 338).

Белинский писал об этом стихотворении, что оно «полно какого-то отрадного чувства выздоровления и надежды, и пленяет роскошью поэтических образов, каким-то избытком умиленного чувства» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Валерик

Печатается по черновому автографу — ЛБ, М., 8490, 3. Имеется копия — ЛБ, IV, 5, 7 (из архива Ю. Ф. Самарина).

Впервые опубликовано (не по данному автографу) с многочисленными опечатками и пропуском некоторых стихов в альманахе «Утренняя заря» на 1843 год (стр. 66–78).

В автографе стихотворение не имеет заглавия. Но в копии из архива Самарина (так же, как и в других имеющихся копиях) и в «Утренней заре» оно озаглавлено «Валерик». Список Ю. Ф. Самарина ближе к тексту «Утренней зари», чем к черновому автографу. Наличие в нем разночтений в некоторых стихах позволяет предполагать, что этот список был сделан с более поздней редакции (воз-

можно, с той же, которая легла в основу текста «Утренней зари»). Поэтому в настоящем издании сохраняется заглавие «Валерик».

В автографе помета рукой И. Е. Бецкого: «Лермонтова. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа».

На копии сверху надпись карандашом, сделанная неизвестной рукой: «Подарено автором». В действительности Самарин получил это стихотворение от кн. И. Голицына, который привез рукопись с Кавказа (Соч. Ю. Ф. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 78).

Датируется летом 1840 года по содержанию; стихотворение было написано после боя 11 июля 1840 года при Валерике (Валерик — приток реки Сунжи, впадающей в Терек). Лермонтов, находясь в отряде генерала Галафеева, участвовал в этом сражении и писал о нем А. А. Лопухину 12 сентября 1840 года (см. настоящее издание). В «Журнале военных действий» (копия — ИРЛИ, оп. 3, № 32) в числе офицеров, отличившихся в сражении при Валерике и проявивших «необыкновенное рвение», назван и «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов» (лл. 54–55). За то, что

Лермонтов, «несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы», он был представлен генералом Галафеевым к ордену Владимира 4-й степени с бантом. Корпусное начальство заменило Владимира 4-й степени на орден Станислава 3-й степени. Но даже и на эту награду «не последовало высочайшего соизволения».

Описание сражения в «Журнале военных действий» по сравнению со стихотворением «Валерик» показывает, как точно, вплоть до отдельных деталей, воспроизводил Лермонтов картину боя. В. Г. Белинский отмечал, что «Валерик» «одно из замечательнейших произведений покойного поэта; оно отличается этою стальною прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова, и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 495).

Завещание (Наедине с тобою, брат...)

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 14, № 2, отд. III, стр. 157), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом 1840 года; в это время Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1841 года

Оправдание

*Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —*

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —*

*Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —*

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Родина

Люблю отчизну я, но странною
любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные
преданья
Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю
сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю ска-
кать в телеге

*И, взором медленным пронзая но-
чи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая
о ночлеге,
Дрожащие огни печальных дере-
вень.
Люблю дымок спаленной жнивьи,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

Эпиграмма

*Под фирмой иностранной инозе-
мец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец,
Похвалит: видно, что поляк.*

На севере диком стоит одиноко...

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне
далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт.

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

*

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных,
И тосковал,
Что образ твой в чертах небес-

ных

Не узнавал.

*

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?

Я перенес земные страсти
Туда с собой.

Ласкаю я мечту родную
Везде одну;

Желаю, плачу и ревную
Как встарину.

*

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,

Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.

Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,

Твои слова текут пылая
По мне огнем.

*

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,

Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.

Увы, твой страх, твои моленья
К чему оне?

Ты знаешь, мира и забвенья

Не надо мне!

Последнее новоселье

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий

*И кликов радостных, встречает
хладный прах*

*Погибшего давно среди немых
страданий*

*В изгнании мрачном и в цепях;
Меж тем, как мир услужливой
хвалою*

*Венчает позднего раскаянья по-
рыв*

*И вздорная толпа, довольная со-
бою,*

*Гордится, прошлое забыв, —
Негодование и чувству дав свобо-
ду,*

*Поняв тщеславие сих праздни-
чных забот,*

*Мне хочется сказать великому
народу:*

Ты жалкий и пустой народ!

*Ты жалок потому, что вера, сла-
ва, гений,*

*Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих*

сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лице-
мерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и он явился, с стро-
гим взором,
Отмеченный божественным пер-
стом,
И признан за вождя всеобщим
приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его дер-
жавы,
И мир трепещущий в безмолвии
взирал
На ризу чудную могущества и сла-
вы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный,
неизменный,
Отец седых дружин, любимый
сын молвы,
В степях египетских, у стен по-
корной Вены,
В снегах пылающей Москвы.

А вы, что делали, скажите, в это
время,
Когда в полях чужих он гордо по-
гибал?
Вы потрясали власть избранную
как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных
усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражда-
нина,
Разбитый свой венец он снял и
бросил сам,
И вам оставил он в залог родного
сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепя-
ми,
Героя увезли от плачущих дру-
жин,
И на чужой скале, за синими мо-
рями,
Забывтый, он угас один —
Один, замучен мщением бесплод-
ным,

Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще
своем походном
Зарыт наемною рукой...

*

Но годы протекли, и ветренное
племя
Кричит: «Подайте нам священ-
ный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жат-
вы семя,
Зароем мы в спасенных им сте-
нах!»
И возвратился он на родину;
безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся
и бегут
И в пышный гроб, среди столицы
шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успе-
хом!
И краткий свой восторг сменив
уже другим,
Гуляя, топчет их с самодоволь-
ным смехом
Толпа, дрожавшая пред ним.

*

*И грустно мне, когда подумаю,
что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пу-
стыне
Так жадно, столько лет — спо-
койствия и сна!
И если дух вождя примчится на
свиданье
С гробницей новою, где прах его
лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию
томимый,
О знойном острове, под небом
дальних стран,
Где сторожил его, как он непобе-
димый,
Как он великий, океан!*

Из-под таинственной холодной полумаски...

*Из-под таинственной холодной
полумаски
Звучал мне голос твой отрадный,
как мечта,
Светили мне твои пленительные*

глазки,
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я
невольню
И девственных ланит и шеи бе-
лизну.
Счастливец! видел я и локон свое-
вольный,
Родных кудрей покинувший вол-
ну!..

И создал я тогда в моем вообра-
женье
По легким признакам красавицу
мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люб-
лю.

И всё мне кажется: живые эти
речи
В года минувшие слышал когда-то
я;
И кто-то шепчет мне, что после
этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые
друзья.

В альбом автору «Курдюковой»

*На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею, —
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.*

<А. А. Углицкой>

*Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;*

*Меж тем, же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez Мадам.[11]*

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

*Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,*

*И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.*

*Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.*

*Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,*

*Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...*

Графине Ростопчиной

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благород-
ной
Оторван бурей страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.*

*Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...*

*Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и том-
ный,
Свой бурный шум, свой блеск за-
емный,
И ласки вечные свои.*

Договор

*Пускай толпа клеймит презре-
нием
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.*

Но перед идолами света

*Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.*

*Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.*

*Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.*

*В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.*

Прощай, немытая Россия...

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,*

*От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.[12]*

Утес

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в мор-
щине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.*

Спор

*Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою[13]
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;*

И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
— Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек,—
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот — у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;

Дальше, вечно чуждый тени,
Моей желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат, —
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменьи
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,

Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Веют белые султаны
Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул

*Племя гор своих,
Шапку[14] на брови надвинул —
И навек затих.*

Сон

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.*

*Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.*

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.*

*Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая*

Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине
той;

В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладяющей стру-
ёй.

L'attente

*Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.*

*Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la
mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.*

*Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profound...*

*Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.[15]*

Лилейной рукой поправляя...

*Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет как дева младая
Капгар, молодой туксус.*

.

На бурке под тенью чинары...

1

*На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши татары
Стояли молча пред ним.*

2

*И, брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!*

3

.

Они любили друг друга так долго и

НЕЖНО...

*Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt' es dem andern gestehn.
Heine.[16]*

*Они любили друг друга так долго
и нежно,
С тоской глубокой и страстью
безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и
встречи,
И были пусты и хладны их крат-
кие речи.*

*Они расстались в безмолвном и
гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою
видали.
И смерть пришла: наступило за
гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не
узнали.*

Тамара

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.*

*В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.*

*И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.*

*И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.*

*На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.*

*На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.*

*Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки*

Всю ночь раздавались там.

*Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.*

*Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.*

*Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;*

*И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.*

*И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.*

Свиданье

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старую
На сумрачной горе
Под свежее чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синюю Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любит
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

Листок

Дубовый листок оторвался от
ветки родимой
И в степь укатился, жестокою
бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и
горя
И вот наконец докатился до Чер-
ного моря.

У Черного моря чинара стоит мо-
лодая;
С ней шепчется ветер, зеленые
ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются рай-

ские птицы;
Поют они песни про славу мор-
ской царь-девицы.

И странник прижался у корня чи-
нары высокой;
Приюта на время он молит с
тоскою глубокой
И так говорит он: я бедный ли-
сточек дубовый;
До срока созрел я и вырос в отчиз-
не суровой.

Один и без цели по свету ношуся
давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и
покоя.
Прими же пришельца меж ли-
стьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудре-
ных и чудных.

На что мне тебя? отвечает мла-
дая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам мо-
им свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне
твои небылицы?

*Мой слух утомили давно уж и
райские птицы.*

*Иди себе дальше; о странник! те-
бя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для
него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,
И корни мои умывает холодное
море.*

Выхожу один я на дорогу...

1

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.*

2

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?*

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном моги-
лы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни си-
лы,
Чтоб дыша вздымалась тихо
грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лелея,
Про любовь мне сладкий голос
пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на
меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,

Брызжет и плещет и дале плывет.

*Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною
ночь?»*

*Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.*

*Вышла младая потом голова;
В косу вплелась морская трава.*

*Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.*

*Мыслит царевич: «Добро же! по-
стой!»
За косу ловко схватил он рукой.*

*Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.*

*К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.*

*«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча
моя...*

*Что же вы стоите смущенной
толпой?
Али красы не видали такой?»*

*Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий
взгляд.*

*Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;*

*Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;*

*Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.*

*Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...*

*Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую
дочь!*

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,

Что бог гласит его устами!

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

Нет, не тебя так пылко я люблю...

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блиста-
нье:
Люблю в тебе я прошлое страда-
нье
И молодость погибшую мою.*

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взо-
ром:
Таинственным я занят разгово-
ром,
Но не с тобой я сердцем говорю.*

3

*Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты дру-
гие;*

*В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

Примечания к стихотворениям 1841 года

Оправдание

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 3, отд. III, стр. 44), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

Это стихотворение является переработкой двух юношеских стихотворений: «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину», 1831) и «Когда одни воспоминанья», включенного в трагедию «Станный человек», 1831. Первая строфа второго из этих стихотворений повторена в «Оправдании» почти без изменений (только в одном стихе слова «О днях безумства и страстей» заменены словами: «О заблуждениях страстей»). Остальные строфы (2–5) стихотворения написаны заново.

Родина

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 4, отд. III, стр. 283), где появилось впервые под заглавием «Родина». Автограф под названием «Отчизна» — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 14. В одном стихе печатаем по автографу «ночующий», так как в журнальном тексте опечатка («кочующий»).

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

В. Г. Белинский 13 марта 1841 года писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его Родина — то, аллах керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (В. Г. Белинский. Письма, т. 2. СПб., 1914, стр. 227).

Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) отмечал, что «Лермонтов... обладал, конечно, громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он... понима-

ет любовь к отечеству истинно, свято и разумно» (Добролюбов, т. 1, 1934, стр. 238).

Эпиграмма (Под фирмой иностранной иноземец...)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 18, стлб. 556), где была опубликована впервые с примечанием П. А. Ефремова внизу страницы: «На О. И. Сенковского».

Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года в связи с тем, что обращена к О. И. Сенковскому, редактору и издателю «Библ. для чтения», рецензия которого на сборник стихотворений Лермонтова относится к концу предшествующего года. Сенковский в своих рецензиях часто допускал неприкрытую брань по адресу писателей (например Гоголя). В связи с выходом в свет «Героя нашего времени» Сенковский поместил в своем журнале рецензию, которая носила двусмысленный характер («Библ. для чтения», 1840, т. 39, ч. 2, № 4, отд. VI, стр. 17). Позже Сенковский напечатал восторженный, но отличающийся весьма развязным тоном отзыв о сборнике стихотворений Лермонтова

1840 года (там же, 1840, т. 43, ч. 1, № 11, отд. VI, стр. 1—11). О. И. Сенковский, поляк по национальности, печатал свои статьи под псевдонимом «Барон Брамбеус» (см.: Н. Мордовченко. В. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, стр. 110—112, 125).

На севере диком стоит одиноко...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 25, которая является второй редакцией стихотворения. (Копия расположена на обороте листка, на котором находится авторизованная копия стихотворения «Любовь мертвеца»). Другая копия той же второй редакции — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Черновой подготовительный текст второй редакции (чернилами, отчасти поверх карандаша) — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 3. Под текстом слева — карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине и в отдалении пальму на скале; справа — два мужских профиля.

Существует также первая редакция стихотворения. Это беловой автограф — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М.

Ю. Лермонтова), л. 15 об. Он расположен на небольшом листке, вклеенном в альбом, и предварительно написан начерно. Перед беловым автографом эпиграф — цитата из стихотворения Гейне. Другой беловой автограф той же первой редакции — ИРЛИ, оп. 1, № 50 (альбом З. И. Юсуповой-Шове), л. 16, с пометой, сделанной неизвестной рукой: «Писано в Санкт-Петербурге, перед отъездом на Кавказ, в 1841 году, М. Ю. Лермонтовым» (таким образом, вторая редакция стихотворения была создана вскоре после первой). Это также листок, наклеенный в альбом. Текст совпадает с текстом белового автографа ГПБ; впервые был опубликован в «Ниве», 1888, № 46, стр. 1161. Работая над первой редакцией стихотворения, Лермонтов, повидимому, начал с перевода строфы 2 (черновик ГПБ, № 11, л. 3; на этом же листке, сверху и снизу, — позднейшая работа по переделке во вторую редакцию); затем перевел строфу 1 и к черновому тексту перевода приписал окончательный текст уже сделанного перевода строфы 2, внося в него некоторые изменения (черновик ГПБ, № 11, л. 15 об.). После этого он переписал весь текст

набело на том же листе 15 об.

Вероятно, позднее на л. 3 альбома ГПБ, где был написан черновик строфы 2, на свободных местах (сверху и снизу) Лермонтов набросал первоначальный текст второй редакции.

Впервые во второй редакции опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т 20, № 1, отд. I, стр. 124) под заглавием «Сосна» и с датой «1840».

Датируется весной 1841 года по нахождению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11). Об этом же свидетельствует П. П. Вяземский («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 141–142).

Стихотворение Лермонтова представляет собой вольный перевод 33-го стихотворения цикла «Lyrisches Intermezzo» («Лирическое интермеццо». — Нем.) из «Buch der Lieder» («Книга песен». — Нем.) Г. Гейне, причем первая редакция ближе к оригиналу, нежели вторая.

Любовь мертвеца

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 25. Это отдельный листок, на обороте которого находится копия стихотворения «На севере диком». Черновой автограф (карандаш, обведенный чернилами чужой рукой) — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 2–2 об.

Впервые опубликовано в альманахе «Утренняя заря» на 1842 год (СПб., 1842, стр. 44–46) с цензурным пропуском и заменой многоточием двух стихов.

Датируется весной 1841 года по нахождению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11) перед стихотворением «Последнее новоселье» и предисловием ко второму изданию «Героя нашего времени», написанными весной 1841 года.

Последнее новоселье

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 16, № 5, отд. III, стр. 1–2), где появилось впервые. Черновой автограф — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), лл. 9 об. — 11. Беловой автограф (с отли-

чиями от печатного текста) — ИРЛИ, оп. 1, № 38 (из альбома А. Д. Боратынской, рожд. Абамелек). Подпись: «М. Лермонтов». Авторизованная копия (также не совсем совпадающая с текстом «Отеч. записок») — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 15–16.

Датируется весной 1841 года по времени появления в печати.

Написано по поводу перенесения праха Наполеона I с острова св. Елены в Париж 15 декабря 1840 года.

В отдельных стихах речь идет об единственном сыне Наполеона I и Марии-Луизы, герцоге Рейхштадтском (1811–1832), который после крушения империи и восстановления монархии Бурбонов был увезен в Австрию.

Из-под таинственной, холодной полумаски...

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 28, № 5, отд. I, стр. 80), где опубликовано впервые. Автограф не известен.

Датируется 1841 годом предположительно; в сборник стихотворений 1840 года это стихотворение не вошло и, повидимому, написано

после выхода сборника в свет.

В альбом автору «Курдюковой»

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24, № 9, отд. I, стр. 174), где было опубликовано впервые. Автограф — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 45 с заглавием «И. П. Мятлеву».

«Автор Курдюковой» — Иван Петрович Мятлев (1796–1844). Его нашумевшее произведение «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже» написано в стиле так называемой макаронической поэзии, основанной на смешении различных языков (в «Сенсациях...» смесь слов из русского и французского языков).

Стихотворение Лермонтова датируется 1841 годом — временем выхода в свет книги Мятлева.

<А. А. Углицкой> (Ma chère Alexandrine...)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 42 (из альбома А. А. Альбрехт, урожд. Углицкой). Автограф карандашом на отдельном листке, который был ранее вклеен в альбом. Подпись: «Лермонтов». Справа внизу — рису-

нок, изображающий фигуру женщины.

Впервые опубликовано в альманахе «Радуга» (Пб., 1922, стр. 111).

Датируется февралем или мартом 1841 года, написано во время последнего приезда Лермонтова в Петербург.

В стихотворении речь идет о предстоящей (в апреле 1841 года) свадьбе Александры Александровны Углицкой (1822–1862), дочери двоюродной сестры матери поэта. Лермонтов упоминает про свой «армейский чин»: он был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в армейский (Тенгинский пехотный полк) в апреле 1840 года и до февраля

1841 года находился на Кавказе.

Стихотворение написано в манере стихов И. П. Мятлева (см. примечание к предыдущему стихотворению).

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

Печатается по фотоснимку с автографа, хранящемуся в ИРЛИ, оп. 1, № 48.

Автограф, принадлежавший Е. П. Клейнмихель (урожденной Мещерской), утрачен.

Впервые опубликовано: без последней

строфы — в сборнике «Русская беседа» (т. 2, 1841, стр. 93), полностью — в «Русск. библиотеке» (1916, № 6, октябрь, стр. 70) с приложением факсимиле автографа.

Датируется предположительно началом 1841 года.

Софья Николаевна Карамзина (1802–1865) — дочь писателя и историка Н. М. Карамзина, умная, образованная женщина, с которой Лермонтов был особенно дружен в последние годы своей жизни. О салоне Карамзиных см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 143–144; А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. М., 1928, стр. 70–71.

Стихотворение вызвало восторженный отзыв Белинского: «Какая простота и глубокость! Оборот мысли, фразы — всё пушкинское» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 69).

Смирнова Александра Осиповна — см. примечание к стихотворению «А. О. Смирновой»

Саша — Александр Николаевич Карамзин (1815–1888), поэт, брат С. Н. Карамзиной.

Ишка Мятлев — поэт Иван Петрович Мятлев, см. примечание к стихотворению «В аль-

бом автору «Курдюковой»».

Графине Ростопчиной

Печатается по сборнику «Русская беседа» (т. 2, СПб., 1841, стр. 94), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом апреля 1841 года на основании следующих данных. Перед отъездом на Кавказ Лермонтов подарил Е. П. Ростопчиной альбом. В примечании к стихотворению «Пустой альбом» Е. П. Ростопчина пишет: «Этот альбом был мне подарен М. Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ, в мае (в апреле. — *Ред.*) 1841 года, стало быть, незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: «Я знаю, под одной звездою мы были с вами рождены»» (Стихотворения графини Ростопчиной, т. 2, изд. 2-е, СПб., 1857, стр. 85).

Впоследствии Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что имя Ростопчиной «будет увековечено этим прекрасным стихотворением» (Чернышевский, т. 3, 1947, стр. 466).

Договор

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 21, № 3, отд. I, стр. 1–2).

Является переработкой юношеского стихотворения «Прелестнице» (1832). Первые три строфы мало отличаются от прежнего текста, две последние написаны вновь.

Датируется предположительно 1841 годом.

В письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский писал: ««Договор» — чудо, как хорошо, и ты прав, говоря, что это глубочайшее стихотворение, до понимания которого не всякий дойдет...» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, 1914, стр. 284).

Прощай, немытая Россия...

Печатается по публикации «Русск. архива» (1890, кн. 3, № 11, стр. 375), представляющей наиболее вероятную редакцию. Текст сопровождается примечанием: «Записано со слов поэта современником». Имеется копия ИРЛИ (оп. 2, № 52 в письме П. И. Бартенева П. А. Еф-

ремову от 9 марта 1873 г.), текст которой приведен в подстрочном примечании. Посылая стихотворение Ефремову, Бартенев писал: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника». Однако сообщение это нельзя считать достоверным, поскольку стихотворение опубликовано тем же Бартеневым в «Русск. архиве» в иной редакции (см. текст).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с цензурными искажениями в «Русск. старине» (1887, № 12, стр. 738–739).

Датируется предположительно концом апреля 1841 года, когда Лермонтов находился в Петербурге и вновь, в 48 часов, был выслан на Кавказ.

В стихотворении с наибольшей политической остротой выразилось отношение Лермонтова к самодержавно-полицейскому режиму николаевской России.

Утес

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф.

Одоевским), л. 8. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 24 об. — 25 (1 об. — 2 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 331).

Датируется апрелем 1841 года, по положению чернового текста в записной книжке.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году» говорил, что стихотворения Лермонтова ««Утес», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Морская царевна», «Тамара» и «Выхожу один я на дорогу» принадлежат к лучшим созданиям Лермонтова» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 411). В статье 1844 года «Стихотворения М. Лермонтова» он писал: ««Сон», «Тамара», «Утес», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Из-под таинственной, холодной полумаски», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Не плачь, не плачь, мое дитя», «Пророк», «Свидание», — одиннадцать пьес, все высокого, хотя и не равного достоинства, потому что «Тамара», «Выхожу один я на дорогу» и «Пророк», даже и между сочинениями Лермонтова, принад-

лежат к блестящим исключениям» (т. 9, 1910, стр. 42).

Спор

Печатается по беловому автографу — ЛБ (из архива Ю. Ф. Самарина) Имеются также черновой (карандашом) и белой с поправками (чернилами) автографы — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 2 об. — 5 и 6–7.

Впервые напечатано в «Москвитянине» (1841, ч. 3, № 6, стр. 291–294). Подпись: «М. ЛЕРМОНТОВ».

Стихотворение написано в Москве, в апреле 1841 года (см. письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 года и запись его же в дневнике 1841 года — Соч. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 55–57). В автографе ЛБ — помета (карандашом) Ю. Ф. Самарина:

«Писан рукою Лермонтова и подарен мне». 15 июня 1841 года Самарин, отправляя подаренную ему рукопись М. П. Погодину, писал: «Посылаю вам приношение Лермонтова в ваш журнал. Он просит напечатать его про-

сто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за вас, и за всех читателей «Москвитянина»» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, стр. 236).

Стихотворение «Спор», изображающее вступление на Кавказ русской армии под начальством А. П. Ермолова («генерал седой»), является выражением зрелости общественно-исторических взглядов Лермонтова. Сочувствуя народам Кавказа, живо интересуясь их культурой и бытом, поэт в то же время убежден в том, что присоединение Кавказа к России и приобщение его к экономической и культурной жизни ее исторически неизбежны и прогрессивны.

Сон (В полдневный жар в долине Дагестана...)

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 7 об. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 21–22 (4 об. — 5 об. с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 183).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Стихотворение, возможно, навеяно песней терских казаков:

*...Ох, не отстать-то тоске-кручи-
нушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную но-
ченьку
Мне мало спалось, —
Мне мало спалось, на белой заре
Много во сне виделось.
Во сне виделось: ох, будто б я,
удал добрый молодец,
Убитый на дикой степе лежу...
Ретивое мое сердечушко простре-
ленное...*

(«Терский сборник», приложение к «Терскому календарю на 1891 год», вып. 1, Владикавказ, 1890, отд. II, стр. 133–139).

Белинский о стихотворении «Сон» — см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

L'Attente

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 37 (по тексту стихотворения в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной). По данному автографу опубликовано в «Лит. наследстве», т. 19–21, 1935, стр. 514. Имеется также черновой (карандашом, без заглавия) автограф этого стихотворения — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 16 (л. 10 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано (по черновому автографу) в «Русск. старине» (1887, т. 54, № 5, стр. 406; т. 56, № 12, стр. 735–736).

Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной из Ставрополя датировано 10 мая 1841 года, что позволяет и содержащееся в нем данное стихотворение приурочить к этому времени.

На основании публикации П. П. Вяземского («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 129–142) считалось посвященным француженке-поэтессе Адели Оммер де Гелль и датировалось 28 октября 1840 года. Мистификация П. П. Вяземского, оперировавшего подложными письмами Оммер де Гелль, была разоблачена

советскими литературоведами (см. «Лит. наследство», 45–46, 1948, стр. 761–766).

Лилейной рукой поправляя...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 23 (3 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. 1, стр. 201).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

Капгар — от турецкого «капкара», черный.

Туксус (туксюз), по-татарски — безбородый.

На бурке под тенью чинары...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 22 об. (л. 4 с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках»

(1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 200–201).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

Они любили друг друга так долго и нежно...

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 7 об.—8. Два черновых автографа, чернилами и карандашом, — там же, л. 8 и лл. 19 об. — 20 (лл. 6 об. — 7 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 317).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является вольным переводом стихотворения Гейне «*Sie liebten sich beide*», 1823 (из «*Buch der Lieder*» — «Книги песен». — Нем.), начало которого приведено Лермонтовым в качестве эпитафии. Концовка стихотворения изменена Лермонтовым: у Лермонтова — «Взяла их смерть... и всё объяснилось на

небе», у Гейне — влюбленные и по смерти не узнают о своей земной любви.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году», ошибочно отнеся стихотворение «Они любили друг друга» к группе произведений, которые «принадлежат к самой ранней эпохе поэтической деятельности Лермонтова», говорил, что все они «замечательны не столько в эстетическом, сколько в психологическом отношении, как факты духовной личности поэта. В эстетическом отношении, эти пьесы поражают то энергическим стихом, то могучим чувствованием, то яркою мыслию; но в целом они довольно слабы и отзываются юношескою незрелостию» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 410–411).

Тамара

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 8 об.—9. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 19 об. — 20 об. (лл. 6–7 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках»

(1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 229–230).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

В основу стихотворения положена народная грузинская легенда о царице Дарье, которая жила в старинной башне на Тереке, заманивала к себе на ночь путников, под утро убивала их и выбрасывала трупы в Терек. Имени царицы Дарьи нет в грузинской истории. Это имя возникло, вероятно, от названия Дарьяльского ущелья, где находился легендарный замок, или от сближения с именем и обликом царицы Дареджан, жившей в XVII веке. Лермонтов слышал такой вариант легенды, в котором имя Дареджан было заменено именем популярной в Грузии царицы Тамары, воспетой в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Белинский о стихотворении «Тамара» — см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Свиданье

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка).

ка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 9 об. — 10 об. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 16 об. — 18 (лл. 8 об. — 10 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 198–200).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Свиданье» — см. примечание к стихотворению «Утес».

Листок

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 10 об. — 11. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 18 об. — 19 (лл. 7 об. — 8 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 193).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Листок» — см. примечание к стихотворению «Утес».

Выхожу один я на дорогу...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка Лермонтова, подаренная ему В. Ф. Одоевским), лл. 11 об. — 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 332).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Выхожу один я на дорогу» — см. примечания к стихотворениям «Утес» и «Нет, не тебя так пылко я люблю».

Морская царевна

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 12–13.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 5, отд. I, стр. 1–2).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Морская царевна» — см. примечание к стихотворению

«Утес».

Пророк

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 13 об. — 14. Черновой автограф карандашом — там же, лл. 23 об. — 24 (лл. 2 об. — 3 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I стр. 197).

Датируется маем — началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Лермонтовский «Пророк» является своеобразным продолжением стихотворения Пушкина под тем же заглавием. Если Пушкин ставит вопрос об огромном общественном значении поэта и поэзии, то Лермонтов говорит уже о печальной судьбе поэта-гражданина, осмелившегося выступить с критикой общественных порядков.

Белинский писал: «...стихотворение «Пророк» принадлежит к лучшим созданиям Лермонтова и есть последнее (по времени) его произведение. Какая глубина мысли, какая

страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!..» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 430). См. также примечание к стихотворению «Утес».

Нет, не тебя так пылко я люблю...

Печатается по беловому автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 11 об. Черновой автограф — здесь же, л. 15 об. (л. 11 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 194).

Датируется летом 1841 года, когда Лермонтов встречался с Е. Быховец.

По мнению П. А. Висковатова, обращено к Софье Михайловне Соллогуб (урожденной Вьельгорской, 1820–1878), жене писателя В. А. Соллогуба (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 326–327). Однако в последнее время высказано более убедительное предположение, что стихотворение это относится к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался в Пяти-

горские летом 1841 года (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 492).

«Подруга юных лет» — очевидно, В. А. Бахметева (урожд. Лопухина). В своем письме от 5 августа 1841 года Е. Быховец рассказывала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» («Русск. старина», 1892, № 3, стр. 767).

Белинский в статье 1843 года «Библиографические и журнальные известия» писал, что «восемь новооткрытых стихотворений его <Лермонтова> принадлежат к замечательнейшим его произведениям, особенно: «Сон», «Тамара», «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Выхожу один я на дорогу»» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 201). В статье же «Русская литература в 1843 году», отнеся стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Сон» к группе пьес, которые «равно интересные как в эстетическом, так и в психологическом отношении», отметил, что они «принадлежат, без всякого сомнения, к эпохе полного развития могучего таланта незабвенного поэта» (там

же, стр. 411). См. также примечание к стихотворению «Утес».

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Крест на скале

*В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному
орлу,
Но крест деревянный чернеет над
ней,
Гниет он и гнется от бурь и до-
ждей.*

*И много уж лет протекло без сле-
дов
С тех пор, как он виден с далеких
холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить об-
лака.*

*О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия
И с бурей братом назвался бы я!*

Черные очи

*Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.*

*Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.*

*Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!*

К * (Когда твой друг с пророческой
тоскою...)**

*Когда твой друг с пророческой
тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;*

*Он был рожден для мирных вдох-
новений,
Для славы, для надежд; — но меж*

людей
Он не годился; и враждебный ге-
ний
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его пото-
нет
В забвенье, без следа, как звук пу-
стой;
Чтоб смыть упрек, оправданный
толпой,
И лишь волна полночная просто-
нет
Над сердцем, где хранился образ
твой!

**Гость
(Быль)**

(Посвящается...)

Кларису юноша любил,
Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудёт,
И в церкви поп с венцами ждёт.

И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
И ноги в стремяна!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил
он, —
Мне не изменишь ты! —
Пускай холодной смерти сон,
О, дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

— Итак, прости! жалею меня:
Печален мой удел! —
Калмар садится на коня,
И вихрем полетел...
Дни мчатся... снег в полях ле-
жит...

Всё дева плачет да грустит...

*Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.*

*С невестой под руку жених
Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.*

*На нем шелом избит в боях,
Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...*

*«Что гость любезный наш не
пьет, —
Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
Молчанью своему?»*

Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлецу
Лицо свое: то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал ске-
лет, —
Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве —
там,
В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят,

*(Когда меж звезд луна бредет,
И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..*

Non, si j'en crois mon espérance...

*Non, si j'en crois mon espérance
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.[17]*

<Н. Н. Арсеньеву>

*Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца — яд!*

Опять, народные витии...

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.

*Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.*

<4>

*Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!*

.

<5>

*Но честь России невредима.
И вам смеясь внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.*

Когда надежде недоступный...

*Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда бывшее ежечасно*

Очам являлося моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» он вещал;
«Ты жить устал? — но я ль вино-
вен;
Смири страстей своих порыв;
Будь как другие хладнокровен,
Будь как другие терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорож-
ный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».

Ах! ныне я не тот совсем...

Ах! ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;

А иссушил мне сердце жар
Страстей, явились морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..

•

Любовь, сокрывшись в сердце ди-
ком,

*В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...*

Он был в краю святом...

*Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Исекли сарацины.*

*Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.*

*Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.*

*Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п.... их не раз,
Перебирая четки.*

*Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей содом,
Жена его брюхата.*

Пришибло старика...

Никто моим словам не внимлет... Я ОДИН...

*Никто моим словам не вним-
лет... я один.
День гаснет... красными рисуясь
полосами,
На запад уклонились тучи, и ка-
мин
Трещит передо мной. — Я полон
весь мечтами,
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо
мной,
И тщетно я ищу смущенными
очами
Меж них хоть день один, отме-
ченный судьбой!*

Мое грядущее в тумане...

*Мое грядущее в тумане
Было <е> полно мук и зла...*

*Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?*

*К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу
Ты будешь славен меж людей!..*

*И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

*Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.*

**Это случилось в последние годы
могучего Рима...**

Это случилось в последние годы
могучего Рима,
Царствовал грозный Тиверий и
гнал христиан беспощадно:
Но ежедневно на месте отрублен-
ных ветвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зе-
ленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ре-
вущим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и мо-
литве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью
прославил.
Чудный он дар получил: исцелять
от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано
утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему
старуха простого
Звания, — с нею и муж ее, грусти
безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь,
внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... —
«Вот уж два дня и две ночи,—
Так она говорила, — мы наших бо-
гов неотступно

Молим во храмах и жжем арома-
ты на мраморе хладном,
Золото сыплем жрецам их и пла-
чем, — но всё бесполезно!
Если бы знал ты Виргинию нашу,
то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к преле-
стям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на бе-
лые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и
юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напе-
вая простую
Песню, амфору держа над головой
осторожно, тропинкой
К Тибру спускалась она за водою...
иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг
побеждала искусством,
Звонким, ребяческим смехом ро-
дительский слух утешая...
Только в последнее время примет-
но она изменилась;
Игры наскучили ей, и взор отума-
нился думой;
Из дому стала она уходить до за-
ри, возвращаясь

Вечером темным, и ночи без сна
проводила... При свете
Поздней лампы я видела раз,
как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась, —
кому? — неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных
для совета; решили...»

.

<I> Тебе, Кавказ, суровый царь земли

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небреж-
ный.*

*Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере — в стране тебе чуждой
Я сердцем твой — всегда и всюду
твой.*

*Еще ребенком, робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными кры-
лами,*

Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой
послушной
И сердцем был — товарищ их воз-
душный.

С тех пор прошло тяжелых мно-
го лет,
И вновь меня меж скал своих ты
встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и све-
тел.
Он пролил в грудь мою забвенье
бед,
И дружно я на дружний зов отве-
тил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

<II> Тебе, Кавказ, суровый царь земли

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небреж-
ный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно

Бродил в твоих ущельях, грозный,
вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пёстун, юных сил
Хранитель верный — <и мечтою
Я страстно обнимал тебя по-
рою.>

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих виде-
ний,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для
глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

Не плачь, не плачь, мое дитя...

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас

*Прекрасных юношей найдется?
Быстрее огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!*

*Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!*

Quand je te vois sourire...

*Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!*

*Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.*

*Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.*

*Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!..[18]*

Примечания к стихотворениям разных лет

Крест на скале

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2, В. Х. Хохрякова), л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 57–58).

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 г., когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых.

В копии под стихотворением написано: M-lle Souchkoff; на полях помета Висковатова о том, что стихотворение адресовано м-лле Сушковой, по его предположениям Е. П. Сушковой, впоследствии гр. Ростопчиной.

Черны очи

Печатается по автографу — ЛБ, М., 8228, 45, л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Акаде-

мической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188.

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 году. Обращено, вероятно, к Е. А. Сушковой.

К *** (Когда твой друг с пророческой тоскою...)

Печатается по автографу — ЛБ, М., 8228, 45, л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188–189.

Дата стихотворения не установлена.

Вариант первой строфы имеется в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою» (1837), некоторые стихи введены были в стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд» (1832).

Гость (Кларису юноша любил...)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 64.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, № 8, стр. 389–390), лл. 2–4.

Дата не установлена.

Non, si j'en crois mon espérance...

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 2, № 64, л. 1. Копия сделана по бумагам А. М. Верещагиной.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, т. 35, № 8, стр. 391).

Дата не установлена.

П. А. Висковатов, публикуя это стихотворение в «Русской старине», во вступительной заметке указывал, что оно относится к 1830–1832 годам, и намекал, что оно обращено к В. А. Лопухиной. Однако в 1 томе «Сочинений» Лермонтова под редакцией того же Висковатова (М., 1889, стр. 235–236) это стихотворение отнесено к 1832 году и напечатано с посвящением А. М. Верещагиной.

<Н. Н. Арсеньеву>

Печатается по автографу — ЦГЛА, ф. 276, оп. 2, № 3 (альбом Н. Н. Арсеньева). В автографе подпись: «М. Лермантов».

Имеется фотокопия — ИРЛИ, оп. 2, № 119.

Стихотворение опубликовано впервые в «Русск. архиве» (1871, № 7/8, стлб. 1271–1272).

Дата не установлена.

Николай Николаевич Арсеньев (род. в 1809 году) — родственник поэта по матери, М. М. Лермонтовой. Учился в кадетском корпусе, потом служил в кавалергардах.

Опять, народные витии...

Печатается по черновому автографу, состоящему из пяти строф, — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 59–60.

Впервые опубликован отрывок стихотворения в «Современнике» (1854, т. 45, № 5, отд. I, стр. 5), без нумерации строф. Полностью стихотворение помещено, как состоящее из шести строф, в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21–22) с нумерацией строф, при этом по поводу строфы, помеченной цифрой 5 и замененной двумя строками точек, было сделано внизу примечание: «Этой строфы недостает в доставленном нам списке».

В 1863 году С. С. Дудышкин напечатал это стихотворение (с некоторыми разночтениями) в томе 1 «Сочинений Лермонтова», датируя его 1830–1831 годами (стр. 155–157).

В своем показании от 21 февраля 1837 года по поводу стихотворения «Смерть поэта» С. А. Раевский упоминал и о стихотворении «Опять, народные витии», подчеркивая, что здесь «Лермонтов...обнаружил русское негодование против французской безнравственности их палат и т. п.», и далее приводил с двумя разночтениями некоторые стихи, указав, что всё стихотворение написано, «кажется, в 1835 году» («Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 339–340).

П. А. Висковатов в томе I «Сочинений Лермонтова» (1889, стр. 245–246), поместив стихотворение «Опять, народные витии» под датой 1835 года на основании показаний С. А. Раевского, воспроизвел текст, напечатанный в Соч. под ред. С. С. Дудышкина (т. 1, стр. 155–157).

В воспоминаниях А. П. Шан-Гирея, говорится: «Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе, Лермонтов написал пьесу в роде известной «Клеветникам России», но... никогда не хотел впоследствии напечатать ее» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 743). Далее Шан-Гирей

приводил (с несколькими разночтениями) текст стихотворения «Опять, народные витии». В виду неопределенности показания С. А. Раевского, стихотворение печатается в разделе разных годов.

Не имея достаточных оснований предполагать, что стихотворение «Опять, народные витии» состоит из шести строф (т. е., что одна строфа до сих пор не известна), мы, производя нумерацию строф, обозначаем две последние строфы, как 4 и 5. Кроме того, стихи, зачеркнутые в автографе, переносим в раздел «Варианты».

Когда надежде недоступный...

Печатается по автографу — ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 34 (тетрадь «Лекции из географии»), лл. 58 об. — 59. Автограф карандашом. Два слова в одном стихе («былое ежечасно») обведены чернилами.

Впервые было опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 287–288).

Дата окончательно не установлена. Возможно, что написано одновременно с поэмой «Сашка», черновые наброски которой нахо-

дятся в той же тетради.

Ах! ныне я не тот совсем...

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 16, стлб. 496–497), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа».

Он был в краю святом...

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 1, стлб. 19), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832).

Никто моим словам не внемлет... я один...

Печатается по автографу — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 53.

Впервые опубликовано в «Лит. наслед-

стве» (1935, т. 19–21, стр. 505).

Дата точно не установлена. Можно предположить, что стихотворение написано не позднее 1837 года, когда Лермонтов часто встречался с С. А. Раевским, у которого и сохранилась рукопись произведения.

Листок с автографом находился в архиве Е. А. Карлгоф-Драшусовой, хозяйки литературного салона в Петербурге. После смерти Лермонтова С. А. Раевский послал ей этот листок со следующей запиской: «Соображения Лермонтова сменялись с необычайною быстротою, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко — и я бывал свидетелем, как во время размышления противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиономий и т. п. Для сохранения воспоминания об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный ли-

сток Лермонтова, согласно желанию ее. — 10 июня 1844. С. Раевка» (ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 155).

Мое грядущее в тумане...

Печатается по автографу ЦГЛА из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой (ф. 276, оп. 1, № 53, отдельный листок).

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (1935, т. 19–21, стр. 505–506).

Дата точно не установлена. Стихотворение может быть написано не позднее 1837 г., так как автограф находится на одном листке со стихами «Никто моим словам не внимлет...» (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Стихотворение не завершено.

Это случилось в последние годы могучего Рима...

Печатается по копии — ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 67 (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 5–6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без последнего

стиха) в сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 1, СПб., 1845, стр. 92–93), а последний стих — в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 20).

Дата не установлена.

Стихотворение не закончено.

Это единственный в поэзии Лермонтова опыт гекзаметра.

В стихотворении допущен анахронизм: действие происходит во времена императора Тиберия (14–37 годы I века нашей эры). Гонения на христиан в Риме тогда еще не было.

<I> Тебе, Кавказ, суровый царь земли...

Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания в Париже) — «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 17). В автографе — помета неизвестной рукой: «Отдано в «Молодик»». Копия под заглавием «К Кавказу» — ИРЛИ, оп. 2, № 32 (тетрадь В. Шульца), лл. 24 об. — 25.

Впервые опубликовано с неточностями по автографу (см. выше) в «Молодике» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 8) под заглавием «К Кавказу». Напечатано вторично, уже как посвящение к поэме «Демон», в «Современнике» (1855,

т. 50, № 4, отд. I, стр. 435–436) по копии с тетради, доставленной в редакцию неким Ч* (вероятно, Б. Н. Чичериным). С тех пор перепечатывалось в изданиях сочинений Лермонтова как посвящение к «Демону».

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия В. Шульца не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

Написано октавами (так же, как и близкое к нему по форме и содержанию посвящение к поэме «Аул Бастунджи»).

<II> Тебе, Кавказ, суровый царь земли...

Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания, Москва) — «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 24). Копия, принадлежавшая А. А. Краевскому, тоже без заглавия — ИРЛИ, оп. 2, № 49.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Еф-

ремова (т. 1, СПб., 1880, стр. 554) как посвящение к поэме «Демон» и перепечатывалось под тем же названием в последующих изданиях сочинений Лермонтова.

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия Краевского не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

По строфической своей форме аналогично «Сказке для детей».

Не плачь, не плачь, мое дитя...

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 195), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата не установлена.

Отдельные стихи частично совпадают с первым монологом Демона из поэмы под тем же названием (ср. «Не плачь, дитя, не плачь

напрасно»; «Не оценит тоски твоей», см. настоящее издание).

Quand je te vois sourire...

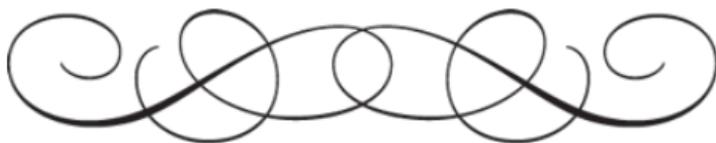
Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было опубликовано впервые со ссылкой на тетрадь копий Л. И. Арнольди.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

ПОЭМЫ

Кавказский пленник

Часть I

*Genieße und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff' und glaube!
Conz[19]*

*В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднею порою
Сидят — о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, вясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.*

Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

Меж тем черкешенки молодые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят — но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Там Терек издали кружит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает
Высокий берег; лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

Лежал ковер цветов узорный
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный
И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбегались,
Водю чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;

И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула под горой
Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

Последний солнца луч золотой
На льдах серебристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

.....
Уж раздалось мычанье стад
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад...
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники младые,
Утратив годы золотые,
В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада,
Вспоминая то, что было,
И что не будет никогда!

Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец
И как оно мечтою стало!..
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось все, как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.
Несчастные! в чужом краю!
Исчезли сердца упованья;
В одних слезах, в одном страданье
Отраду зрят они свою.

Надежды нет им возвратиться;
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. Они душой
Тонули в думе роковой.

.....
Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;
Они усталыми шагами
Идут домой. Лай верных псов
Не раздавался вокруг аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышен дев издалика
Напев унылый. Вторят горы,
И нежен он, как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:

Как сильной грозой
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелой,
Как лев заревет;
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную
И в горы уйдет.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варвар, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.
Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...
Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. Меж них огонь трещит;
Но не смыкает сон их взора,
Не могут горесть дня забыть.

Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.
Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, в шапках чер-
ных,
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издадека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно ездока!

Он понуждал рукой могучей
Коня, приталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника <с> собой.
Гирей приблизился — веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес спрыгнул, рукою ловкой
Разрезывал канат; но он
Лежал на камне — смертный сон
Летал над юной головою...

.....
Черкесы скачут уж — как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь...

.....
И бледный лик в крови омытый
Горел в щеках — он чуть дышал,
И смертным холодом облитый
Протягшись, на траве лежал.

Уж полдень, прямо над аулом,
На светло-синей высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливались с протяжным гулом
Стадов черкесских — по холмам
Дыханье ветерков проворных,
И ропот ручейков нагорных,
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес

Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер;
Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склонясь к молодой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить
(Но ах! утраченного счастья
Никто не мог уж возвратить).

.....
Вот он, вздохнувши, приподнялся,
И взор его уж открывался!
Вот он взглянул!.. затрепетал.
...Он с незабываемыми друзьями! —
Он, вспыхнув, загремел цепями...
Ужасный звук все, все сказал!!
Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал
И горько плакал и рыдал.

Счастлив еще: его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет

Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать, как прежде,
Минутной радости в надежде, —
Пусть не живет тот на земли.

Так пленник мой с родной стра-
ною
Почти навек «прости» сказал!
Терзался прошлою мечтою,
Ее места воспоминал:
Где он провел златую младость,
Где испытал и жизни сладость,
Где много милого любил,
Где знал веселье и страданья,
Где он, несчастный, погубил
Святые сердца упованья...

.....

Он слышал слово «навсегда!».
И обреченный тяжелой долей,
Почти дружился он с неволей.
С товарищами иногда
Он пас черкесские стада.
Глядел он с ними, как лавины
Катятся с гор и как шумят;
Как лавой снежною блестят,

Как ими кроются долины;
Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут средь дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые.
Ах! как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой
Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. Лежали
В тени другие пастухи,
В кустах, в траве и близ реки,
В которой жажду утоляли...
И там-то пленник мой глядит;
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг, — и
вновь

*Их с криком кверху поднимает...
«Так! — думал он, — я жертва та,
Котора в пищу им взята».*

*Смотрел он также, как кустами
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,
По камням острым, по кремням,
Летят, стремнины презирая...
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал, не шевелясь, внимают —
И вдруг внезапно исчезают,
Взвивая вверх песок и прах.*

*Смотрел, как горцы мчатся к
бою*

*Иль скачут смело над рекою;
Остановились, — лошадей
Толкают смелою ногою...
И вдруг, припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят — и, снова поскакав,
С утеса падают стремглав
И...*

*...шумно в брызгах исчезают —
Потом плывут и достигают
Уже противных берегов,*

Они уж там и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седую пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Вострепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут...
И, скрытые ночным туманом,
Оковы смерть вам нанесут.

И часто, отгоняя сон,
В глухую полночь смотрит он,
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке,
Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег,
На пне пред ним висят кругом
Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает...
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!

Не зреть ужим родного Дона,
Не слышать колоколов звона!
Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой!..
Казак! казак! увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он
Лежит в ауле — тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами — вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше, чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... все в краю том погубил.

Часть II

Однажды, погружась в мечтанье,
Сидел он позднюю порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий, бледный
Лежал на зелени холмов,
И тени шаткие дерев,
Как призраки, на крыше бедной
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея, он, в лампаде медной,
Чуть освещал большой забор...
Все спит: холмы, река и бор.

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Все ближе... ближе... через ров
Идет бредучею стопою?..
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный

И знаком ей благодарил.

*И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не все ты погубил».
И вздох не тяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;
Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропею мишистой
И скрылась вдруг в дали тени-
стой,
Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,
И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед — она сокры-
лась.
Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такою жалостью склонилась —
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.*

*Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто все молчал,*

Словам печальным не внимал;
Ах! сердце, полное волнений,
Чуждалось новых впечатлений;
Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?
Не мог он прежде забыть...
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страдании немом
И, как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось!..
Оно и в шуме и в тиши
Тревожит сон его души,

Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милый,
В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил все — ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! несчастный,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный, потухает

На освященном алтаре!!!

*Не понял он ее стремленья,
Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменье...*

*.....
Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И сон от очей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.*

*Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою —
Как воеет полночью сова.
Сквозь листья дождик пробирал-
ся;
Вдали на тучах гром катался;
Блистая, молния струей
Пещеру темну озаряла,
Где пленник бедный мой лежал,
Он весь промок и весь дрожал...*

.....

Гроза помалу утихала;
Лишь капала вода с дерев;
Кой-где потоки меж холмов
Струю мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет,

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... с кинжалом и пилой;
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..
Ах нет! наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известный;
Очнулся пленник как от сна,

*И в глубине пещеры тесной
Садятся... долго они там
Не смели воли дать словам...
Вдруг дева шагом осторожным
К нему, вздохнувши, подошла;
И, руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятеж-
ным,
Слова печальны начала:*

*«Ах русский! русский! что с то-
бою!
Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв...
Еще имеешь в свете друга —
Еще не все ты потерял...
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселен-
ной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»*

Но пленник сердца своего
Не мог открыть в тоске глубо-
кой,
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...
«Так, русский, ты спасен! но
прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!!
Скажи, забыть ли о надежде?..
Иль слезы эти утереть?»

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них, как светлая роса:
«Ах нет! оставь восторг свой
нежный,
Спасти меня не льстись надеж-
дой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бран-
ных,
Но на костях моих изгнанных.
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжал другою подавала.

*И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадает,
Блестая, цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так, рыдая, говорит:*

*«Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости! навеки!.. Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда...
Тогда!.. быть может, уж могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть может... скажешь ты уныло:
«Она любила и меня!..»
И девы бледные ланиты,
Почти потухшие глаза,
Смущенный лик, тоской убитый,
Не освежит одна слеза!..
И только рвутся вопли муки...
Она берет его за руки
И в поле темное спешит,
Где чрез утесы путь лежит.*

*Идут, идут; остановились,
Вздыхнув, назад оборотились;*

Но роковой ударил час...
Раздался выстрел — и как раз
Мой пленник падает. Не муку,
Но смерть изображает взор;
Кладет на сердце тихо руку...
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая,
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая
Одним ударом, в один миг,
Обеих вдруг сразила их.

.....

Но очи русского смыкает
Уж смерть холодною рукой;
Он вздох последний испускает,
И он уж там — и кровь рекой
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал, блестя, лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

Меж тем черкес, с улыбкой злоб-
ной,

Выходит из глуши дерев,
И, волку хищному подобный,
Бросает взор... стоит... без слов.
Ногою гордой попирает
Убитого... увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.
Черкешенка! где, где твой друг...
Его уж нет.

Она слезами
Не может ужас выразить,
Не может крови омыть.
И взор ее как бы безумный
Порыв любви изобразил;
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил!..
Встает... и скорыми шагами
Пошла с потупленной главой,
Через поляну — за холмами
Сокрылась вдруг в тени ночной.

Она уж к Тереку подходит;
Увы, зачем, зачем она
Так робко взором вкруг обводит,
Ужасной грустию полна?..

И долго на бегущи волны
Она глядит. И взор безмолвный
Блестит звездой в полночной
тьме.

Она на каменной скале:
«О, русский! русский!!!» — восклицает.

Плеснули волны при луне,
Об берег брызнули оне!..
И дева с шумом исчезает.
Покров лишь белый выплывает,
Несется по глухим волнам;
Остаток грустный и печальный
Плывет, как саван погребальный,
И скрылся к каменным скалам.

Но кто убийца их жестокой?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы! то был отец несчастный!
Быть может, он ее сгубил;
И тот свинец его опасный
Дочь вместе с пленником убил?
Не знает он, она сокрылась,
И с ночи той уж не явилась.
Черкес! где дочь твоя? глядишь,
Но уж ее не возвратишь!!

Поутру труп оледенелый
Нашли на пенистых берегах.
Он хладен был, окостенелый;
Казалось, на ее устах
Остался голос прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губах;
Узнали все. Но поздно было!
— Отец! убийца ты ее;
Где упование твое?
Терзайся век! живи уныло!..
Ее уж нет. И за тобой
Повсюду призрак роковой.
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! ищи ее везде!!!
«Где дочь моя?» — и отзыв ска-
жет:
Где?..

1828

Корсар

*Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.
La Harpe[20]*

Часть I

*Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло все!.. одни страдания
Еще горят в душе моей.*

* * *

*Я не видал своих родимых, —
Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда все спит во тьме ночной,*

Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! — не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

* * *

Мой умер брат! — перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел. Ах! я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной му-
ки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал,
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! — страшным восклица-
нием
Сражен я вдруг был с содрога-
нием,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

* * *

С тех пор с обманутой душою

Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда — и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я все переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенней любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумии глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелкал,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я — угрюмой
Душа моя смутилась думой;

Не могши более страдать,
Я вдруг решился убежать.

* * *

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем доме глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощаль-
ный
На место бросить то, где я
Так долго жил в тиши безвест-
ной,
Где жизни тень всегда прелест-
ной
Беспечно встретила меня,
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

* * *

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я, озарен луною...
Ах! как она, томна, бледна,

Лила лучи свои златые
С небес на рощи береговые.
Везде знакомые места,
Все мне напоминало младость,
Все говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той моги-
лой,
Где прах лежал столь сердцу ми-
лый.
Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

* * *

Потом... неверными шагами
Я удалился — но за мной,
Казалось, тень везде бежала...
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенной главою

Я там сидел, склонясь на пень...
Но встал, пошел к брегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел
(В душе сменялося мечтанье).
Ярчее дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он, прекрасный, величавый,
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на берег безмолвный
Я вышел. Все в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей:
«Прости, отчизна золотая! —
Сказал, — быть может, в этот
раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час

*Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...*

* * *

*Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною:
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один как сирота,
Не смея ввериться, как прежде.
Все изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пу-
ста —
Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил — день уходил...
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Восто-
ка,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от рока!
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти все то, что я любил.*

Часть II

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.
Венчаный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный челн
Порывом их к нему домчится,
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между куста-
ми,
Изрезан узкими тропами,
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами,
Как бы на лебеда крылах,
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет
Через поле черной полосю.
(Я шел, не чувствуя себя;

Я был в стремительном волне-
нье,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдаленье
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоенье
Фракиец храбрый пировал;
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,
И дышит все здесь стариной,
Минувшей славой и войной.

* * *

Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный —
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях ле-
тать —

И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких
(Любить кого, не находил),
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу мла-
дость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

* * *

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там ме-
ня,

Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж острова-
ми,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана;
Я видел их — но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — все за од-
но!!!

* * *

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Все, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне воды,
Поля, леса, луга, холмы
И все, все прелести природы...
Но! — так себе неверны мы!! —
Живем, томимся и желаем,
А получивши — забываем
О том. Уже предмет другой

*Играет в нашем воображенье
И — в непрерывном так томле-
нье
Мы тратим жизнь, о боже мой!*

* * *

*Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой,
Как в море, был в степи сухой.*

* * *

*Или в лесу в ночи глубокой,
Когда все спит, то мы одни
При полной в облаках луне
В пещере темной, припевая,
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень, чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая...
Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли,*

Какой-то гордостию полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

* * *

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда, вспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной все исчезало,

Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

Часть III

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалика,
И гнал, стоная, вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,

И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг, треща, вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь
гром,
Вдруг слышен выстрел отдален-
ный.
Блеснул фонарь как бы зажжен-
ный
На мачте в мрачной глубине...
И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Все различить мне было трудно.
Предавшись глухим волнам,
Они на помощь призывали,

Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!» —
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит — и с шумом утопает.

* * *

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал.
Лишь изредка волна вздымалась,
Как бы гора, и опускалась.

.....

.....

Все смолкло! Вдруг корабль вол-
ной
Был брошен к мели береговой.
Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она

Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Воспоминала. Томный взор
Чернее тьмы, ярчее света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда, блистая,
Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце
есть).
Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.

1828

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

*Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили
мы,
Про твоего любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный
лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали — не наслушались.*

*Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:*

То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.

Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божью,
В удовольствие свое и веселие.
Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —

А в груди его была дума крепкая.
Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты
небес

На младого голубя сизокрыло-
го, —

Да не поднял глаз молодой боец.

Вот об землю царь стукнул пал-
кою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —
Да не вздрогнул и тут молодой
боец.
Вот промолвил царь слово гроз-
ное —
И очнулся тогда добрый молодец.
«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?
Когда всходит месяц — звезды
ра́дуются,
Что светлей им гулять по под-
нёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малюти-
ной!..»
Отвечает так Кирибеевич,

Царю грозному в пояс кланяясь:
«Государь ты наш, Иван Васильевич!

Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:

Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:

«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?

Не истерся ли твой парчевой кафтан?

Не измялась ли шапка соболиная?

Не казна ли у тебя поистратилась?

Иль зазубрилась сабля закаленная?

Или конь захромал, худо кованный?

Или с ног тебя сбил на кулачном бою,

На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:
«Не родилась та рука заколдован-
ная
Ни в боярском роду, ни в купече-
ском;
Аргамак мой степной ходит весе-
ло;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей ми-
лостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю набочок шапку бархат-
ную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся, глядя, перешепты-
ваясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:

Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитриев-
ной.
Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачатся очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православ-
ный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-

юсь?

Отпусти меня в степи приволжские,

На житье на вольное, на казацкое.

Уж сложу я там буйную головушку

*И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья*

*Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.*

Мои очи слезные коршун выключет,

Мои кости сирые дождик вымоет,

*И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»*

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:

«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,

Твоему горю пособить постараюсь.

*Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый*

*Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной покла-*

няйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную сва-
дебку,
Не полюбишься — не прогневай-
ся».

Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич!

Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианско-
му...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!

Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!

Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

За прилавкою сидит молодой ку-
пец,
Статный молодец Степан Пара-

монович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.
Отзвонили вечерню во святых
церквах;
За Кремлем горит заря туман-
ная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:

Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.

И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмит-
ревна?»

А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»
«Господин ты мой, Степан Пара-
монович,

Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-
падьей,
Засветили свечу, сели ужис-
нать, —

А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.

А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть по-
шли —

Плачем плачут, всё не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою

Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на ули-
цу —

А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью
хлопнули,

Потом слышит шаги торопли-
вые;

Обернулся, глядит — сила крест-
ная! —

Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;

Уста шепчут речи непонятные.
«Уж ты где, жена, жена, шатала-
ся?

На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?

Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запру я тебя за железный за-
мок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не виде-
ла,
Мое имя честное не порочила...»
И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилась.
«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег

хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:

«Что пугаешься, красная красавица?

Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютинной...»

Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.

И он стал меня целовать-ласкать

И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!

Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?

Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смер-

тью грешною:

Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»
И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бро-
силась;

И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой пода-
рочек,

И фата моя бухарская.

Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь те-
перь?

Ты не дай меня, свою верную же-
ну,

Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне наде-
яться?

У кого просить стану помощи?

На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой зем-
ле,
Рядом с ним лежит моя матуш-
ка,
А мой старший брат, сам ты ве-
даешь,
На чужой сторонущке пропал без
вести,
А меньшей мой брат — дитя ма-
лое,
Дитя малое, неразумное...»
Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.
Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклони-
лись,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш
брат,
Что с тобой случилось, приключи-
лось,
Что послал ты за нами во тем-
ную ночь,
Во темную ночь морозную?»
«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключи-

лася:

Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-
вич;

А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.

Уж как завтра будет кулачный
бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,

К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам второ-
рой отец;
Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя, родного, не выда-
дим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

Над Москвой великой, златогла-
вою,
Над стеной кремлевской белока-
менной
Из-за дальних лесов, из-за синих
гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчаты-
ми,
Как красавица, глядя в зеркальце,

*В небо чистое смотрит, улыба-
ется.*

*Уж зачем ты, алая заря, просыпа-
лася?*

*На какой ты радости разыграла-
ся?*

Как сходилися, собиралися

Удалые бойцы московские

На Москву-реку, на кулачный бой,

*Разгуляться для праздника, поте-
шиться. И приехал царь со дружи-
ною,*

Со боярами и опричниками,

*И велел растянуть цепь серебря-
ную,*

*Чистым золотом в кольцах спа-
янную.*

*Оцепили место в двадцать пять
сажень,*

*Для охотницкого бою, одиночно-
го.*

*И велел тогда царь Иван Василье-
вич*

*Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?*

*Вы потешьте царя нашего ба-
тюшку!*

Выходите-ка во широкий круг;

Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —

Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:

«Присмирели, небойсь, призадумались!

Так и быть, обещаюсь, для праздника,

Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе сто-

роны —

И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.

Поклонился прежде царю грозно-
му,

После белому Кремлю да святым
церквам,

А потом всему народу русскому.

Горят очи его соколиные,

На опричника смотрят при-
стально.

Супротив него он становится,

Боевые рукавицы натягивает,

Могутные плечи распрямливает

Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:

«А поведай мне, добрый молодец,

Ты какого роду-племени,

Каким именем прозываешься?

Чтобы знать, по ком панихиду
служить,

Чтобы было чем и похвастать-
ся».

Отвечает Степан Парамонович:

«А зовут меня Степаном Калаш-
никовым,

А родился я от честнова отца,

И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду
петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский
сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний
бой!»
И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашни-
кова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамоно-
вич;
На груди его широкой висел мед-
ный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в
грудь;
Как роса из-под него кровь закапа-
ла;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбуди-
тся;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего пле-
ча.
И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал замертво;

Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень под-
рубленная.

И, увидев то, царь Иван Василье-
вич

Прогневался гневом, топнул о
землю

И нахмурил брови черные;

Повелел он схватить удалова куп-
ца

И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный
царь:

«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,

Вольной волею или нехотя,

Ты убил насмерть мово верного
слугу,

Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:

Я убил его вольной волею,

А за что, про что — не скажу те-
бе,

Скажу только Богу единому.

Прикажи меня казнить — и на
плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей мило-
стью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по сове-
сти.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же
дня

По всему царству русскому широ-
кому

Торговать безданно, беспошлин-
но.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наост-
рить,

Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу зво-
нить,

Чтобы знали все люди москов-

ские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»
Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:
«Уж вы, братцы мои, друзья кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;

Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церкви божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила-
ся.
Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж Тульской, Рязанской, Вла-
димирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекре-
стится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют пе-

сенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!

1837

Мцыри[21]

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,

Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он зна́ком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного при́зрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,

Бродил безмолвен, одиноко,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

Старик! я слышал много раз,

Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит

*В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.*

*Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!*

*Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежесю толпой,
Как братья в пляске круговой.*

Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объяты каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей

Прошедшее ясней, ясней...

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,

Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...

Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устал,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней.
То вдруг стихал он, то сильнее
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд

Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,

Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум ша-
гов...
Мгновенно скрывшись меж ку-
стов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд

И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я

Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольню мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.

И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своею,
Объявля жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный

лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как
стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.

И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.

О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой

Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека

Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва вошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем

Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,

Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.

Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других

Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

* * *

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

* * *

Усни, постель твоя мягка.
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

* * *

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»
И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;

Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в
раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот

Привет прощальный мне при-
шлет,
Пришлет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

Демон

(Восточная повесть)

Часть I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал

В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алма-
за,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,

Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем

Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,[22]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна,[23] и льются ви-
ны —

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой

Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, жи-
вой.

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

В последний раз она плясала.
Увы! заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.

И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?

Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? — забвенья не дал Бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи, [24] — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой

Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почит в Боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,

Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что та-
кое?..
Привстав на звонких[25] стреме-
нах,
Надвинув на брови папах,[26]
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;

Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под Божьей тенью отдохнет...

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводками,

Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

На беззаботную семью
Как гром слетела Божья кара!
Упала на постель свою,

Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!»

Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!
На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;

Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!
Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным
словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —

К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравне-
нье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,

*Ее Божественный Хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни
свет!..*

Часть II

*«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.*

На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осень,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?..

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,

Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэдзины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,

Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой, Казбек,
Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И все ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед Божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит вдаль прилежным
оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....

.....

Вечерней мглы покров воздушный

Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[27] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье

Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч Божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,

*И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:*

*«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?»*

*Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»*

Ему в ответ

*Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностию взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя! — сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.*

.....
Тамара

*О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...

Демон

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, — я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье*

И слезы первые мои.
О! выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало
больно,
И страшно — розно жить с то-
бой.
В бескровном сердце луч неждан-
ный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без Божества!

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен.
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю

Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все
видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать!..
Лишь только Божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,

Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,

Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-
ний,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый
суд:
Простить он может, хоть осу-
дит!
Моя ж печаль бессменно тут,

*И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пла-
мень,
То давит мысль мою, как ка-
мень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..*

Тамара

*Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...*

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одни.

Тамара

А Бог!

Демон

*На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!*

Тамара

А наказанье, муки ада?

Демон

*Так что ж? Ты будешь там со
мною!*

Тамара

*Кто б ни был ты, мой друг слу-
чайный, —
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!*

*Невольно страх в душе ласка-
ешь...*

*Но ты все понял, ты все знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!*

Клянися мне... от злых стяжаний

Отречься ныне дай обет.

Ужель ни клятв, ни обещаний

Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,

Клянусь его последним днем,

Клянусь позором преступленья

И вечной правды торжеством.

Клянусь паденья горькой мукой,

Победы краткою мечтой;

Клянусь свиданием с тобой

И вновь грозящею разлукой.

Клянуся сонмищем духов,

Судьбою братьий мне подвласт-

ных,

Мечами ангелов бесстрастных,

Моих недремлющих врагов;

Клянуся небом я и адом,

Земной святыней и тобой,

Клянусь твоим последним взгля-

дом,

Твоею первою слезой,

Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
ньем,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,

Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,

Среди молитв, равно далеко
От Божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,

Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!..

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной

Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала

Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат Тамары
праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,

Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встре-
тит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.

Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснит-

ся

Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»
К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, Боже! — кто б его узнал?

Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.
«Исчезни, мрачный дух сомне-
нья! —

Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал —
И благо Божие решение!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —

И рай открылся для любви!»
И ангел строгими очами
На искуителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..
На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,

Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.
Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою.
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывший в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,

О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

1829-1839

АШИК-КЕРИБ

(Турецкая сказка)

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери: хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего кроме высокого сердца — и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; — на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под

виноградником, запела она, вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить: «Если б ты знала, отвечала та, кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; — и они пошли. — Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. — «Как мне не грустить, отвечал Ашик-Кериб, я тебя люблю — и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, говорила она, и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги, и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, отвечал он, положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; — нет, милая Магуль-Мегери; я положил зарок на свою душу; обещаю семь лет странствовать по свету и нажать себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». — Она

согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она делается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, кричал ему бек, куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу — но нечего делать; — долго они шли вместе, — наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. — «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, говорит он, вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды

любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем». — Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба. Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф; по обыкновению вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу: вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами, к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек воль-

ный, странник из города Тифлиза, говорит Ашик-Кериб; хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, — и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблестали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться: в это время отправлялся один купец с керваном из Тифлиза с сорока верблюдами и 80-ю невольниками: призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо: «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец,

езде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф: объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай: и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец, — я узнал тебя, Ашик-Кериб: ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами — и поскакал не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать» — и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу

человека на белом коне; и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать: «Что ж ты отстаешь», — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нынче, — отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл: «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены, и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой». Ашик себе не верит: то, что это Карс: он упал на колени и сказал:

«Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб: но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты, неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать: прощаю тебе: — закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху: и тогда если не станут верить истине слов твоих, то велик себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, — помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в

душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой: стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость: и холоден, и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных: есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у

матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, возразил он, что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит: что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему: тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хаде-рилиаз помог мне спуститься с крутого утеса,

хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, — а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. — Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позвольте, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; прово-

див его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинди-гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, воскликнул тот со смехом. Я в первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и му-

чилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — шинди-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь.

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дни».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в три дни?»

«За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он ска-

кал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует». Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених», — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое

великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб», и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвив: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(Роман)

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав

разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что еже-

ли вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

Часть I

I. Бэла

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрама снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб тащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился: он молча от-

вечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки все ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче,[28] — отвечал он, приосанившись. — Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся на долину; но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрик-

нул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакий народ! — сказал он, — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшую-

юся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки — облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей. и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою, — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик, — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вме-

сте стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, кото-

рые молча на нас смотрели в каком-то осто-бенении.

— Преглупый народ! — отвечал он. — Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слышал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти голово-резы; нынче, слава богу, смирнее; а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазе-вался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами бывало приключе-ний? — сказал я, подстрекаемый любопыт-ством.

— Как не бывать! Бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил го-

лову и призадумался. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку — желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспел; я вытащил из чемодана два походных стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотите ли подбавить рому? — сказал я своему собеседнику, — у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли

между собой, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно: другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропадавший человек!

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкесы, — продолжал он, — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирнова князя был в гостях.

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), вот изволите видеть, я тогда стоял в крепости за Терекком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из

России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... ну да мы с вами будем жить по-приятельски... Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и, пожалуйста, — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорием Александровичем Печориным. Славный был мальчик, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был странностями, и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих ве-

щиц!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; наделал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирной князь. Сынишка его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездит: всякий день, бывало, то за тем, то за другим; и уж точно, избаловали мы его с Григорием Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и

нальются, и сейчас за кинжал. «Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему, яман [29] будет твоя башка!»

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках», — сказал мне Григорий Александрович. «Погодите!» — отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую. Я, однако ж, не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана; потом дарят моло-

дых и всех их родственников, едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл как по-ихнему, ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он

как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю поихнему и перевел его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорью Александровичу: «Ну что, какова?» — «Прелесть! — отвечал он. — А как ее зовут?» — «Ее зовут Бэлою», — отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомца Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб немирной. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен. Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался: что запросит, давай, — хоть зарежь, не уступит. Го-

ворили про него, что он любит таскаться на Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на пятьдесят верст; а уж выезжена — как собака бегаёт за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!..

В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга, — подумал я, — уж он, верно, что-нибудь замышляет».

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал, приговаривая: «Якши тхе, чек якши!»[30]

Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был по-веса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. «О чем они тут толкуют? — подумал я, — уж не о моей ли лошадке?» Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат, — если бы я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А! Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да, — отвечал Казбич после некоторого молчания, — в целой Кабарде не найдешь та-

кой. Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров, и передо мною был густой лес. Прилег я на седло, поручил себе аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться, — и пророк вознаграждал меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыта обрвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они броси-

лись ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, — смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагез; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раз два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегают по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагеза; это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названия.

— Если б у меня был табун в тысячу коней, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе весь

за твоего Карагеца.

— Йок,[31] не хочу, — отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат, — ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда:[32] приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга — такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня, — продолжал Азамат, когда он под тобой крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной посту-

пью, с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне слышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был помоложе.

В ответ на его слезы слышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твердым голосом Азамат, — видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, — и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец вместо ответа он затянул старинную песню вполголоса:[33]

*Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.*

*Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отста-
нет,
Он не изменит, он не обманет.*

Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

— Меня? — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. «Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и по-

шла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

— Плохое дело в чужом пиру похмелье, — сказал я Григорью Александровичу, поймав его за руку, — не лучше ли нам поскорей убраться?

— Да погодите, чем кончится.

— Да уж, верно, кончится худо; у этих азиатов все так: натянулись бузы, и пошла резня! — Мы сели верхом и ускакали домой.

— А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

— Да что этому народу делается! — отвечал он, допивая стакан чая, — ведь ускользнул!

— И не ранен? — спросил я.

— А бог его знает! Живуци, разбойники! Видал я-с иных в деле, например: ведь весь исколот, как решето, штыками, а все махает шашкой. — Штабс-капитан после некоторого молчания продолжал, топнув ногою о землю:

— Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хит-

рый! — а сам задумал кое-что.

— А что такое? Расскажите, пожалуйста.

— Ну уж нечего делать! начал рассказы-вать, так надо продолжать.

Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, — ну, просто, по его словам, такой и в целом мире нет.

Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича. Эта история продолжалась всякий раз, как приезжал Азамат. Недели три спустя стал я замечать, что Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с. Что за диво?..

Вот видите, я уж после узнал всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду. Раз он ему и скажи:

— Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее как сво-

его затылка! Ну, скажи, что бы ты дал тому, кто тебе ее подарил бы?..

— Все, что он захочет, — отвечал Азамат.

— В таком случае я тебе ее достану, только с условием... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагез будет тебе калымом. Надеюсь, что торг для тебя выгоден.

Азамат молчал.

— Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...

Азамат вспыхнул.

— А мой отец? — сказал он.

— Разве он никогда не уезжает?

— Правда...

— Согласен?..

— Согласен, — прошептал Азамат, бледный как смерть. — Когда же?

— В первый раз, как Казбич приедет сюда; он обещался пригнать десяток баранов: остальное — мое дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело... по правде сказать, нехорошее дело! Я после и говорил это Печорину, да только он мне отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он, потому что, по-ихнему, он все-таки ее муж, а что — Казбич разбойник, которого надо было наказать. Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?.. Но в то время я ничего не знал об их заговоре. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и меда; я велел ему привести на другой день.

— Азамат! — сказал Григорий Александрович, — завтра Карагез в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня...

— Хорошо! — сказал Азамат и поскакал в аул. Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, — только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросил я у штабс-капита-

на.

— Сейчас, сейчас. На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а все-таки был моим кунаком.[34]

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг, смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице — и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье.

— Что с тобой? — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь!.. — сказал он, весь дрожа.

Точно, я услышал топот копыт: «Это, верно, какой-нибудь казак приехал...»

— Нет! Урус яман, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагезе; на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил, с минуту он остался неподвижен, пока не убедился, что

дал промах; потом завизжал, ударил ружье о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Вот кругом него собрался народ из крепости — он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?.. Только на другое утро пришел в крепость и стал просить, чтоб ему назвали похитителя. Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нем, не почел за нужное скрывать. При этом имени глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата.

— Что ж отец?

— Да в том-то и штука, что его Казбич не нашел: он куда-то уезжал дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался. Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью: туда и

дорога!..

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Как я только проведал, что черкешенка у Григорья Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему.

Он лежал в первой комнате на постели, подложив одну руку под затылок, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замок, и ключа в замке не было. Я все это тотчас заметил... Я начал кашлять и постукивать каблуками о порог, — только он притворялся, будто не слышит.

— Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришел?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубку? — отвечал он, не приподнимаясь.

— Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если б вы знали, какая мучит меня забота!

— Я все знаю, — отвечал я, подошед к кровати.

— Тем лучше: я не в духе рассказывать.

— Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который я могу отвечать...

— И полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно все пополам.

— Что за шутки? Пожалуйста вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

Митька принес шпагу. Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увез Бэлу... Уж эта мне бесстыя Азамат!.. Ну, признайся, — сказал я ему.

— Да когда она мне нравится?..

Ну, что прикажете отвечать на это?.. Я стал в тупик. Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если отец станет ее требовать, то надо будет отдать.

— Вовсе не надо!

— Да он узнает, что она здесь?

— А как он узнает?

Я опять стал в тупик.

— Послушайте, Максим Максимыч! — сказал Печорин, приподнявшись, — ведь вы доб-

рый человек, — а если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет или продаст. Дело сделано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мне ее, — сказал я.

— Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел ее видеть; сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна. Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня, — прибавил он, ударив кулаком по столу. Я и в этом согласился... Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно согласиться.

— А что? — спросил я у Максима Максимыча, — в самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?

— Помилуйте, отчего же с тоски по родине. Из крепости видны были те же горы, что из аула, — а этим дикарям больше ничего не надобно. Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки,

которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены, шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею.

— Послушай, моя пери, — говорил он, — ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, — отчего же только мучишь меня? Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, то я тебя сейчас отпущу домой. — Она вздрогнула едва приметно и покачала головой. — Или, — продолжал он, — я тебе совершенно ненавистен? — Она вздохнула. — Или твоя вера запрещает полюбить меня? — Она побледнела и молчала. — Поверь

мне, Аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? — Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслью; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля. — Послушай, милая, добрая Бэла! — продолжал Печорин, — ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?

Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия. Он взял ее руку и стал ее уговаривать, чтоб она его целовала; она слабо защищалась и только повторяла: «Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Он стал настаивать; она задрожала, заплакала.

— Я твоя пленница, — говорила она, — твоя раба; конечно ты можешь меня принудить, — и опять слезы.

Григорий Александрович ударил себя в

лоб кулаком и выскочил в другую комнату. Я зашел к нему; он сложа руки прохаживался угрюмый взад и вперед.

— Что, батюшка? — сказал я ему.

— Дьявол, а не женщина! — отвечал он, — только я вам даю мое честное слово, что она будет моя...

Я покачал головою.

— Хотите пари? — сказал он, — через неделю!

— Извольте!

Мы ударили по рукам и разошлись.

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечечь.

— Как вы думаете, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки, — устоит ли азиатская красавица против такой батареи?

— Вы черкешенок не знаете, — отвечал я, — это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, совсем не то. У них свои правила: они иначе воспитаны. — Григорий Александрович улыбнулся и стал насвисты-

вать марш.

А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! — сказал он, — ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу, — ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду — куда? почему я знаю? Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня». — Он отвернулся и протянул ей руку на прощание. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть ее лицо: и мне стало жаль — такая смертельная бледность покрыла это милое личико! Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал — и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чем говорил шутя.

Таков уж был человек, бог его знает! Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтобы заплакал, а так — глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь, — сказал он потом, тербя усы, — мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила.

— И продолжительно было их счастье? — спросил я.

— Да, она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто ей грезился во сне и что ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления. Да, они были счастливы!

— Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!.. — Да неужели, — продолжал я, — отец не догадался, что она у вас в крепости?

— То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит. Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова.

— Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь, по крайней мере, я так полагаю. Вот он раз и дождался у дороги версты три за аулом; старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков; некоторые уздени все это видели с пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Он вознаградил себя за потерю коня и отомстил, — сказал я, чтоб вызвать мнение моего собеседника.

— Конечно, по-ихнему, — сказал штабс-капитан, — он был совершенно прав.

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие это-

го ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покры-

тую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извиистой дороге на Гуд-гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно прилиwała в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространялось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром: чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда, и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их

ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

— Я слышал напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разумеется, если хотите, оно и приятно; только все же потому, что сердце бьется сильнее. Посмотрите, — прибавил он, указывая на восток, — что за край!

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койша-

урская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтоб они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки; я содрогулся, поду-

мав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных, — а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», — и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...

Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле. Итак, погодите или, если хотите, пе-

реверните несколько страниц, только я вам этого не советую, потому что переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба,[35] le mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства. Итак, мы спускались с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напомиравшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества.

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом; наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги и, уцепясь за колеса,

с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням. В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набежали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил Император Петр I, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по при-

казанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь, чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

— Плохо! — говорил штабс-капитан; — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай, Байдара так разыгралась, что и не передешь. Уж эта мне Азия! что люди, что речки — никак нельзя положиться!

Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не

хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов.

— Ваше благородие, — сказал наконец один, — ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево? Вон там что-то на косогоре чернеет — верно, сакли: там всегда-с проезжающие останавливаются в погоду; они говорят, что проведут, если дадите на водку, — прибавил он, указывая на осетина.

— Знаю, братец, знаю без тебя! — сказал штабс-капитан, — уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказал я, — что без них нам было бы хуже.

— Все так, все так, — пробормотал он, — уж эти мне проводники! чутьем слышат, где можно попользоваться, будто без них и нельзя найти дороги.

Вот мы и свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоящего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведенных такою же стеною; оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал, что правительство им

платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурюю.

— Все к лучшему! — сказал я, присев у огня, — теперь вы мне доскажете вашу историю про Бэлу; я уверен, что этим не кончилось.

— А почему ж вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкою...

— Оттого, что это не в порядке вещей: что началось необыкновенным образом, то должно так же и кончиться.

— Ведь вы угадали...

— Очень рад.

— Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню. Славная была девочка, эта Бэла! Я к ней наконец так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а заpastись женой не догадался раньше, — так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! видал я наших губернских

барышень, я раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет двадцать тому назад, — только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал ее, как куколку, хохлил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанамии или козами, — а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, — целое утро пропадал; раз и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо, — подумал я,

верно между ними черная кошка проскочила!»

Одно утро захожу к ним — как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушел? — Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, еще вчера, — наконец сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, — отвечала она сквозь слезы, — придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! — Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я

сама уйду: я не раба его — я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, — походит, да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

— Правда, правда! — отвечала она, — я буду весела. — И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался: думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «Хочешь, пойдём прогуляться на вал? погода славная!» Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец она села на дерн, и я сел возле нее. Ну, право,

вспомнить смешно: я бегал за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный; с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками,[36] оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженьях восте от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за притча!..

— Посмотри-ка, Бэла, — сказал я, — у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

— Это Казбич!..

— Ах он разбойник! смеяться, что ли, приехал над нами? — Всматриваюсь, точно Каз-

бич: его смуглая рожа, оборванный, грязный как всегда.

— Это лошадь отца моего, — сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали. «Ага! — подумал я, — и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!»

— Подойди-ка сюда, — сказал я часовому, — осмотри ружье да ссади мне этого молодца, — получишь рубль серебром.

— Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...

— Прикажи! — сказал я, смеясь...

— Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой, — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним заводят переговоры, — как не так!.. Мой гренадер приложился... бац!.. мимо, — только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стремянах, крикнул что-то по-своему, пригрозил нагайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часовому

му.

— Ваше высокоблагородие! умирать отпра-
вился, — отвечал он, — такой проклятый на-
род, сразу не убьешь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с
охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни од-
ной жалобы, ни одного упрека за долгое от-
сутствие... Даже я уж на него рассердился.

— Помилуйте, — говорил я, — ведь вот сей-
час тут был за речкою Казбич, и мы по нем
стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуть-
ся? Эти горцы народ мстительный: вы думаете,
что он не догадывается, что вы частью по-
могли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче
он узнал Бэлу. Я знаю, что год тому назад
она ему больно нравилась — он мне сам гово-
рил, — и если б надеялся собрать порядочный
калым, то, верно, бы посватался...

Тут Печорин задумался. «Да, — отвечал
он, — надо быть осторожнее... Бэла, с нынеш-
него дня ты не должна более ходить на кре-
постной вал».

Вечером я имел с ним длинное объясне-
ние: мне было досадно, что он переменялся к
этой бедной девочке; кроме того, что он поло-

вину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь:

«О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» — «Нет!» — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет!» — «Ты тоскуешь по родным?» — «У меня нет родных». Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч, — отвечал он, — у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество

мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят ни сколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы

хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, — только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я также легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне. — Вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужели тамошная молодежь вся такова?

Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое; что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоев общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок. Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головою и улыбнулся лукаво:

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— А-га, вот что!.. — отвечал он, — да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница. Впрочем, замечание штабс-пакитана было извинительнее: чтоб воздерживаться от вина, он, конечно, старался уверять себя, что все в мире несчастья происходят от пьянства.

Между тем он продолжал свой рассказ таким образом:

— Казбич не являлся снова. Только не

знаю почему, я не мог выбить из головы мысль, что он недаром приезжал и затевает что-нибудь худое.

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собой. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу, — нет зверя. «Эй, не воротиться ли? — говорил я, — к чему упрямитесь? Уж, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи, таков уж был человек: что задумает, подавай; видно, в детстве был маменькой избалован... Наконец в полдень отыскали проклятого кабана: паф! паф!.. не тут-то было: ушел в камыши... такой уж был несчастный день! Вот мы, отдохнув маленько, отправились домой.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее от нас. Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью по-

скакали мы на выстрел — смотрим: на валу солдаты собрались в кучу и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла — и туда; я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагеза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... «Не стреляйте! — кричу я ему. — берегите заряд; мы и так его догоним». Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но вы-

стрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени; Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрую... Это была Бэла... бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей; хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар! Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя.

Печорин сел верхом; я поднял ее с земли и

кое-как посадил к нему на седло; он обхватил ее рукой, и мы поехали назад. После нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак ее не довезем живую». — «Правда!» — сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся...

— Выздоровела? — спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нет, — отвечал он, — а ошибся лекарем, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мне, каким образом ее похитил Казбич?

— А вот как: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села на камень и опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался, — цап-царап ее, зажал рот и потащил в кусты, а там вскочил на коня, да и тягу! Она

между тем успела закричать, часовые всполошились, выстрелили, да мимо, а мы тут и поспешили.

— Да зачем Казбич ее хотел увезти?

— Помилуйте, да эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и ненужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», — отвечал он, взяв ее за руку. «Я умру!» — сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой... Потом

она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку...

Он слушал ее молча, опустив голову на руки; но только я во все время не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом ли деле он не мог плакать, или владел собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошел; с час она лежала неподвижная, бледная, и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертью; я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась. Так прошел целый день. Как она переменялась в этот день!

бледные щеки впали, глаза сделались большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежала раскаленное железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбивала перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха,

молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте, — говорил я ему, — ведь вы сами сказали, что она умрет непременно, так зачем тут все ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была покойна». Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна — но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я ее любил как отец... ну да бог ее простит!.. И вправду молвить: что ж я такое, чтоб

обо мне вспоминать перед смертью?

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Признаться, я частью для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы, я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же.

На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации

и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в Е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались, да помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже — вероятно, для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завел речь о Бэле и о Печорине.

— А не слыхали ли вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжелой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

II. Максим Максимыч

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавлю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там

не были, и от статистических замечаний, которые решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправляться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которыми ходят обозы через Кабарду из Владыкавказ в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повоз-

ка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

Максим Максимыч имел глубокие сведения в поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без него пришлось бы остаться на суходождении. Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закулив трубки, мы уселись: я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. Об чем было нам говорить?.. Он уж рассказал мне об себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается все шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатою стеной горы, из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он был явно балованный слуга ленивого барина — нечто вроде русского Фигаро.

— Скажи, любезный, — закричал я ему в окно, — что это — оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший подле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

— Слава Богу! — сказал Максим Максимыч, подошедший к окну в это время. — Экая

чудная коляска! — прибавил он, — верно какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис. Видно, не знает наших горок! Нет, шутишь, любезный: они не свой брат, растрясут хоть английскую!

— А кто бы это такое был — пойдемте-ка узнать...

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в нее чемоданы.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан, — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. — Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: — Я тебе говорю, любезный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется, — да я у них недавно.

— Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...

— Позвольте, сударь, вы мне мешаете, — сказал тот, нахмурившись.

— Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе... Да где же он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдет ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч, — или ты, любезный, не пойдешь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдешь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку...

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

— Ведь сейчас прибежит!.. — сказал мне Максим Максимыч с торжествующим ви-

дом, — пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я не знаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушел в свою комнату. Признаться, я также с некоторым нетерпением ждал появления этого Печорина; по рассказу штабс-капитана, я составил себе о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными. Через час инвалид принес кипящий самовар и чайник.

— Максим Максимыч, не хотите ли чаю? — закричал я ему в окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, как угодно! — Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик:

— А ведь вы правы: все лучше выпить чайку, — да я все ждал... Уж человек его давно к нему пошел, да, видно, что-нибудь задержало.

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало

небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе и еще час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, — он ничего не отвечал.

Я лег на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы спокойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, шевырять в печи, наконец лег, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы... — отвечал он, тяжело вздохнув.

На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я нашел его у ворот, сидящего на скамейке. «Мне надо сходить к коменданту, — сказал он, — так пожалуйста, если Печорин придет, при-

шлите за мной...»

Я обещался. Он побежал, как будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчишки-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и повернул в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорина вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать, подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Те-

перь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость:

он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это при-

знак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже

два раза подходил к Печорину с докладом, что все готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему.

— Если вы захотите еще немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем...

— Ах, точно! — быстро отвечал он, — мне вчера говорили: но где же он? — Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты?.. а вы? — пробормотал со слезами на глазах старик... — сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что подельывали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

— Мы славно пообедаем, — говорил он, — у меня есть два фазана; а кахетинское здесь

прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

— Забыть! — проворчал он, — я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески, — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, — бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, — совсем было позабыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними де-

лать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин. — Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?.. — кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, — а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах, — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!.. — Эти слова были произнесены с иронической улыбкой. — Скажите, — продолжал он, обратясь ко мне, — ну что вы об этом ду-

маете?.. ну, какой бес несет его теперь в Персию?.. Смешно, ей-богу, смешно!.. Да я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывает!.. — Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максим Максимыч, — сказал я, подойдя к нему, — а что это за бумаги вам оставил Печорин?

— А бог его знает! какие-то записки...

— Что вы из них сделаете?

— Что? а велю наделать патронов.

— Отдайте их лучше мне.

Он посмотрел на меня с удивлением, проворчал что-то сквозь зубы и начал рыться в чемодане; вот он вынул одну тетрадку и бросил ее с презрением на землю; потом другая, третья и десятая имели ту же участь: в его досаде было что-то детское; мне стало смешно и жалко...

— Вот они все, — сказал он, — поздравляю вас с находкою...

— И я могу делать с ними все, что хочу?

— Хоть в газетах печатайте. Какое мне дело?.. Что, я разве друг его какой?.. или родственник? Правда, мы жили долго под одной кровлей... А мало ли с кем я не жил?..

Я схватил бумаги и поскорее унес их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся. Скоро пришли нам объявить, что через час тронется оказия; я велел закладывать. Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду; у него был какой-то принужденный, холодный вид.

— А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

— Нет-с.

— А что так?

— Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи...

— Да ведь вы же были у него?

— Был, конечно, — сказал он, заминаясь — да его дома не было... а я не дождался.

Я понял его: бедный старик, в первый раз

от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бу-мажным, — и как же он был награжден!

— Очень жаль, — сказал я ему, — очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться.

— Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.

— Да я, знаете, так, к слову говорю: а впрочем, желаю вам всякого счастья и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и

чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

Журнал Печорина **Предисловие**

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною друж-

бы, ожидает только смерти или несчастья любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выстав- лял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не по- лезнее истории целого народа, особенно ко- гда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже недо- статок, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило ме- ня напечатать отрывки из журнала, достав- шегося мне случайно. Хотя я переименовал все собственные имена, но те, о которых в нем го- ворится, вероятно себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имею- щего отныне ничего общего с здешним ми- ром: мы почти всегда извиняем то, что пони- маем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» — скажут они. — Не знаю.

I. Тамань

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще в добавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел

по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!» — закричал я. «Есть еще одна фатера, — отвечал десятник, почесывая затылок, — только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте

небосклона. «Суда в пристани есть, — подумал я, — завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяйина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати.

«Где хозяин?» — «Нема». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Побигла в слободку». — «Кто же мне отопрет дверь?» — сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерей члена душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете прочесть на лице, у которого нет глаз? Долго я глядел на него с небольшим сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям...

«Ты хозяйский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота, убогой». — «А у хозяйки есть дети?» — «Ни; была дочь, да утикла за море с татаринном». — «С каким татаринном?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю его мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистоле-

ты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся Бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел, и повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. «В тот день немые возопиют и слепые прозрят», — подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него

светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

— Что, слепой? — сказал женский голос, — буря сильна. Янко не будет.

— Янко не боится бури, — отвечал тот.

— Туман густеет, — возразил опять женский голос с выражением печали.

— В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, — был ответ.

— А если он утонет?

— Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты.

Последовало молчание; меня, однако поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, ударив в ладоши, — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; это не вода плещет, меня не обманешь, — это его длинные весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она, — я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн черная точка; она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстоя-

ние двадцати верст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольном биением сердца глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги; но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлен, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему, однако ж, не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется ли-

ловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы; комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все — или сторожевые, или купеческие, которые еще даже не начинали нагружаться. «Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно, сказал комендант, — и тогда — мы увидим». Я вернулся домой утром и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне.

— Да, брат, Бог знает когда мы отсюда уедем! — Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шепотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника, он мне знаком — был прошлого года в отряде, как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой... уж видно, здесь к

этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере показалась ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? У нее нет дочери.

— А Бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошел в лачужку. Печь была жарко на-топлена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глухая, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенок, — сказал я, взяв его за ухо, — говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепой заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив... с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да еще на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на ка-

мень, поглядывая вдаль; передо мной тянулось ночью бурю взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часа, может быть и более... Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, — но откуда?.. Прислушиваюсь — напев старинный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

*Как по вольной волюшке —
По зелено морю,
Ходят все кораблики
Белопарусники.*

*Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные.
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка».*

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там уж не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, пощелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундины: поравнявшись со мной, она остановилась и присталь-

но посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетической властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит Юной Франции.[37] Она, то есть порода, а не Юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость

ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гетеву Миньону,[38] это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни.

Под вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор.

— «Скажи-ка мне, красавица, — спросил я, — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну

что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко». — «Кто же тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; вздумается — запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю?» — «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она не изменилась в лице, не пошевелила губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей все, что видел, думая смутить ее — нимало! Она захохотала во все горло. «Много видели, да мало знаете, так держите под замочком». — «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние мои слова были вовсе не у места, я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник по-походному, засветил свечу и

сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я заканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрыпнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя ундины! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этот взор показался мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения. Лицо ее было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука ее без цели бродила по столу, и я заметил на ней легкий трепет; грудь ее то высоко поднималась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала меня надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она,

как змея, скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег», — и стрелою выско-чила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экой бес-девка!» — закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я разбудил своего казака. «Если я выстрелю из пистолета, — сказал я ему, — то беги на берег». Он выпучил глаза и маши-нально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она до-жидалась меня на краю спуска; ее одежда бы-ла более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкий стан.

«Идите за мной!» — сказала она, взяв ме-ня за руку, и мы стали спускаться. Не пони-маю, как я не сломил себе шеи; внизу мы по-вернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на тем-но-синем своде. Тяжелые волны мерно и ров-

но катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», — сказала моя спутница; я колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» — сказал я сердито. «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками, — это значит, что я тебя люблю...» И щека ее прижалась к моей, и почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хват за пояс — пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову!.. Оглядываюсь — мы от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу ее оттолкнуть от себя — она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?» — закричал я,

крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку.

«Ты видел, — отвечала она, — ты донесешь!» — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки, ее волосы касались воды: минута была решительная. Я уперся коленкою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал...

На дне лодки я нашел половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилег в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утеса все, что внизу делалось, и не очень уди-

вился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но стрижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, — сказала она, — все пропало!» Потом разговор их продолжался так тихо, что я ничего не мог слышать. «А где же слепой?» — сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился и слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

— Послушай, слепой! — сказал Янко, — ты береги то место... знаешь? там богатые товары... скажи (имени я не слышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он лучше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого мол-

чания Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажила, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну, вот тебе еще», — и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал парус между темных волн; слепой мальчик точно плакал, долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак

мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружье обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошел в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля — все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила?

Слава Богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

Часть II

(Окончание журнала Печорина)

II. Княжна Мери

11 ^{-го мая.}

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синет, как «последняя туча рассеянной бури»; [39] на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туман-

нее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?.. Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество.

* * *

Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору; то были большею частью семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей; видно, у них вся водяная молодежь была уже на перечеке, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покрой сюртука ввел их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под номерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы; и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин, штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом; они играют и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стакан в колодезь кислосерной воды, они принимают академические позы: штатские носят светло-голубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брыжи. Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают.

Наконец вот и колодец... На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подалее галерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою пестрые шляпки любительниц уединения вдвоем, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус; между ними было два гувернера с своими воспитанниками, приехавшими лечиться от золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу домика, стал рассматривать окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

— Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обня-

лись. Я познакомился с ним в действующем отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал на воды с неделю прежде меня. Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас сло-

вами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остер: эпитаграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.

Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут, он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас! Поймете ли вы меня?» — и так далее.

Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечною тайной между им и небесами.

Впрочем, в те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен. Мне любопытно видеть его с женщинами: тут-то он, я думаю, старается!

Мы встретились старыми приятелями. Я начал его спрашивать об образе жизни на водах и о примечательных лицах.

— Мы ведем жизнь довольно прозаиче-

скую, — сказал он, вздохнув, — пьющие утром воду — вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру — несносны, как все здоровые. Женские общества есть; только от них небольшое утешение: они играют в вист, одеваются дурно и ужасно говорят по-французски. Нынешний год из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью; но я с ними незнаком. Моя солдатская шинель — как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня.

В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего! На второй было закрытое платье gris de perles,[40] легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки couleur рисе[41] стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла

мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгиня Лиговская, — сказал Грушницкий, — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

— Однако ты уж знаешь ее имя?

— Да, я случайно слышал, — отвечал он, покраснев, — признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

— Бедная шинель! — сказал я, усмехаясь, — а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?

— О! — это московский фронт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ! Да и борода кстати, и прическа *a la moujik*. [42]

— Ты озлоблен против всего рода человеческого.

— И есть за что...

— О! право?

В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски:

— Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mepriser car autrement la vie serait une farce trop degoutante.[43]

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором. Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо, с чем я внутренне от души его поздравил.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказал я ему. — У нее такие бархатные глаза — именно бархатные: я тебе советую присвоить это выражение, говоря об ее глазах; нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках. Я люблю эти глаза без блеска: они так мягки, они будто бы тебя гладят... Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белые? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади, — сказал Грушницкий с негодованием.

— Mon cher, — отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон, — je meprise les femmes pour ne pas les aimer car autrement la vie serait un melodrame trop ridicule.[44]

Я повернулся и пошел от него прочь. С полчаса гулял я по виноградным аллеям, по известчатым скалам и висящим между них кустарникам. Становилось жарко, и я поспешил домой. Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галереи, чтоб вздохнуть под ее тенью, это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены. Действующие лица находились вот в каком положении. Княгиня с московским франтом сидела на лавке в крытой галерее, и оба были заняты, кажется, серьезным разговором. Княжна, вероятно допив уж последний стакан, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкий стоял у самого колодца; больше на площадке никого не было.

Я подошел ближе и спрятался за угол галереи. В эту минуту Грушницкий уронил свой

стакан на песок и усиливался нагнуть, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бежняжка! как он ухитрился, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.

Княжна Мери видела все это лучше меня.

Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтоб поблагодарить ее, она была уже далеко. Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не заметила его страстного взгляда, которым он долго ее провожал, пока, спустившись с горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного из лучших домов Пятигорска, за нею прошла княгиня и у ворот раскланялась с Раевичем.

Только тогда бедный юнкер заметил мое присутствие.

— Ты видел? — сказал он, крепко пожимая мне руку, — это просто ангел!

— Отчего? — спросил я с видом чистейшего простодушия.

— Разве ты не видал?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если бы был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

— И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

— Нет.

Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще,

чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу; это чувство — было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться; и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно ненакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самлюбие), который бы не был этим поражен неприятно.

Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрылась наша красавица. Она сидела у окна. Грушницкий, дернув меня за руку, бросил на нее один из тех мутно-нежных взглядов, которые так мало действуют на женщин. Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?..

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и материалист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шагу: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы

не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, — больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упавший кредит.

Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов; надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной: оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин.

Вернер был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обна-

руженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае — труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги! Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убеж-

ден в разных разностях.

— Что до меня касается, то я убежден только в одном... — сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том, — отвечал он, — что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры,[45] по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером.

Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер вошел в мою комнату. Он сел в кресла,

поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, — и мы оба замолчали.

— Заметьте, любезный доктор, — сказал я, — что без дураков было бы на свете очень скучно!.. Посмотрите, вот нас двое умных людей; мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим; мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга; одно слово — для нас целая история; видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя. Итак, размена чувств и мыслей между нами не может быть: мы знаем один о другом все, что хотим знать, и знать больше не хотим. Остается одно средство: рассказывать новости. Скажите же мне какую-нибудь новость.

Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул...

Он отвечал подумавши:

— В вашей галиматье, однако ж, есть идея.

— Две! — отвечал я.

— Скажите мне одну, я вам скажу другую.

— Хорошо, начинайте! — сказал я, продолжая рассматривать потолок и внутренно улыбаясь.

— Вам хочется знать какие-нибудь подробности насчет кого-нибудь из приехавших на воды, и я уж догадываюсь, о ком вы это заботитесь, потому что об вас там уже спрашивали.

— Доктор! решительно нам нельзя разговаривать: мы читаем в душе друг друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь; во-первых, потому, что такие умные люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу: что вам сказала княгиня Лиговская обо мне?

— Вы очень уверены, что это княгиня... а не княжна?..

— Совершенно убежден.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала об Грушницком.

— У вас большой дар соображения. Княж-

на сказала, что она уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль..

— Надеюсь, вы ее оставили в этом приятном заблуждении...

— Разумеется.

— Завязка есть! — закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно.

— Я предчувствую, — сказал доктор, — что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...

— Дальше, доктор...

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей заметил, что, верно, она вас встречала в Петербурге, где-нибудь в свете... я сказал ваше имя... Оно было ей известно. Кажется, ваша история там наделала много шума... Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания... Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделались героем романа в новом вкусе... Я не противоречил княгине, хотя знал, что она говорит вздор.

— Достойный друг! — сказал я, протянув ему руку. Доктор пожал ее с чувством и продолжал:

— Если хотите, я вас представлю...

— Помилуйте! — сказал я, всплеснув руками, — разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...

— И вы в самом деле хотите волочиться за княжной?..

— Напротив, совсем напротив!.. Доктор, наконец я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочем, огорчает, доктор, — продолжал я после минуты молчания, — я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться. Однако ж вы мне должны описать маменьку с дочкой. Что они за люди?

— Во-первых, княгиня — женщина сорока пяти лет, — отвечал Вернер, — у нее прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве и тут на покое растолстела. Она любит соблазнительные

анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь бог знает от чего; я велел обеим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в разводной ванне. Княгиня, кажется, не привыкла повелевать; она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видно, барышни пустились в ученость, и хорошо делают, право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать, должно быть, для умной женщины несносно. Княгиня очень любит молодых людей: княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! Они в Москве только и питаются, что сорокалетними остряками.

— А вы были в Москве, доктор?

— Да, я имел там некоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказал... Да! вот еще:

княжна, кажется, любит рассуждать о чувствах, страстях и прочее... она была одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли.

— Вы никого у них не видали сегодня?

— Напротив: был один адъютант, один натянутый гвардеец и какая-то дама из новоприезжих, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встретили ль вы ее у колодца? — она среднего роста, блондинка, с правильными чертами, цвет лица чахоточный, а на правой щеке черная родинка; ее лицо меня поразило своей выразительностью.

— Родинка! — пробормотал я сквозь зубы. — Неужели?

Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, положив мне руку на сердце:

— Она вам знакома!.. — Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного.

— Теперь ваша очередь торжествовать! — сказал я, — только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил в старину... Не говорите ей обо

мне ни слова; если она спросит, отнеситесь обо мне дурно.

— Пожалуй! — сказал Вернер, пожав плечами.

Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мое сердце. Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?.. Мои предчувствия меня никогда не обманывали. Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, — ничего!

После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжной сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко

мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упав на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...

— Что он вам рассказывал? — спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости, — верно, очень занимательную историю — свои подвиги в сражениях?.. — Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня. «А-га! — подумал я, — вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине. Она будет очень ра-

да, потому что ей скучно.

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, — и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют, — и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил

его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкескую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромотает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

— Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? — сказал он мне вчера.

— Решительно.

— Помилуй! самый приятный дом на водах! Все здешнее лучшее общество...

— Мой друг, мне и нездешнее ужасно надо-

ело. А ты у них бываешь?

— Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если б я носил эполеты...

— Помилуй! да эдак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением... да солдатская шинель в глазах чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

— Какой вздор! — сказал он.

— Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена!

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

— У тебя все шутки! — сказал он, показывая, будто сердится, — во-первых, она меня еще так мало знает...

— Женщины любят только тех, которых не знают.

— Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я

имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! — вы победители петербургские: только посмотрите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?

— Как? она тебе уж говорила обо мне?..

— Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово ее было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? он был с вами, тогда...» Она покраснела и не хотела назвать дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня, — отвечал я ей, — он вечно будет мне памятен...» Мой друг, Печорин! я тебе не поздравляю; ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее моя Мери, моя Sophie, если она имела счастье им понравиться.

Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею ча-

стью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невооруженно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить — а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобою накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за урод, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.

Я внутрененно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное кольцо с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным... Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний, я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, и тут-то я буду наслаждаться...

* * *

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодезцу — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом него вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник.

Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор... Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках? Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно.

Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь, — сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами; в них выразалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

— Мы давно не видались, — сказал я.

— Давно, и переменились оба во многом!

— Стало быть, уж ты меня не любишь?..

— Я замужем! — сказала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем... — Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали.

— Может быть, ты любишь своего второго мужа?.. — Она не отвечала и отвернулась.

— Или он очень ревнив?

Молчание.

— Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься... — я взглянул на нее и испугался; ее лицо выражало глубокое отчаянье, на глазах сверкали слезы.

— Скажи мне, — наконец прошептала она, — тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий... — Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть, — подумал я, — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крепко обнял, и так мы оставались

долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий, упоительный поцелуй; ее руки были холодны как лед, голова горела. Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере.

Она решительно не хочет, чтоб я познакомился с ее мужем — тем хромым старичком, которого я видел мельком на бульваре: она вышла за него для сына. Он богат и страдает ревматизмами. Я не позволил себе над ним ни одной насмешки: она его уважает, как отца, — и будет обманывать, как мужа... Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!

Муж Веры, Семен Васильевич Г...в, дальний родственник княгини Лиговской. Он живет с нею рядом; Вера часто бывает у княгини; я ей дал слово познакомиться с Лиговскими и волочиться за княжной, чтоб отвлечь от нее внимание. Таким образом, мои планы нимало не расстроились, и мне будет весело...

Весело!.. Да, я уже прошел тот период жиз-

ни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь, — теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Однако мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь. Отчего это? — оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? или это — магнетическое влияния сильного организма? или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным характером?

Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером: их ли это дело!..

Правда, теперь вспомнил: один раз, один только раз я любил женщину с твердой волей, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами, — и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе...

Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается, я боюсь, чтобы не было у нее чахотки или той болезни, которую называют *fièvre lente*[46] — болезнь не русская вовсе, и ей на нашем языке нет названия.

Гроза застала нас в гроте и удержала лишних полчаса. Она не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались... Она вверилась мне снова с прежней беспечно-стью, — я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, на веки: оба пойдем разными путями до гроба; но воспоминание о ней останется неприкосновенным в душе моей; я ей это повторял всегда и она мне верит, хотя говорит противное.

Наконец мы расстались; я долго следил за нею взором, пока ее шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обаялся этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это

только ее прощальный взгляд, последний подарок — на память?.. А смешно подумать, что на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но еще свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...

Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума. Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес.

Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этой загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме

верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего; оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая. Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад. Я держу четырех лошадей: одну для себя, трех для приятелей, чтоб не скучно было одному таскаться по полям; они берут моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не ездят вместе. Было уже шесть часов пополудни, когда вспомнил я, что пора обедать; лошадь моя была измучена; я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию, куда часто водяное общество ездит en рiquenique.[47] Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав; кругом амфитеатром возвышаются синие грома-

ды Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии балками, я остановился, чтоб напоить лошадь; в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским;[48] впереди ехал Грушницкий с княжною Мери.

Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди белого дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил пашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском облечении. Высокий куст закрывал меня от них, но сквозь листья его я мог видеть все и отгадать по выражениям их лиц, что разговор был сентиментальный. Наконец они приблизились к спуску; Грушницкий взял за повод лошадь княжны, и тогда я услышал конец их разговора:

— И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе? — говорила княжна.

— Что для меня Россия! — отвечал ее кавалер, — страна, где тысячи людей, потому что

они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь — здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с вами...

— Напротив... — сказала княжна, покраснев.

Лицо Грушницкого изобразило удовольствие. Он продолжал:

— Здесь моя жизнь протечет шумно, незаметно и быстро, под пулями дикарей, и если бы бог мне каждый год посылал один светлый женский взгляд, один, подобный тому...

В это время они поравнялись со мной; я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

— Mon Dieu, un Circassien!..[49] — вскрикнула княжна в ужасе. Чтоб ее совершенно разубедить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, — je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.[50]

Она смутилась, — но отчего? от своей ошибки или оттого, что мой ответ ей показался дерзким? Я желал бы, чтоб последнее мое предположение было справедливо. Грушниц-

кий бросил на меня недовольный взгляд.

Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало злое обаяние облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрипом нагайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался... Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем? «Что делает теперь Вера?» — думал я... Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ее руку.

Вдруг слышу быстрые и неровные шаги... Верно, Грушницкий... Так и есть!

— Откуда?

— От княгини Лиговской, — сказал он очень важно. — Как Мери поет!..

— Знаешь ли что? — сказал я ему, — я паридержу, что она не знает, что ты юнкер; она ду-

мает, что ты разжалованный...

— Может быть! Какое мне дело!.. — сказал он рассеянно.

— Нет, я только так это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мне жаль, что не имею еще этого права...

— О-го! — подумал я, — у него, видно, есть уже надежды...

— Впрочем, для тебя же хуже, — продолжал Грушницкий, — теперь тебе трудно познакомиться с ними, — а жаль! это один из самых приятных домов, какие я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый приятный дом для меня теперь мой, — сказал я, зевая, и встал, чтоб идти.

- Однако признайся, ты раскаиваешься?..
- Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...
- Посмотрим...
- Даже, чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться за княжной...
- Да, если она захочет говорить с тобой...
- Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..
- А я пойду шататься, — я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдем лучше в ресторан, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения...
- Желаю тебе проиграться...
- Я пошел домой.

21-го мая.

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая. Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны: когда же он ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, потому что он не жених. Вот логика матерей! Я подметил два, три нежных взгляда, — надо этому положить конец.

Вчера у колодца в первый раз явилась Вера... Она, с тех пор как мы встретились в гроте, не выходила из дома. Мы в одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мне сказала шепотом:

— Ты не хочешь познакомиться с Лиговскими?.. Мы только там можем видеться...

Упрек! скучно! Но я его заслужил...

Кстати: завтра бал по подписке в зале ресторации, и я буду танцевать с княжной мазурку.

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин — там сейчас явится высший и низший круг. Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей

богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осененной розовыми перьями; пышность ее платья напоминала времена фижм, а пестрота ее негладкой кожи — счастливую эпоху мушек из черной тафты. Самая большая бородавка на ее шее прикрыта была фермуаром. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет... *C'est imrayable!*..[51] И чем она гордится? Уж ее надо бы проучить...

— За этим дело не станет! — отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид: она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ее помутились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: «Merci, monsieur».[52]

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

— Я слышал, княжна, что, будучи вам все незнаком, я имел уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда?

— И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? — отвечала она с иронической гримаской, которая, впрочем, очень идет к ее подвижной физиономии.

— Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь еще большую дерзость просить у вас прощения... И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчет меня ошибались...

— Вам это будет довольно трудно...

— Отчего же?

— Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

«Это значит, — подумал я, — что их двери для меня навеки закрыты».

— Знаете, княжна, — сказал я с некоторой досадой, — никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...

Хохот и шушуканье нас окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, и в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке с длинными усами и красной рожой и направил неверные

шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на нее мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом:

— Пермете...[53] ну, да что тут!.. просто ангажирую вас на мазурку...

— Что вам угодно? — произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

— Что же? — сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками, — разве вам не угодно?.. Я таки опять имею честь вас ангажировать pour mazure...[54] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...

Я видел, что она готова упасть в обморок от страху и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему

пристально в глаза, попросил удалиться, — потому, прибавил я, что княжна давно уж обещалась танцевать мазурку со мною.

— Ну, нечего делать!.. в другой раз! — сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыженным товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату.

Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом.

Княжна подошла к своей матери и рассказала ей все, та отыскала меня в толпе и благодарила. Она объявила мне, что знала мою мать и была дружна с полдюжиной моих тетушек.

— Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы, — прибавила она, — но признайтесь, вы этому одни виною: вы дичитесь всех так, что ни на что не похоже. Я надеюсь, что воздух моей гостиной разгонит ваш сплин... не правда ли?

Я сказал ей одну из тех фраз, которые у всякого должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконец с хор загремела мазурка; мы с

княжной уселись.

Я не намекал ни разу ни о пьяном господине, ни о прежнем моем поведении, ни о Грушницком. Впечатление, произведенное на нее неприятною сценою, мало-помалу рассеялось; личико ее расцвело; она шутила очень мило; ее разговор был остер, без притязания на остроу, жив и свободен; ее замечания иногда глубоки... Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела.

— Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.

— Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, — потому что вас окружает слишком густая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! Они все прескучные...

— Все! Неужели все?

Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и, наконец, произнесла ре-

шительно: все!

— Даже мой друг Грушницкий?

— А он ваш друг? — сказала она, показывая некоторое сомнение.

— Да.

— Он, конечно, не входит в разряд скучных...

— Но в разряд несчастных, — сказал я смеясь.

— Конечно! А вам смешно? Я б желала, чтоб вы были на его месте...

— Что ж? я был сам некогда юнкером, и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А разве он юнкер?.. — сказала она быстро и потом прибавила: — А я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тут разговор переменял направление и к этому уж более не возвращался.

Вот мазурка кончилась, и мы распростились — до свидания. Дамы разъехались... Я пошел ужинать и встретил Вернера.

— А-га! — сказал он, — так-то вы! А еще хотели не иначе знакомиться с княжной, как спасши ее от верной смерти.

— Я сделал лучше, — отвечал я ему, — спас ее от обморока на бале!..

— Как это? Расскажите!..

— Нет, отгадайте, — о вы, отгадывающий все на свете!

23-го мая.

Около семи часов вечера я гулял на бульваре. Грушницкий, увидав меня издали, подошел ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

— Благодарю тебя, Печорин... Ты понимаешь меня?..

— Нет; но, во всяком случае, не стоит благодарности, — отвечал я, не имея точно на совести никакого благодеяния.

— Как? а вчера? ты разве забыл?.. Мери мне все рассказала...

— А что? разве у вас уж нынче все общее? и благодарность?..

— Послушай, — сказал Грушницкий очень важно, — пожалуйста, не подшучивай над моей любовью, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю до безу-

мия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером... обещаю мне замечать все; я знаю, ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин... Женщины! женщины! кто их поймет? Их улыбки противоречат их взорам, их слова обещают и манят, а звук их голоса отталкивает... То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то не понимают самых ясных намеков... Вот хоть княжна: вчера ее глаза пылали страстью, останавливаясь на мне, нынче они тусклы и холодны...

— Это, может быть, следствие действия вод, — отвечал я.

— Ты во всем видишь худую сторону... матерьялист! — прибавил он презрительно. — Впрочем, переменим материю, — и, довольный плохим каламбуром, он развеселился.

В девятом часу мы вместе пошли к княгине.

Проходя мимо окон Веры, я видел ее у окна. Мы кинули друг другу беглый взгляд. Она вскоре после нас вошла в гостиную Лиговских. Княгиня меня ей представила как своей

родственнице. Пили чай; гостей было много; разговор был общий. Я старался понравиться княгине, шутил, заставлял ее несколько раз смеяться от души; княжне также не раз хотелось похохотать, но она удерживалась, чтоб не выйти из принятой роли; она находит, что томность к ней идет, — и, может быть, не ошибается. Грушницкий, кажется, очень рад, что моя веселость ее не заражает.

После чая все пошли в залу.

— Довольна ль ты моим послушанием, Вера? — сказал я, проходя мимо ее.

Она мне кинула взгляд, исполненный любви и благодарности. Я привык к этим взглядам; но некогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; все просили ее спеть что-нибудь, — я молчал и, пользуясь суматохой, отошел к окну с Верой, которая мне хотела сказать что-то очень важное для нас обоих... Вышло — вздор...

Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этот разговор немой, но выразительный, краткий, но сильный!..

Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем, я не слушал. Зато Грушницкий, облокотясь на рояль против нее, пожирал ее глазами и поминутно говорил вполголоса: «Charmant! délicieux!»[55]

— Послушай, — говорила мне Вера, — я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь. Мы здесь только будем видеться... — Только?.. — Она покраснела и продолжала:

— Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мере я хочу сберечь свою репутацию... не для себя: ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе. Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки, а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что са-

мые жаркие поцелуи не могут заменить его.

Между тем княжна Мери перестала петь. Ропот похвал раздался вокруг нее; я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.

— Мне это тем более лестно, — сказала она, — что вы меня вовсе не слушали; но вы, может быть, не любите музыки?..

— Напротив... после обеда особенно.

— Грушницкий прав, говоря, что у вас самые прозаические вкусы... и я вижу, что вы любите музыку в гастрономическом отношении...

— Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок. Но музыка после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении. Вечером же она, напротив, слишком раздражает мои нервы: мне делается или слишком грустно, или слишком весело. То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или радоваться, и притом грусть в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, села воз-

ле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, потому что он иногда смотрел на нее с удивлением, стараясь угадать причину внутреннего волнения, изображавшегося иногда в ее беспокойном взгляде...

Но я вас отгадал, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие, — вам не удастся! и если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден.

В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в их разговор, но она довольно сухо встречала мои замечания, и я с притворной досадою наконец удалился. Княжна торжествовала, Грушницкий тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет...

Остальную часть вечера я провел возле Ве-

ры и досыта наговорился о старине... За что она меня так любит, право, не знаю! Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?..

Мы вышли вместе с Грушницким; на улице он взял меня под руку и после долгого молчания сказал:

— Ну, что?

«Ты глуп», — хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами.

29-го мая.

Все эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой; но я всякий раз, как Грушницкий подхо-

дит к ней, принимаю смиренный вид и оставляю их вдвоем; в первый раз была она этому рада или старалась показать; во второй — рассердилась на меня, в третий — на Грушницкого.

— У вас очень мало самолюбия! — сказала она мне вчера. — Отчего вы думаете, что мне веселее с Грушницким?

Я отвечал, что жертвую счастию приятеля своим удовольствием...

— И моим, — прибавила она.

Я пристально посмотрел на нее и принял серьезный вид. Потом целый день не говорил с ней ни слова... Вечером она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивей; когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой, но только что завидела меня, она стала хохотать (очень некстати), показывая, будто меня не примечает. Я отошел подалее и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза.

Решительно, Грушницкий ей надоел. Еще два дня не буду с ней говорить.

3-го июня.

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство? Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия... Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство — истинная бесконечная страсть, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности — только в невозможности достигнуть цели, то есть конца.

Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка, он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет

нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить: «Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез!»

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви,

преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности: идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара. Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они

принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов; душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, — лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.

Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета... Но что за нужда?.. Ведь этот журнал пишу я для себя, и, следовательно, все, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием.

* * *

Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры. Мы выпили

шампанского. Доктор Вернер вошел вслед за ним.

— Я вас не поздравляю, — сказал он Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель к вам очень идет, и признайтесь, что армейский пешотный мундир, сшитый здесь, на водах, не придаст вам ничего интересного... Видите ли, вы до сих пор были исключением, а теперь подойдете под общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, доктор! вы мне не помешаете радоваться. Он не знает, — прибавил Грушницкий мне на ухо, — сколько надежд придали мне эти эполеты... О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки... Нет! я теперь совершенно счастлив.

— Ты идешь с нами гулять к провалу? — спросил я его.

— Я? ни за что не покажусь княжне, пока не готов будет мундир.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?..

— Нет, пожалуйста, не говори... Я хочу ее

удивить...

— Скажи мне, однако, как твои дела с нею?

Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — и было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истине.

— Как ты думаешь, любит ли она тебя?

— Любит ли? Помилуй, Печорин, какие у тебя понятия!.. как можно так скоро?.. Да если даже она и любит, то порядочная женщина этого не скажет...

— Хорошо! И, вероятно, по-твоему, порядочный человек должен тоже молчать о своей страсти?..

— Эх, братец! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...

— Она?.. — отвечал он, подняв глаза к небу и самодовольно улыбнувшись, — мне жаль тебя, Печорин!..

Он ушел.

Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.

По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек! — сказала она мне, — я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и нарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние — не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным

калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит ничто.

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание — чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во все время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, — а это великий признак!

Мы пришли к привалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки мо-

ей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно.

— Любили ли вы? — спросил я ее наконец.

Она посмотрела на меня пристально, покачала головой — и опять впала в задумчивость: явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства; конечно, они готовят ее сердце к принятию священного огня, а все-таки первое прикосновение решает дело.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гуля-

НЬЯ.

Мы расстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть — вот что скучно!

4-го июня.

Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей поверять свои сердечные тайны: надо признаться, удачный выбор!

— Я отгадываю, к чему все это клонится, — говорила мне Вера, — лучше скажи мне просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачем же ее преследовать, тревожить, волновать ее воображение?.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтоб я тебе верила, то приезжай через неделю в Кисловодск; послезавтра мы переезжаем туда. Княгиня остается здесь дольше. Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине; внизу княгиня Лиговская, а рядом есть дом того же хо-

зяина, который еще не занят... Приедешь?..

Я обещал — и тот же день послал занять эту квартиру.

Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу.

— Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он.

— Когда же бал?

— Да завтра! Разве не знаешь? Большой праздник, и здешнее начальство взялось его устроить...

— Пойдем на бульвар...

— Ни за что, в этой гадкой шинели...

— Как, ты ее разлюбил?..

Я ушел один и, встретив княжну Мери, позвал ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, как прошлый раз, — сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замечает отсутствия Грушницкого.

— Вы будете завтра приятно удивлены, — сказал я ей.

— Чем?

— Это секрет... на бале вы сами догадаетесь.

Я окончил вечер у княгини; гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старичка. Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне стало совестно. Куда девалась ее живость, ее кокетство, ее капризы, ее дерзкая мина, презрительная улыбка, рассеянный взгляд?..

Вера все это заметила: на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть; она сидела в тени у окна, погружаясь в широкие кресла... Мне стало жаль ее...

Тогда я рассказал всю драматическую историю нашего знакомства с нею, нашей любви, — разумеется, прикрыв все это вымышленными именами.

Я так живо изобразил мою нежность, мои беспокойства, восторги; я в таком выгодном свете выставил ее поступки, характер, что она поневоле должна была простить мне мое

кокетство с княжной.

Она встала, подсела к нам, оживилась... и мы только в два часа ночи вспомнили, что доктора велют ложиться спать в одиннадцать.

5-го июня.

За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая цепочка, на которой висел двойной лорнет; эполеты невероятной величины были загнуты кверху в виде крылышек амура; сапоги его скрипели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правую взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол. Самодовольствие и вместе некоторая неуверенность изображались на его лице; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если б это было согласно с моими намерениями.

Он бросил фуражку с перчатками на стол и начал обтягивать фалды и поправляться перед зеркалом; черный огромный платок, навернутый на высочайший подгалстушник,

которого щетина поддерживала его подбородок, высовывался на полвершка из-за воротника; ему показалось мало: он вытащил его кверху до ушей; от этой трудной работы, ибо воротник мундира был очень узок и беспокоен, лицо его налилось кровью.

— Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.

— Где нам, дуракам, чай пить! — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.

— Скажи-ка, хорошо на мне сидит мундир?.. Ох, проклятый жид!.. как под мышками? режет!.. Нет ли у тебя духов?

— Помилуй, чего тебе еще? от тебя и так уж несет розовой помадой...

— Ничего. Дай-ка сюда...

Он налил себе полсклянки за галстук, в носовой платок, на рукава.

— Ты будешь танцевать? — спросил он.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мне с княжной придется начинать мазурку, — я не знаю почти ни од-

ной фигуры...

— А ты звал ее на мазурку?

— Нет еще...

— Смотри, чтоб тебя не предупредили...

— В самом деле? — сказал он, ударив себя по лбу. — Прощай... пойду дожидаться ее у подъезда. — Он схватил фуражку и побежал.

Через полчаса и я отправился. На улице было темно и пусто; вокруг собрания или трактира, как угодно, теснился народ; окна его светились; звуки полковой музыки доносили ко мне вечерний ветер. Я шел медленно; мне было грустно... Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов — или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?.. Поче-

му знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Войдя в залу, я спрятался в толпе мужчин и начал делать свои наблюдения. Грушницкий стоял возле княжны и что-то говорил с большим жаром; она его рассеянно слушала, смотрела по сторонам, приложив веер к губкам; на лице ее изображалось нетерпение, глаза ее искали кругом кого-то; я тихонько подошел сзади, чтоб подслушать их разговор.

— Вы меня мучите, княжна! — говорил Грушницкий, — вы ужасно переменились с тех пор, как я вас не видал...

— Вы также переменились, — отвечала она, бросив на него быстрый взгляд, в котором он не умел разобрать тайной насмешки.

— Я? я переменялся?.. О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видел вас однажды, тот навеки унесет с собою ваш божественный образ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали

благосклонно?..

— Потому что я не люблю повторений, — отвечала она, смеясь...

— О, я горько ошибся!.. Я думал, безумный, что по крайней мере эти эполеты дадут мне право надеяться... Нет, лучше бы мне век остаться в этой презренной солдатской шинели, которой, может быть, я обязан вашим вниманием...

— В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...

В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?..

— Я с вами не согласен, — отвечал я, — в мундире он еще моложавее.

Грушницкий не вынес этого удара; как все мальчишки, он имеет претензию быть стариком; он думает, что на его лице глубокие следы страстей заменяют отпечаток лет. Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь.

— А признайтесь, — сказал я княжне, — что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..

Она потупила глаза и не отвечала.

Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал или с нею, или вис-е-вис; он пожирал ее глазами, вздыхал и надоедал ей мольбами и упреками. После третьей кадрили она его уж ненавидела.

— Я этого не ожидал от тебя, — сказал он, подойдя ко мне и взяв меня за руку.

— Чего?

— Ты с нею танцуешь мазурку? — спросил он торжественным голосом. — Она мне призналась...

— Ну, так что ж? А разве это секрет?

— Разумеется... Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки... Уж я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эпoletы, а зачем же обвинять ее? Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачем же подавать надежды?

— Зачем же ты надеялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто ж наде-

ется?

— Ты выиграл пари — только не совсем, — сказал он, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкий выбирал одну только княжну, другие кавалеры поминутно ее выбирали; это явно был заговор против меня; тем лучше: ей хочется говорить со мной, ей мешают, — ей захочется вдвое более.

Я раза два пожал ее руку; во второй раз она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мне, когда мазурка кончилась.

— Этому виноват Грушницкий.

— О нет! — И лицо ее стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть.

Я возвратился в залу очень доволен собой.

За большим столом ужинала молодежь, и между ними Грушницкий. Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне. Многие с прошедшего бала на меня дуются, особенно

драгунский капитан, а теперь, кажется, решительно составляется против меня враждебная шайка под командой Грушницкого. У него такой гордый и храбрый вид... Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью.

В продолжение ужина Грушницкий шептался и перемигивался с драгунским капитаном.

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шел к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой: во взгляде ее был упрек.

Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, — больна. Вечером на бульваре ее не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. Я рад, что княжна больна: они сделали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно!..

Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. Я не видал ее! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!

7-го июня.

В одиннадцать часов утра — час, в который княгиня Лиговская обыкновенно потеет в Ермоловской ванне, — я шел мимо ее дома. Княжна сидела задумчиво у окна; увидев меня, вскочила.

Я вошел в переднюю; людей никого не было, и я без доклада, пользуясь свободой здешних нравов, пробрался в гостиную.

Тусклая бледность покрывала милое лицо

княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресел: эта рука чуть-чуть дрожала; я тихо подошел к ней и сказал:

— Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокий взор и покачала головой; ее губы хотели проговорить что-то — и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась в кресла и закрыла лицо руками.

— Что с вами? — сказал я, взяв ее руку.

— Вы меня не уважаете!.. О! Оставьте меня!..

Я сделал несколько шагов... Она выпрямилась в креслах, глаза ее засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери и сказал:

— Простите меня, княжна! Я поступил как безумец... этого в другой раз не случится: я приму свои меры... Зачем вам знать то, что происходило до сих пор в душе моей! Вы этого никогда не узнаете, и тем лучше для вас. Прощайте.

Уходя, мне кажется, я слышал, что она плакала.

Я до вечера бродил пешком по окрестно-

стям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.

Ко мне зашел Вернер.

— Правда ли, — спросил он, — что вы женитесь на княжне Лиговской?

— А что?

— Весь город говорит; все мои больные заняты этой важной новостью, а уж эти больные такой народ: все знают!

«Это шутки Грушницкого!» — подумал я.

— Чтоб вам доказать, доктор, ложность этих слухов, объявляю вам по секрету, что завтра я переезжаю в Кисловодск...

— И княгиня также?..

— Нет, она остается еще на неделю здесь...

— Так вы не женитесь?..

— Доктор, доктор! посмотрите на меня: неужели я похож на жениха или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... но вы знаете, есть случаи... — прибавил он, хитро улыбаясь, — в которых благородный человек обязан жениться, и есть маменьки, которые по крайней мере не предупреждают этих случаев... Итак,

я вам советую, как приятель, быть осторожнее! Здесь, на водах, преопасный воздух: сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец... Даже, поверите ли, меня хотели женить! Именно, одна уездная маменька, у которой дочь была очень бледна. Я имел несчастье сказать ей, что цвет лица возвратится после свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мне руку своей дочери и все свое состояние — пятьдесят душ, кажется. Но я отвечал, что я к этому не способен...

Вернер ушел в полной уверенности, что он меня предостерег.

Из слов его я заметил, что про меня и княжну уж распущены в городе разные дурные слухи: это Грушницкому даром не пройдет!

10-го июня.

Вот уж три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гулянье. Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон; она давно уж одета и

ждет условного знака; мы встречаемся, будто нечаянно, в саду, который от наших домов спускается к колодцу. Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом. Здешние жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И в самом деле, здесь все дышит уединением; здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок. С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякий раз, как я на

нее взгляну, мне все кажется, что едет карета, а из окна кареты выглядывает розовое личико. Уж много карет проехало по этой дороге, — а той все нет. Слободка, которая за крепостью, населилась; в ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздается до поздней ночи.

Нигде так много не пьют кахетинского вина и минеральной воды, как здесь.

*Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из
их числа.[56]*

Грушницкий с своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мной почти не кланяется.

Он только вчера приехал, а успел уже поссориться с тремя стариками, которые хотели прежде его сесть в ванну: решительно — несчастья развивают в нем воинственный дух.

11-го июня.

Наконец они приехали. Я сидел у окна, когда услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюблен? Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать.

Я у них обедал. Княгиня на меня смотрит очень нежно и не отходит от дочери... плохо! Зато Вера ревнует меня к княжне: добился же я этого благополучия! Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу! Я помню, одна меня полюбила за то, что я любил другую. Нет ничего парадоксальнее женского ума; женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предупреждения, очень оригинален; чтоб выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики.

Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня, но я замужем: следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, — следовательно...

Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит, а говорят большею частью: язык, глаза и вслед за ними сердце, если оно имеется.

Что, если когда-нибудь эти записки попадут на глаза женщине? «Клевета!» — закричит она с негодованием.

С тех пор, как поэты пишут и женщины их читают (за что им глубочайшая благодарность), их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом...

Не кстати было бы мне говорить о них с такою злостью, — мне, который, кроме их, на свете ничего не любил, — мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью... Но ведь я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает. Нет, все, что я говорю о них, есть только следствие

Ума холодных наблюдений

Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости.

Кстати: Вернер намерен сравнил женщин с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Ерусалиме». «Только приступи, — говорил он, — на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие... Надо только не смотреть, а идти прямо, — мало-помалу чудовища исчезают, и открывается пред тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт. Зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад!»

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это — ворота, образованные природой; они поднимаются на высо-

ком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предупредить княжну Мери.

Мы были уж на середине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — проговорила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою ее гибкую талию. «Смотрите вверх! — шепнул я ей, — это ничего, только не бойтесь;

я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный мягкий стан; моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете? Боже мой!..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади; никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить? Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... о нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности, — не правда ли, во мне нет ни-

чего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться. Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она, — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда она уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно

радовалось, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира...[58] А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия!

Слезши с лошадей, дамы вошли к княгине; я был взволнован и поскакал в горы развеять мысли, толпившиеся в голове моей. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались...

В одном из домов слободки, построенном на краю обрыва, заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, изобличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; неплот-

но притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслышать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слетки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, — да, трус!

— Я думаю тоже, — сказал Грушницкий. — Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин все обратил в смешную сторону. Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться...

— Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, — сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас

отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, — о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан. — Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим; только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответ Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? — думал я. — За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегись, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как

померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли? Она схватила меня за руки. Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю...

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил княжне *son coeur et sa fortune*;[59] но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, — прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно

ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она мне предсказала мне смерть от злой жены; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже.

15-го июня.

Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум. На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера, в зале Благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной.

Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская,

несмотря на то, что дочь ее больна, взяла для себя билет.

Нынче после обеда я шел мимо окон Веры; она сидела на балконе одна; к ногам моим упала записка:

«Сегодня в десятом часу вечера приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернется. Моих людей и горничных не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. Я жду тебя; приходи непременно».

«А-га! — подумал я, — наконец-таки вышло по-моему».

В восемь часов пошел я смотреть фокусника. Публика собралась в исходе девятого; представление началось. В задних рядах ступльев узнал я лакеев и горничных Веры и княгини. Все были тут наперечет. Грушницкий сидел в первом ряду с лорнетом. Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и прочее.

Грушницкий мне не кланяется уж несколько времени, а нынче раза два посмот-

рел на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда нам придется расплачиваться.

В исходе десятого я встал и вышел.

На дворе было темно, хоть глаз выколи. Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор: лишь изредка умирающий ветер шумел вершинами тополей, окружающих ресторацию; у окон ее толпился народ. Я спустился с горы, и повернув в ворота, прибавил шагу. Вдруг мне показалось, что кто-то идет за мной. Я остановился и осмотрелся. В темноте ничего нельзя было разобрать; однако я из осторожности обошел, будто гуляя, вокруг дома. Проходя мимо окон княжны, я услышал снова шаги за собою; человек, завернутый в шинель, пробежал мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался к крыльцу и поспешно взбежал на темную лестницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видал? — сказала шепотом Вера, прижавшись ко мне.

— Никто!

— Теперь ты веришь ли, что я тебя люблю?

О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты из меня делаешь все, что хочешь.

Ее сердце сильно билось, руки были холодны как лед. Начались упреки ревности, жалобы, — она требовала от меня, чтоб я ей во всем признался, говоря, что она с покорностью перенесет мою измену, потому что хочет единственно моего счастья. Я этому не совсем верил, но успокоил ее клятвами, обещаниями и прочее.

— Так ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думает... знаешь ли, она влюблена в тебя до безумия, бедняжка!..

* * *

Около двух часов пополуночи я отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну. У княжны еще горел огонь. Что-то меня толкнуло к этому окну. Занавес был не совсем задернут, и я мог бросить любопытный взгляд во внутренность комнаты. Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые

плечики, ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; перед нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробегали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...

В эту минуту кто-то шевельнулся за кустом. Я спрыгнул с балкона на дерн. Невидимая рука схватила меня за плечо.

— Ага! — сказал грубый голос, — попался!.. будешь у меня к княжнам ходить ночью!..

— Держи его крепче! — закричал другой, выскочивший из-за угла.

Это были Грушницкий и драгунский капитан.

Я ударил последнего по голове кулаком, сшиб его с ног и бросился в кусты. Все тропинки сада, покрывавшего отлогость против наших домов, были мне известны.

— Воры! караул!.. — кричали они; раздался ружейный выстрел; дымящийся пыж упал почти к моим ногам.

Через минуту я был уже в своей комнате,

разделся и лег. Едва мой лакей запер дверь на замок, как ко мне начали стучаться Грушницкий и капитан.

— Печорин! вы спите? здесь вы?.. — закричал капитан.

— Вставайте! — воры... черкесы...

— У меня насморк, — отвечал я, — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я им откликнулся: они б еще с час проискали меня в саду. Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Все зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — и, разумеется, ничего не нашли. Но многие, вероятно, остались в твердом убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте.

16-го июня.

Нынче поутру у колодца только и было толков, что о ночном нападении черкесов. Выпивши положенное число стаканов нарзана, пройдясь раз десять по длинной липовой аллее, я встретил мужа Веры, который только

что приехал из Пятигорска. Он взял меня под руку, и мы пошли в ресторацию завтракать; он ужасно беспокоился о жене. «Как она перепугалась нынче ночью! — говорил он, — ведь надобно ж, чтоб это случилось именно тогда, как я в отсутствии». Мы уселись завтракать возле двери, ведущей в угловую комнату, где находилось человек десять молодежи, в числе которых был и Грушницкий. Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь. Он меня не видал, и, следовательно, я не мог подозревать умысла; но это только увеличивало его вину в моих глазах.

— Да неужели в самом деле это были черкесы? — сказал кто-то, — видел ли их кто-нибудь?

— Я вам расскажу всю историю, — отвечал Грушницкий, — только, пожалуйста, не выдавайте меня; вот как это было: вчерась один человек, которого я вам не назову, приходит ко мне и рассказывает, что видел в десятом часу вечера, как кто-то прокрался в дом к Лиговским. Надо вам заметить, что княгиня была здесь, а княжна дома. Вот мы с ним и от-

правились под окна, чтоб подстеречь счастливецца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собеседник очень был занят своим завтраком: он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушницкий отгадал истину; но ослепленный ревностью, он и не подзревал ее.

— Вот видите ли, — продолжал Грушницкий, — мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном, только так, чтобы попугать. До двух часов ждали в саду. Наконец — уж бог знает откуда он явился, только не из окна, потому что оно не отворялось, а должно быть, он вышел в стеклянную дверь, что за колонной, — наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона... Какова княжна? а? Ну, уж признаюсь, московские барышни! после этого чему же можно верить? Мы хотели его схватить, только он вырвался и, как заяц, бросился в кусты; тут я по нем выстрелил.

Вокруг Грушницкого раздался ропот недоверчивости.

— Вы не верите? — продолжал он, — даю

вам честное благородное слово, что все это су- щая правда, и в доказательство я вам, пожа- луй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто ж он! — раздалось со всех сторон.

— Печорин, — отвечал Грушницкий.

В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:

— Мне очень жаль, что я вошел после того, как вы уж дали честное слово в подтвержде- ние самой отвратительной клеветы. Мое при- сутствие избавило бы вас от лишней подло- сти.

Грушницкий вскочил с своего места и хо- тел разгорячиться.

— Прошу вас, — продолжал я тем же то- ном, — прошу вас сейчас же отказаться от ва- ших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Поду- майте хорошенько: поддерживая ваше мне- ние, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

Грушницкий стоял передо мною, опустив глаза, в сильном волнении. Но борьба совести с самолюбием была непродолжительна. Драгунский капитан, сидевший возле него, толкнул его локтем; он вздрогнул и быстро отвечал мне, не поднимая глаз:

— Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на все...

— Последнее вы уж доказали, — отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты.

— Что вам угодно? — спросил капитан.

— Вы приятель Грушницкого — и, вероятно, будете его секундantom?

Капитан поклонился очень важно.

— Вы отгадали, — отвечал он, — я даже обязан быть его секундantom, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мне: я был с ним вчера ночью, — прибавил он, выпрямляя свой сутуловатый стан.

— А! так это вас ударил я так неловко по голове?

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

— Я буду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта, — прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид, будто не обращаю внимания на его бешенство.

На крыльце ресторации я встретил мужа Веры. Кажется, он меня дожидался.

Он схватил мою руку с чувством, похожим на восторг.

— Благородный молодой человек! — сказал он, с слезами на глазах. — Я все слышал. Экой мерзавец! неблагодарный!.. Принимай их после этого в порядочный дом! Слава богу, у меня нет дочерей! Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте уверены в моей скромности до поры до времени, — продолжал он. — Я сам был молод и служил в военной службе: знаю, что в эти дела не должно вмешиваться. Прощайте.

Бедняжка! радуется, что у него нет дочерей...

Я пошел прямо к Вернеру, застал его дома и рассказал ему все — отношения мои к Вере и княжне и разговор, подслушанный мною, из которого я узнал намерение этих господ

подурачить меня, заставив стреляться холостыми зарядами. Но теперь дело выходило их границ шутки: они, вероятно, не ожидали такой развязки. Доктор согласился быть моим секундантом; я дал ему несколько наставлений насчет условий поединка; он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее, потому что хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире.

После этого я пошел домой. Через час доктор вернулся из своей экспедиции.

— Против вас точно есть заговор, — сказал он. — Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, которого фамилии не помню. Я на минуту остановился в передней, чтоб снять галоши. У них был ужасный шум и спор... «Ни за что не соглашусь! — говорил Грушницкий, — он меня оскорбил публично; тогда было совсем другое...» — «Какое тебе дело? — отвечал капитан, — я все беру на себя. Я был секундантом на пяти дуэлях и уж знаю, как это устроить. Я все придумал. Пожалуйста, только мне не мешай. Постра-

щать не худо. А зачем подвергать себя опасности, если можно избавиться?..» В эту минуту я взошел. Они замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконец мы решили дело вот как: верстах в пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поедут завтра в четыре часа утра, а мы выедем полчаса после них; стреляться будете на шести шагах — этого требовал Грушницкий. Убитого — на счет черкесов. Теперь вот какие у меня подозрения: они, то есть секунданты, должно быть, несколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулюю один пистолет Грушницкого. Это немножко похоже на убийство, но в военное время, и особенно в азиатской войне, хитрости позволяют; только Грушницкий, кажется, поблагороднее своих товарищей. Как вы думаете? Должны ли мы показать им, что догадались?

— Ни за что на свете, доктор! будьте спокойны, я им не поддамся.

— Что же вы хотите делать?

— Это моя тайна.

— Смотрите не попадитесь... ведь на шести шагах!

— Доктор, я вас жду завтра в четыре часа; лошади будут готовы... Прощайте.

Я до вечера просидел дома, запершись в своей комнате. Приходил лакей звать меня к княгине, — я велел сказать, что болен.

* * *

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на балу, который не едет спать только потому, что

еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и ши-

пучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь — из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!

Вот уже полтора месяца, как я в крепости N; Максим Максимыч ушел на охоту... я один; сижу у окна; серые тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном. Холодно; ветер свищет и колеблет ставни... Скучно! Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями.

Перечитываю последнюю страницу: смешно! Я думал умереть; это было невозможно: я еще не осушил чаши страданий, и теперь чувствую, что мне еще долго жить.

Как все прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!

Я помню, что в продолжение ночи, предшествовавшей поединку, я не спал ни минуты. Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские пуритане»; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?..

Наконец рассвело. Нервы мои успокоились. Я посмотрелся в зеркало; тусклая бледность покрывала лицо мое, хранившее следы мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тенью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволен собою.

Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал.

После этого говорите, что душа не зависит от тела!..

Возвратясь, я нашел у себя доктора. На нем были серые рейтузы, архалук и черкесская шапка. Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а в этот раз оно было еще длиннее обыкновенного.

— Отчего вы так печальны, доктор? — сказал я ему. — Разве вы сто раз не провожали людей на тот свет с величайшим равнодушием? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздороветь, могу и умереть; то и другое в порядке вещей; старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, вам еще неизвестной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сделать теперь несколько важных физиологических наблюдений... Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?

Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.

Мы сели верхом; Вернер уцепился за поводья обеими руками, и мы пустились, — мигом

проскакали мимо крепости через слободку и въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем, через который нужно было переправляться вброд, к великому отчаянию доктора, потому что лошадь его каждый раз в воде останавливалась.

Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем. Я помню — в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматриваться каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь все становился уже, утесы синее и страшнее, и, нако-

нец, они, казалось, сходились непроницаемую стеной. Мы ехали молча.

— Написали ли вы свое завещание? — вдруг спросил Вернер.

— Нет.

— А если будете убиты?..

— Наследники отыщутся сами.

— Неужели у вас нет друзей, которым бы вы хотели послать свое последнее прощание?..

Я покачал головой.

— Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, доктор, — отвечал я ему, — чтоб я раскрыл вам мою душу?.. Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напoмаженных или ненапoмаженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе: иные не делают и этого. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, возведут на мой счет бог знает какие небылицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбуждать в нем ревности к усопшему, — бог с

ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй? Посмотрите, доктор: видите ли вы, на скале направо чернеются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились рысью.

У подошвы скалы в кустах были привязаны три лошади; мы своих привязали тут же, а сами по узкой тропинке взобрались на площадку, где ожидал нас Грушницкий с драгунским капитаном и другим своим секундантом, которого звали Иваном Игнатьевичем; фамилии его я никогда не слыхал.

— Мы давно уж вас ожидаем, — сказал драгунский капитан с иронической улыбкой.

Я вынул часы и показал ему.

Он извинился, говоря, что его часы уходят.

Несколько минут продолжалось затрудни-

тельное молчание; наконец доктор прервал его, обратясь к Грушницкому.

— Мне кажется, — сказал он, — что, показав оба готовность драться и заплатив этим долг условиям чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дело полюбовно.

— Я готов, — сказал я.

Капитан мигнул Грушницкому, и этот, думая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условия, — сказал он, — и все, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...

— Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...

— Милостивый государь, я удивляюсь, как вы смеете мне предлагать такие вещи?..

— Что ж я вам мог предложить, кроме этого?..

— Мы будем стреляться...

Я пожал плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал.

Капитан взял его под руку и отвел в сторону; они долго шептались. Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но все это начинало меня бесить.

Ко мне подошел доктор.

— Послушайте, — сказал он с явным беспокойством, — вы, верно, забыли про их заговор?.. Я не умею зарядить пистолета, но в этом случае... Вы странный человек! Скажите им, что вы знаете их намерение, и они не посмеют... Что за охота! подстрелят вас как птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор, и погодите... Я все так устрою, что на их стороне не будет никакой выгоды. Дайте им пошептаться...

— Господа, это становится скучно! — сказал я им громко, — драться так драться; вы

имели время вчера наговориться...

— Мы готовы, — отвечал капитан. — Становитесь, господа!.. Доктор, извольте отметить шесть шагов...

— Становитесь! — повторил Иван Игнатьич пискливым голосом.

— Позвольте! — сказал я, — еще одно условие: так как мы будем драться насмерть, то мы обязаны сделать все возможное, чтоб это осталось тайною и чтоб секунданты наши не были в ответственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом, даже легкая рана будет смертельна: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов. Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет. И тогда можно будет очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачным прыжком. Мы бросим

жребий, кому первому стрелять. Объявляю вам в заключение, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! — сказал драгунский капитан, посмотрев выразительно на Грушницкого, который кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стелясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак! — сказал он Грушницкому довольно громко, — ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!»

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скал составляли шаткие

ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, а потом мы с доктором.

— Я вам удивляюсь, — сказал доктор, пожав мне крепко руку. — Дайте пощупать пульс!.. О-го! лихорадочный!.. но на лице ничего не заметно... только глаза у вас блестят ярче обыкновенного.

Вдруг мелкие камни с шумом покатались нам под ноги. Что это? Грушницкий споткнулся, ветка, за которую он уцепился, изломилась, и он скатился бы вниз на спине, если б его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричал я ему, — не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря![60]

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы: площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка. Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльбрус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежав-

шие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась, там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу, спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать... Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?

— Бросьте жребий, доктор! — сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

— Решетка! — закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

— Орел! — сказал я.

Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней.

— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому, — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дергая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не ска-

жете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

— Не могу, — сказал он глухим голосом.

— Трус! — отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

— Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! — сказал капитан, — теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! — Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха. — Не бойся, — прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, — все вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличною важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого роду чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно сва-

лился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

— Я вам советую перед смертью помолиться богу, — сказал я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душе больше чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

— И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

— Господин Печорин! — закричал драгунский капитан, — вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью — и нас увидят.

— Хорошо, доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произно-

сят смертный приговор:

— Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, — и хорошенько!

— Не может быть! — кричал капитан, — не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... это не моя вина! — А вы не имеете права перезаряжать... никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...

— Хорошо! — сказал я капитану, — если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях... — Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь их! — сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... — Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки, — Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне. Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

— Дурак же ты, братец, — сказал он, —

пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха... — Он отвернулся и, отходя, пробормотал: — А все-таки это совершенно против правил.

— Грушницкий! — сказал я, — еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; — вспомни — мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стреляйте! — отвечал он, — я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...

Я выстрелил...

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

— *Finita la comedia!*[61] — сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил

между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза... Отвязав лошадь, я шагом пустился домой. У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели.

Не доезжая слободки, я повернул направо по ущелью. Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один. Бросив поводья и опустив голову на грудь, я ехал долго, наконец очутился в месте, мне вовсе не знакомом; я повернул коня назад и стал отыскивать дорогу; уж солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, измученный, на измученной лошади.

Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него, другую... от Веры.

Я распечатал первую, она была следующего содержания:

«Все устроено как можно лучше: тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута. Все уверены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендант, которому, вероятно, известна ваша ссора, покачал головой, но ничего не сказал. Доказательств

против вас нет никаких, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...»

Я долго не решался открыть вторую записку... Что могла она мне писать?.. Тяжелое предчувствие волновало мою душу.

Вот оно, это письмо, которого каждое слово неизгладимо врезалось в моей памяти:

«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилося снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что ко-

гда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старает-

ся уверить себя в противном.

Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету... Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла

быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... Прощай; идут... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки

Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья! Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Осталось пять верст до Эссентуков — казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыда-

ний; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы

глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук — и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огне в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас все было тихо, в доме княгини было темно.

Взошел доктор: лоб у него был нахмурен; и он, против обыкновения, не протянул мне руки.

— Откуда вы, доктор?

— От княгини Лиговской; дочь ее больна — расслабление нервов... Да не в этом дело, а вот что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за ее дочь. Ей все этот старичок рассказал... как бишь его? Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я

пришел вас предупредить. Прощайте. Может быть, мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень — и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тяжесть ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость Н., я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? — я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее.

— А мне нужно с вами поговорить очень серьезно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом:

— Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

— Я даже в этом уверена, — продолжала она, — хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за нее, — следственно, рисковали жизнью... Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признаетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). Бог ему простит — и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается, я не смею осуждать вас, потому что дочь моя хотя невинно, но была этому причиною. Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее уби-

вает; она не признается, но я уверена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, — разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, — я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, — сказал я, — мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине...

— Никогда! — воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

— Как хотите, — отвечал я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холод-

на; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот двери отворились, и вошла она, Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

— Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, за-

крыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите, — сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкой, — вы сами видите, что я не могу на вас жениться, если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно

и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько верст до Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком, — и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся...

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющий-

ся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

III. Фаталист[62]

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор, против обыкновения, был занимателен. Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказывает, — сказал старый майор, — ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми подтверждаете свои мнения?

— Конечно, никто, — сказали многие, — но мы слышали от верных людей...

— Все это вздор! — сказал кто-то, — где эти верные люди, видевшие список, на котором

назначен час нашей смерти?.. И если точно есть предопределение, то зачем нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?

В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал, и медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным взглядом. Он был родом серб, как видно было из его имени.

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронзительные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, — все это будто согласовалось для того, чтоб придать ему вид существа особенного, не способного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи.

Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн; вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками, — которых прелесть трудно достигнуть, не выдав их, он никогда не волочил. Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна к его выразительным

глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали.

Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все, и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк, ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу, все вскочили и бросились к оружию. «Поставь ва-банк!» — кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтеров. «Идет семерка», — отвечал тот, убегая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вулич докинул талью, карта была дана.

Когда он явился в цепь, там была уж сильная перестрелка. Вулич не заботился ни о пулях, ни о шашках чеченских: он отыскивал своего счастливого понтера.

— Семерка дана! — закричал он, увидав его наконец в цепи застрельщиков, которые начинали вытеснять из лесу неприятеля, и, подойдя ближе, он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливцу, несмотря на возражения о неуместности платежа. Испол-

нив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами.

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказал он (голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного), — господа! к чему пустые споры? Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мне, не мне! — раздалось со всех сторон, — вот чудак! придет же в голову!..

— Предлагаю пари! — сказал я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нет предопределения, — сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев — все, что было у меня в кармане.

— Держу, — отвечал Вулич глухим голосом. — Майор, вы будете судьей; вот пятнадцать червонцев, остальные пять вы мне

должны, и сделайте мне дружбу прибавить их к этим.

— Хорошо, — сказал майор, — только не понимаю, право, в чем дело и как вы решите спор?..

Вулич вышел молча в спальню майора; мы за ним последовали. Он подошел к стене, на которой висело оружие, и наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов; мы еще его не понимали; но когда он взвел курок и насыпал на полку пороху, то многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки.

— Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие! — закричали ему.

— Господа! — сказал он медленно, освобождая свои руки, — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?

Все замолчали и отошли.

Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытыва-

ющий взгляд, и бледные губы его улынулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказал я ему.

Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть, да, может быть, нет... Потом, обратясь к майору, спросил: заряжен ли пистолет? Майор в замешательстве не помнил хорошенько.

— Да полно, Вулич! — закричал кто-то, — уж, верно, заряжен, коли в головах висел, что за охота шутить!..

— Глупая шутка! — подхватил другой.

— Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! — закричал третий.

Составились новые пари.

Мне надоела эта длинная церемония.

— Послушайте, — сказал я, — или застре-

литесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдёмте спать.

— Разумеется, — воскликнули многие, — пойдёмте спать.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места! — сказал Вулич, приставя дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин, прибавил он, — возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределённое любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава Богу! — вскрикнули многие, — не заряжен...

— Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался — дым наполнил комнату. Когда он рассеялся, сняли фуражку: она была пробита в самой середине и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить. Вулич пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

Пошли толки о том, отчего пистолет в первый раз не выстрелил; иные утверждали, что, вероятно, полка была засорена, другие говорили шепотом, что прежде порох был сырой и что после Вулич присыпал свежего; но я утверждал, что последнее предположение несправедливо, потому что я во все время не спускал глаз с пистолета.

— Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу...

— В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса.

— Зато немножко опаснее.

— А что? вы начали верить предопределению?

— Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился.

— Однако же довольно! — сказал он, вставая, пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны... — Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным — и недаром!..

Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хотел застрелиться; как будто он без меня не мог найти удобного случая!..

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ни-

ми, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем, я любил ласкать попеременно то мрачные, то ра-

дужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал неволью в их колею, но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упал, на-

ткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, по-видимому, неживое. Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? предо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее осмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка, один подошел ко мне и спросил, не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало. Пойдем за ним, Еремеич, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжал свой путь с большей осторожностью и наконец счастливо добрался до своей квартиры.

Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю.

Она, по обыкновению, дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась, но мне

было не до нее. «Прощай, Настя», — сказал я, проходя мимо. Она хотела что-то ответить, но только вздохнула.

Я затворил за собою дверь моей комнаты, засветил свечку и бросился на постель; только сон на этот раз заставил себя ждать более обыкновенного. Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но — видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не высплюсь. В четыре часа утра два кулака застучали ко мне в окно. Я вскочил: что такое?.. «Вставай, одевайся!» — кричало мне несколько голосов. Я наскоро оделся и вышел. «Знаешь, что случилось?» — сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны как смерть.

— Что?

— Вулич убит.

Я остолбенел.

— Да, убит — продолжали они, — пойдём скорее.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Мы пошли. Они рассказали мне все, что случилось, с примесью разных замечаний на-

счет странного предопределения, которое спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулич шел один по темной улице: на него наскочил пьяный казак, изрубивший свинью и, может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: «Кого ты, братец, ищешь?» — «Тебя!» — отвечал казак, ударив его шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца... Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины.

Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы. Мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону; по временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас. Суматоха была страшная.

Вот наконец мы пришли; смотрим: вокруг

хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою: женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди их бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отважился броситься первым. Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится.

В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч, — сказал есаул, — так уж нечего делать, покорись!

— Не покорюсь! — отвечал казак.

— Побойся Бога. Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка! — сказал есаул старухе, — поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович, — сказал есаул, подойдя к майору, — он не сдастся — я его знаю. А если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? в ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я взду-

мал испытать судьбу.

— Погодите, — сказал я майору, — я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить, и броситься мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну. Сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул. — что ты, над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы, я, приложив глаз к щели, следил за движениями казака, не ожидавшего с этой стороны нападения, — и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схватил его за руки; казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уж связан и отведен под конвоем. Народ разошелся. Офицеры меня поздравляли — точно, было с чем!

После всего этого как бы, кажется, не сде-

латься фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения. Он сначала не понимал этого слова, но я объяснил его как мог, и тогда он сказал, значительно покачав головою:

— Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудрёная!.. Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны: приклад маленький, того и гляди, нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!

Потом он примолвил, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений.

1840

Примечания

1

Если бы мы не любили так нежно (*англ.*).

[^^^]

Прощай (*англ.*).

[^^^]

Сентенция (англ.).

[^^^]

4

«C'est trop commun!» — Это слишком пошло!
(франц.).

[^^^]

5

Я вижу перед собой лежащего гладиатора...

Байрон. (англ.).

[^^^]

6

В настоящем издании приводятся разночтения (по четырем копиям ИРЛИ и ГПБ), являющиеся наиболее характерными для большинства списков.

[^^^]

Скорей! (*франц.*).

[^^^]

8

И я вас поздравляю. (*франц.*).

[^^^]

*Какое нам, в конце концов, дело до
грубого крика
всех этих горланящих шарлатанов,
продавцов пафоса и мастеров на-
пыщенности
и всех плясунов, танцующих на
фразе?*

О. Барбье. (франц.).

[^^^]

*Поэты похожи на медведей,
сытых тем, что сосут лапу.*

Неизданное. (франц.).

[^^^]

Перевод:

*Моя милая Александрина,
простите, я вас прошу,
за мой армейский чин
всё, что я вам пишу.
Меж тем, я вас уверяю,
я желаю счастья вам,
а главное много любви,
когда вы будете Мадам.
(франц.).*

[^^^]

Существует еще следующая редакция этого стихотворения:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.*

*Быть может, за хребтом Кавка-
за
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

[^^^]

Шат — Елбрус. *(Прим. Лермонтова).*

[^^^]

Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. (*Прим. Лермонтова*).

[^^^]

Перевод:

ОЖИДАНИЕ

*Я жду ее в сумрачной равнине;
вдали я вижу белеющую тень,
— тень, которая тихо подхо-
дит...*

Но нет — обманчивая надежда!

*—
это старая ива, которая
покачивает свой ствол, высохший
и блестящий.*

*Я наклоняюсь и долго слушаю:
мне кажется, я слышу
по дороге звук легких шагов...*

Нет, не то!

*Это во мху шорох листа,
гонимого ароматным ветром но-
чи.*

*Полный горькой печали,
я ложусь в густую траву
и засыпаю глубоким сном...*

*Вдруг я просыпаюсь, дрожа:
ее голос говорил мне на ухо,
ее губы целовали мой лоб.*

(франц.).

[^^^]

*Они оба любили друг друга, но ни
один
не желал признаться в этом дру-
гому.*

Гейне. (нем.).

[^^^]

Перевод:

*Нет, веря в этом моей надежде,
я жду лучшего будущего.
Преодолев расстояние,
я буду около вас силой воспомина-
ния. —
Блуждая на другом берегу,
я издали буду следовать за вами;
и если над вами разразится гроза,
позовите меня, — и я вернусь.
(франц.).*

[^^^]

Перевод:

Когда я вижу твою улыбку,
мое сердце расцветает,
и я хотел бы высказать тебе,
что говорит мне мое сердце. —
Тогда вся жизнь
встает перед моими глазами;
я проклиная и молюсь
и плачу тайно. —
Потому что без тебя, моего
единственного руководителя,
без твоего огненного взгляда,
мое прошедшее кажется пустым,
как небо без бога. —
И потом — странная причуда! —
я ловлю себя на том,
что благословляю прекрасный
день, — о ангел мой! —
когда ты заставила меня стра-
дать.
(франц.).

Наслаждайся и страдай! Терпи и смиряйся!
Люби, надейся и верь!

Конц (нем.).

[^^^]

Долго ему благоприятствовало счастье В этом столь опасном ремесле. Увы! он становится слишком дерзок, Потому что был слишком счастлив.

Лагарп (франц.).

[^^^]

Мцыри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «пóслушника». (*Прим. Лермонтова*).

[^^^]

Покрывало. (Прим. Лермонтова).

[^^^]

Вроде волынки. *(Прим. Лермонтова).*

[^^^]

Верхняя одежда с откидными рукавами.
(Прим. Лермонтова).

[^^^]

Стремена у грузин вродѣ башмаков из звонко-
го металла. (*Прим. Лермонтова*).

[^^^]

Шапка, вроді ериванки. *(Прим. Лермонтова).*

[^^^]

Чингур — род гитары. (*Прим. Лермонтова*).

[^^^]

Ермолове. *(Прим. Лермонтова).*

[^^^]

ΠΛΟΧΟ (*тюрк.*).

[^^^]

Хороша, очень хороша! (*тюрк.*).

[^^^]

Нет (*тюрк.*).

[^^^]

Гурда — название лучших кавказских клинков (по имени оружейного мастера).

[^^^]

Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура. (*Прим. Лермонтова*).

[^^^]

Кунак — значит приятель. (Прим. Лермонтова).

[^^^]

«...как называет ее ученый Гамба, *le Mont St.-Christophe*» — французский консул в Тифлисе Жак-Франсуа Гамба в книге о путешествии по Кавказу ошибочно назвал Крестовую гору горой святого Кристофа.

[^^^]

овраги. (Прим. Лермонтова).

[^^^]

Юная Франция — группа молодых французских писателей романтического направления (30-е годы XIX века).

[^^^]

Гетева Миньона — героиня романа Гете «Ученические годы Вильгельма Майстера».

[^^^]

«Последняя туча рассеянной бури» — первая строка стихотворения Пушкина «Туча».

[^^^]

серо-жемчужного цвета (*франц.*).

[^^^]

красновато-бурого цвета (*франц.*).

[^^^]

по-мужицки (*франц.*).

[^^^]

Милый мой, я ненавижу людей, чтобы их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом (*франц.*).

[^^^]

Милый мой, я презираю женщин, чтобы не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком нелепой мелодрамой (*франц.*).

[^^^]

Римские авгуры — жрецы-гадатели. Марк Туллий Цицерон, писатель, оратор и политический деятель Древнего Рима, в книге «О гадании» рассказывает, что при встрече друг с другом авгуры едва удерживались от смеха.

[^^^]

Fievre lente — медленная горячка (франц.).

[^^^]

на пикник (*франц.*).

[^^^]

«Смесь черкесского с нижегородским» — перефразировка слов Чацкого из I действия комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским?»»

[^^^]

Боже мой, черкес!.. *(франц.)*.

[^^^]

Не бойтесь, сударыня, — я не более опасен, чем ваш кавалер (*франц.*).

[^^^]

Это презабавно!.. (*франц.*).

[^^^]

Благодарю вас, сударь (*франц.*).

[^^^]

Позвольте... (от *франц.* remettre.)

[^^^]

на мазурку... (франц.).

[^^^]

Очаровательно! прелестно! (*франц.*).

[^^^]

*«Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из
их числа»*

— не совсем точная цитата из III действия комедии «Горе от ума».

[^^^]

*Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет*

— строки из посвящения к «Евгению Онегину».

[^^^]

«...есть минуты, когда я понимаю Вампира...»
— Вампир — герой одноименной повести Дж.
У. Полидори, написанной по сюжету, отчасти
подсказанному Байроном.

[^^^]

руку и сердце (*франц.*).

[^^^]

«Берегитесь! Вспомните Юлия Цезаря!» — Согласно легенде, Юлий Цезарь оступился на пороге по пути в сенат, где он был убит заговорщиками.

[^^^]

Комедия окончена! (*итал.*).

[^^^]

Фаталист — человек, верящий в судьбу (от латинского *fatum* — судьба).

[^^^]